

**ЛАРИСА
БАБИЕНКО**

**“ЗАЧЕМ ЖЕ ЛЮДИ
РАССТАЮТСЯ?”**

ЛАРИСА БАБИЕНКО

«ЗАЧЕМ ЖЕ ЛЮДИ РАССТАЮТСЯ?»

Зачем же люди расстаются,
Когда стоит такой вопрос,
И песни грустные поются
Когда на небе много звезд?

Гитары плачут и смеются,
И повторяют вновь и вновь,
Зачем же люди расстаются,
Когда у них была любовь?

Александр МОРОЗОВ,
Народный артист
Украины и России

ЕГО ФАМИЛИЯ... МАКСИМОВ!

В далекие годы, когда я сдала последний экзамен на факультет журналистики МГУ, и стало ясно, что прошла на него по конкурсу, то с великой радостью отправилась на Ленинский проспект, чтобы вместе со всеми встретить вернувшегося из заоблачных высот Вселенной космонавта Германа Титова.

Народ в тот день ликовал несказанно, а тем более — при виде машины, в которой по одну сторону от Хрущева махал людям Герман Титов, по другую — жена космонавта. В нежном голубом шифоновом платье. Под стать небесам, под которыми гремел этот красивый народный праздник — день освоения Космоса советским народом.

Естественно, что после такого емкого торжества, я устала и уснула тут же в вагоне метро.

— Спишь? — кто-то двинул меня по коленке ногой.

Передо мной — простой человек. Такого неоднократно описывали в юмористических советских рассказах: чуб в одну сторону, кепка — в другую, скромно одет, видно, что работает, слегка выпивши... Только в руках небольшой букет цветов из календулы, космеи, ромашки...

— Космонавт прилетел, весь народ на улицах, — возмутился он. — Я вез букет с дачи для Германа, да немного опоздал. А ты вообще спишь. Не стыдно?

— Нет, — ответила я, протирая глаза. — Я рада за космонавта. И за всех рада. Но у меня тоже сегодня первая в жизни высота. Вот и устала.

— Какой у тебя еще праздник? — Чтоб не шлепнуться от удивления, парень крепче схватился за поручень, тем не менее, повис у меня над головой еще ниже.

— Кажется, я удачно сдала последний экзамен в МГУ.

— А факультет?

— Журналистики...

— Неужто? Прямо на такой факультет?... Вот это да! — изумленно воскликнул мой внезапный попутчик.

Парень переминался передо мной, не зная, что добавить, лицо его тоже сияло от радости, потом он наклонился, от всей души поздравил меня и изрек то, что не забылось потом целую жизнь:

— Моя фамилия Максимов. Запомни. Из рабочих я. Пиши всегда правду. И только правду!

На колени мне лег скромный букет цветов, предназначенный было для космонавта Германа Титова.

— Запомни, пиши только правду...

На следующей станции парень вышел и еще раз на прощанье махнул рукой.

Так Герман Титов и я, хотя никогда не встречались мы с ним ни на одном полустанке или за общим столом, оказались побратимами поневоле. Но в минуту народной трагедии, когда алкоголь и его свора разрушили Советский Союз, о чем тут же и доложили в Вашингтон, в эпоху этой великой народной беды, когда миллионы людей остались без родины, значит — без крыши над головой, работы, без возможности лечить и учить своих детей, в этот трагический период в жизни страны, Герман Титов и я не приняли их нечистоплотный труд за светлый праздник. Мы, как настоящие побратимы, смогли отличить правду от плевел.

Титов в Госдуме, когда был еще жив, говорил только то, что происходит на самом деле в жизни, а я на страницах газеты «За СССР» тоже писала лишь правду.

Как завещал мне простой бесхитростный советский рабочий Максимов. Большое спасибо ему за ту программу профессиональной и человеческой честности, которую он поневоле заложил в мое сознание много лет тому назад.

А в итоге такого видения и родилась эта книга... Итог многих моих поездок по стране и миру.

«ТАШКЕНТ — 1»

Большими нежными хлопьями кружат над тротуарами листья чинар. От них, пыльных, укутанных паутиной, хочется увернуться, шагнуть на дорогу, но сделать это невозможно: прямо от кромки арыка сразу же — белая, мягкая, недосигаемая, как взлетная на аэродроме, полоса.

Девчушки в тюбетейках и красных галстуках хотели было ступить на нее, однако человек, державший в руках вилы, которыми он переворачивал для просушки хлопок, так решительно их шуганул, что они, будто воробышки, мгновенно оказались на тротуаре.

Разве ребята нынче не в колхозе? — спросила я своего одноклассника, припоминая, что мы в это время года, увязанные фартуками из желтой бязи, до глубокой осени собирали на полях хлопок.

— В этом году они поедут позднее, а скоро вообще перестанут бывать там, — ответил мне преподаватель из Андижанского института хлопководства Тулкун Усманович Абдурахимов. И добавил:

— Сразу видно, что давно не была ты на родине. Многого уже не знаешь.

— Что именно? — снисходительно поинтересовалась я.

Вокруг, как и много лет назад, текла в арыках вода, мужчины охотно носили черно-белые тюбетейки, шелестели на женщинах яркие, с луговыми всполохами, шелка. А Тулкун улыбнулся, и сразу же напомнил мне мальчишку, которого я знала с раннего детства.

В младших классах наш одноклассник почему-то неважно учился, и труднее всего ему, мальчишке из национальной семьи, давался родной язык. Он так же, как и мы, совершенно не чувствовал, когда нужно было в узбекском правописании ставить над какими-то буквами «пирожки» или «крючочки».

Ну и потешались мы, когда оглашались результаты диктанта, хотя на своем красивом и чуть гортанном языке он говорил превосходно. Но во время диктанта мы тайком сверяли трудные в правописании слова с теми, что заранее были тонким карандашом обведены в аккуратно постеленных на парты газетах.

— Да списывай, Тулкуня, списывай, — шептали ребята, — и охота тебе с двойками? Мать же поколотит. И не тяни класс назад. Зачем нам второгодники?

Но многочисленные советы и даже щипки ничего не проясняли в сознании этого чертовски непонятного школьника! На уроках «узбек-тили» его локти по-прежнему покоилась на голой, жесткой и черной парте, а во дворе, где жил Тулкун, соседи часто слышали потом нервные вскрики его матери:

— Жилудок твой опять будит три дня голодный! Вот погоди, ота, отец приедет!

Жарко. Притихло в воде лягушачье царство. Возле заплывшего тиной арыка отдыхал минуту назад еще ворошивший хлопок старик, устало вытирал тюбейкой лицо.

— Помнишь, как и нам тяжело давался хлопок? — спросил меня Тулкун.

— Конечно, — ответила я, припоминая, как ребята из нашего класса рассеялись уже по всему полю и медленно движутся по рядкам. Сухие ветки прокалывают до костей пальцы, царапают ладони, до крови раздрают локти.

— Хоть бы вечер скорее, — бормочет на соседней грядке девочка из другого класса Рахимка. Полноватые слабые руки ее тянутся к кустам реже и реже. Спина, согнутая в поклоне, в очень долгом поклоне перед землей, и у меня ноет уже невыносимо.

— Глянь, чисто ли я убираю? — спрашивает Рахима.

Перед глазами — вечно белые грядки. А за спиной девочки под густыми листьями, будто смеясь над нею, тоже спокойно нежатся крупные хлопья.

— Да, из этих коробочек выйдет очень красивое платье, — вздыхает шконица и возвращается. — Вот спрятались, не достать...

Рахима с трудом наклоняется, кидает в свой мешок «беглянок» и спрашивает меня:

— Скажи, почему самое лучшее на земле дается так тяжело?

— Что именно?

— Ну, это... ну, все...

Я догадываюсь, о чем идет речь. Рахима мечтает поступить в консерваторию и немислимое количество раз по вечерам репетирует свои танцы и песни. После ужина, закутавшись в дешевую, со штемпелем «колхоз Карла Маркса» простыню, будущая актриса весело притоптывает на плоской крыше хирмана и поет. Мать ее — родом из казахских степей, и, хотя девочка никогда не видела их жженных пыльных просторов, над густыми тутовниками одна за другой прекраснее льются мелодии казахских вальсов: «Не грусти, что мы теперь с тобой вдвоём. Не грусти, что нас бураны развели!».

— Вот надоела эта трясогузка! — возмутился однажды мальчишка из другого класса и приказал: — Слазь, Рахимка, камнем брошу!

За девчонку вступился Тулкун.

— Не трогай, — строго вымолвил он. — Кажется, у Рахимы что-то получает-

ся... Прислушайся только...

— Где там, получается? Квакает, как лягушонок в болоте, и еще вертится. Надоела...

Наша будущая актриса взгрустнула. Это были первые рецензии на ее творчество, и девочка искренне не понимала, отчего же они такие плохие?

Многие из нас, однако, понимали куда больше, и жалели ее очень.

Когда в традиционной казахской семье у молодой женщины рождается в юрте первый ребенок, его обкладывают многочисленными стручками яркого душистого перца, чтобы у младенца в будущем не было никаких врагов, чтобы заранее испугались они этой неодолимой, ядовито пахнущей преграды.

Маленькую Рахиму никто в детстве не окружал красными терпкими низками. Девочка была пятой в семье, отец ее уже умирал от туберкулеза, один из братьев тоже не подавал надежд на окончательное выздоровление, потому мать, худая и изможденная, вертелась в доме как уж на сковородке, напроочь забыв о красивых народных обычаях, колдовских заклинаниях и прочей магии. Потому недруги у нашей сверстницы были.

— Вот я тебя сейчас! — размахнувшись, крикнул Олег, но камень, коротко свистнув над хирманом, грохнулся в глубокие воды сая.

— Ах ты, бузотер! — Вскипел Тулкун, а Рахима, обрадовавшись такой поддержке, только чуть качнулась, уберегая свою голову от шального камня, вскинула голову и запела:

«Не грусти, что мы теперь с тобой вдали!». Как бы в насмешку неслось уже с крыши.

— Пой, старушка, пой! — посмеиваясь, поддержали ее ребята, не верившие в то, что у этой всегда плохо одетой девочки, впереди может быть вообще какое-нибудь будущее.

— Ломай спину, тяни лямку! — от души хохотали они над своей же шуткой.

Рахима серьезно отнеслась к их советам, и вот теперь на грядке, когда очень уж болит спина, еще раз спрашивает вроде бы у какого-то невидимого мне собеседника:

— Неужели действительно, все лучшее в жизни дается с таким трудом? Как вот этот хлопок...

Как решить философские вопросы, когда перед глазами... огромное безмечное поле и неисчислимые, как звезды, коробочки хлопка? К вечеру я, как и все, должна выполнить норму.

— Отстань! — только и вымолвила я тогда.

Спустя много лет мой одноклассник спрашивает меня о том же:

— Тебе не приходило в голову, что жизнь, как поле свои коробочки, сознательно и долго прячет ту или иную истину?

Не понимая вовсе к чему клонит мой собеседник, я молчу.

— Почему одному открывает истину раньше, другому позже?

Горячие лучи солнца совершенно не пробивались сквозь чинару, и так не хотелось в этот разморенный осенней негой час о чем-то думать, что-то переживать.

— Ты помнишь, наш «узбек-тили»?

Еще бы? Тот пережитой в школьные годы ужас, когда ты во время диктанта не

там поставишь над буквой «пирожок» или «крючок» да схватишь двойку, иногда еще является во сне.

— Почему я тогда не стелил на парту газету? — сыпались на мою утомленную от неги голову вопросы: — Помнишь, ту мою первую пятерку?

Как не помнить? На единственно темнеющий в классе прямоугольник парты легла вдруг тетрадь, и учитель, обедая взглядом нас всех, шальных и на тот момент дурковатых, вымолвил:

— Молодец, — сказал он — не нам. И тепло глянул на мальчишку.

Тулкун растерянно оглянулся, кое-кто из ребят от удивления приподнялся, даже присвистнул, а газеты, с тщательно обведенными тонким карандашом строчками, медленно поползли под парты. Нам всем в тот момент было неловко за себя.

Тулкун победил, и с тех пор учился отлично! С тех пор не стало в классе мальчишки, который бестолково прежде глядел на всех. В старших классах это был подтянутый и очень умный подросток.

Теперь вот мой бывший одноклассник хмыкнул и добавил, что он в колхозе увидел: хлопок-то собирать труднее. А его собирают. Да, весь. Подчистую. Несмотря на жару, заморозки, мокрые ледяные росы. Руки мужчин, женщин, короче, руки целого народа в сезон раз десять, коли не больше, каждый куст, а их миллионы, подтянут к себе, потрясут, низко над грядкой склонятся, из-под самой густой листвы колкие коробочки вытащат! Это ли не подвиг? Зря ли этой южной республике не раз и не два от всей страны давали награды? За тот огромный труд, потраченный на то, чтобы вырастить каждый куст и одеть в его белое пушистое волокно каждого человека в огромной стране.

— Вот там, на хлопковом поле, я и подумал, почему я не могу, спрашивается, освоить правописание в своем родном языке?

Мужчина, занимающийся на дороге сушкой хлопка, устал. Бросил вилы,пил чай, думал. Задумалась и я. О том, что тем стылым солнечным утром Рахима тоже, выходит, открывала для себя что-то важное? Потому была такой встревоженной, временами оцепенелой? Зачем же тогда отмахнулась от сверстницы я? Может благодаря той, мелькнувшей, как звезда, перед ее глазами истине, мы видим нынче на экране Всесоюзного телевидения прекрасную певицу, обаятельную редкую исполнительницу древних казахских вальсов Рахиму Джубатурову.

Мы частенько слышим по радио певицу, которой в детстве не дали ни одного урока музыки, ни одного урока исполнительского мастерства, а ноты эта девочка палочкой чертила лишь на земле.

Наша маленькая полноватая Рахима всего в жизни добилась. Может кому-то заплатила деньги? О, нет! Вместо денег у нее в руке был только... воздух. Много воздуха. И не только в руке. Но и в ней самой. В ее душе. В ней было много простору, много безмерного, необозримого. Этот пассионарный всплеск и поднял ее так высоко над обыденной жизнью.

Вот уж право, как медленно зреют коробочки, как медленно иногда зреем мы!

У скамьи тихо журчал арык.

— Да, перемен много, — вздохнул Тулкун и подвел черту. — Мы уже выросли. Но вспоминаешь ли ты хоть когда-нибудь жизнь на хлопковом поле?

Конечно, вспоминаю. Недавно вот прочитала, что воины Александра Маке-

донского были поражены встречей с необычным растением, из ореховидных плодов которого собирали белую шерсть. Во времена великого астронома Улугбека и уникального целителя Абу-Али-Ибн-Сины хлопок из Азии вывозили целыми караванами, и ценился он не меньше китайских шелков и индийских благовоний.

Среднеазиатские хлопчатники не только одевали, но и обогревали до революции каждого сартра. Из семян хлопка также изготавливали хлопковое масло, на котором во всех азиатских городах жарили картошку, мясо, готовили плов, шурпу.

Знала, что с присоединением Азии к России вначале на полях использовали, в основном, американские виды хлопчатников, как более длиноволокнистые и урожайные. Потом перешли на свои.

— А ведь в жизни поля тоже большие перемены... — Напомнил о себе Тулкун и рассказал, что для посевов нынче пришел на поля сорт «Ташкент-1». Уже появляются семена сорта «Ташкент-2». Вот-вот придут на поля и другие выдающиеся сорта. И благодаря им, этим новым сортам, коробочки хлопка вызревают за очень короткий срок, на целых тридцать дней раньше.

— Представляешь, что это значит?

Я представила и порадовалась с Тулкуном вместе. Значит, скоро весь хлопок почти можно будет собирать машинами, а школьников вообще не будут посылать на плантации. Значит, будет сэкономлен огромный труд людей, городских ли, сельских, в битве за урожай не до делений. А школьники, возможно, больше никогда не узнают о том, как тяжел к вечеру фартук из желтой бязи, как трудно в глубоком поклоне перед землей тянуться к кустам, хоть на них и красивые, будто звезды, коробочки хлопка.

Вот что такое новые технологии! Так пусть же быстрее приходят они на наши поля! Пусть скачет за ними конница, летят сверхзвуковые многомоторные самолеты. Пусть агрономы бегут за ними на опытные станции со всех ног.

Что же еще из-за такой достойной работы ученых изменится в жизни ребят, веселыми воробушками только что метнувшимися на тротуар?

К этим мальчишкам и девочкам их становление, очень важные истины будут приходить по-иному. Как-то совсем по-иному. И, наверно, возможны открытия. Мыслей своих. Более интересных, глубоких и цельных. Тех, что дарят человечеству сорта, театральные пьесы, книги, технические достижения, о каких оно только мечтает!

В чинарах радовался жизни птичий мир. Старик по-прежнему ворошил хлопок, иногда рукавом белой рубахи вытирал бегущий по шее пот. Тулкун поспешил в институт, где ему предстояло читать лекцию. Я тоже поднялась со скамейки. И попрощалась.

Кто бы знал в тот миг, что это навсегда! Что в ту минуту, когда я уходила от лавочки под чинарами, я навсегда уже уходила от своей малой, а заодно еще и от очень большой, совместной с Тулкуном, Родины. И помахать им на прощанье — этим двум Родинам — с благодарностью за все, за мою неприхотливую, незатейливую и беспечную, без больших катаклизмов, жизнь, в ту минуту не догадалась.

Ведь вскоре наши народы своими же руками растерзали собственную страну, перегородили ее большими шлагбаумами, поставили вдоль них каких-то диких парней с автоматами. Прервали свои духовные связи не только с живыми, но и с мертвыми, оставшимися в неухоженных забытых могилах.

Не шумят больше на наших просторах поезда с самыми дешевыми в мире билетами. Не видим мы на своих телеэкранах снятые в республиках фильмы. Не

приезжают к нам шумные веселые ансамбли из Ташкента или Кишинева. Только Софии Ротару, Лайма Вайкуле еще поют да пляшут на нашей эстраде, и тем самым волей-неволей напоминают о нашей прежней интернациональной, какой-то очень добротной жизни. И каждый пассажир в вагоне молча ест лишь из своего кулька, ничем уже не делаясь с другим.

А дружбу народов в унитазах всех республик выполоскали так, что теперь и костей от прежних человеческих отношений не отыскать. Ничего не найдут в земле после наших националистических бурь и тайфунов будущие археологи. И по российскому радио никогда теперь не звучит древний казахский вальс в исполнении Рахимы Джубатуровой: «Не грусти, что мы теперь с тобой вдали!».

Как тут не грустить, коли никогда больше не увидеться с одноклассниками, не притронуться к старому карагачу около дома моего детства?

Вот какие неожиданные открытия принес новый век. И когда я вижу, как на московских улицах убирают снег парни из южных республик, а потом идут перебиваться до утра в подвалы с крысами, где и супа не приготовить, я до глубины души возмущена нынешними политологическими открытиями, которые все 180 народов из социализма по прихоти каких-то поганных и подлых джинов перетащили в непроходимое современное непролазное... рабство.

Вот какой негодный сорт человеческих отношений вывели политики ушедшего века. Хотя нигде не блеснули молнии войны и не пыхнули вдали клубы горячей пыли из-под копыт вражеской конницы.

“ВОЙНА ПЕРЕМЕНИЛА ФРОНТ И ФОРМЫ”

Мы видели Волгу, по которой не плыли параходы, вдоль Волги — цеха, в которых не работают люди. Вокруг дома с обрушившимися крышами. Куда делись их жители, если не ступал на берега Волги враг, не гремела над ее плесами вражеская канонада?

Почему во многих жилищах сгнили, перекосились рамы, выбиты стекла, хотя сколько же было потрачено людских сил, чтобы возвести тысячи стен, протянуть тысячи километров теплотрасс, и во всех, даже окраинных городах и селах государства, зарядить людей на созидание и доброе отношение друг к другу?

А теперь вдоль железнодорожной трассы «Москва-Центральная Азия» стоят пустые как бичи дома и полустанки. Разграбленные подъезды в многоэтажных домах города Актюбинска, зияющие чернотой окна и двери их, гляделись в ночи как неподвижные глаза покойников. Казалось, что нетронутыми, несгубленными остались в этих краях лишь ковыль в степи, верблюжья колючка да склоны гор, на которых почти не гуляют стада.

На просторах Родины от многих ферм, складских помещений, фабрик — лишь руины. Оголенные остоны вокзалов вдоль одноколеек, которые ведут к умершим рудникам. Мы ехали по ночной степи, в которой от горизонта до горизонта аулы, селения, города — без единого огонька, а празднично и гирляндно, как в прежние добрые времена, сиял только Байконур, лишь этот малый островок активной интеллектуальной жизни.

Мы видели долины, в которых не возделываются поля, луга, на которых не косят. Куда делись люди? Неужели столько неприметных молчаливых смертей?

Мы не знали куда девать глаза от боли и стыда, когда в вагоны заходили рус-

ские дети и учтиво (сказывалось прежнее воспитание) просили: «Дайте, пожалуйста, что-нибудь поесть». И объясняли причину своих бед: «Умерла мама, папа без работы; мама попала в автокатастрофу, папа пьет».

Государство, которое прежде охотно заботилось о сиротах, у них украли, и они, сироты втройне, скользили трагическими тенями по поездкам, бегущим сквозь наспех созданные бантустаны.

Хорошо ездить в «Мерседесах», летать самолетами «Эр Франс» и не видеть такого глобального масштаба народной беды, думалось нам, когда вслед за детьми на каждом полустанке врывались в вагоны десятки людей, чтобы через минуты загроможденно вскрикивать в проходах: «Купите рыбу, рыбу...носки, сигареты...». Смысл этих просьб был тот же. Купите хоть что-то, чтобы накормить и наших детей. Ради них, эти исхудалые, не всегда аккуратно одетые люди, у которых отнято право на профессию, оставили свои очаги, чтобы с тяжеленными сумками в руках бегать по поездкам и предлагать, даже навязывать пассажирам свой нехитрый скарб. Лежать в минуты отдыха на картонках в сквозняковых тамбурах, как в войну спать, сидя и стоя в проходах.

«Стучат колеса. Бегут от поезда степи киргизские — пустые, безводные. Степь огромная без деревень. Пустырь без собачьего лая... Только бугры высокие с синими головами, да воздух над буграми рекой переливается. Проскочит мимо будка разоренная, с выбитыми окошками. Бросится в глаза содранная крыша...

...Везде ползают люди. Под вагонами, за вагонами. На станции за станцией, а горе свое рассказать некому».

Эти строки из повести Александра Неверова «Ташкент — город хлебный» написаны 78 лет назад, но горе свое этим несчастным людям, насильственно вколоченным в националистические мини-монархии, сейчас тем более рассказать некому. Мечутся они как в войну, хотя ни войны, ни голодовки не было, по хлебной и еще недавней респектабельной трассе и нигде не находят достатка своим семьям и покоя своим душам.

Люди — сироты, народы — сироты, предательски брошенные многокилометровые пространства — вот реальный итог деятельности пробравшихся к власти поганок.

Мы терпели в вагонах антисанитарию, тесноту, постоянное заглядывание в купе прохожих с нездоровыми лицами, ибо понимали, что граждане эти не лентяи, они великие труженики, только сбиты с толку прохвостами, потому оккупированы безработицей, безжалостно выкидывающей из жизни самых наивных и честных, от того новых кладбищ вдоль трассы все больше, и всерьез жизнь кипит только на них: «новые киргизы» и «новые казахи» над могилами своих близких возводят уже целые минареты, как будто этими, словно ладони, обращенными к небу куполами, замаливают свою вину за вздирание цен, за разрушение отечественных фабрик и заводов, за создание на своих пространствах никому не приносящей счастья мелкособственнической стихии.

В 1920 году в статье «IX съезд РКП (б)» Ленин писал: «Собственность разъединяет, а мы объединяем все большее и большее число миллионов трудящихся во всем свете. Их разъединяла капиталистическая собственность, частная собственность при товарном производстве, будь то мелкие хозяйчики, которые спекулируют продажей излишков хлеба и наживаются за счет голодных рабочих, будь то капиталисты различных стран, хотя бы они обладали военной мощью, создавали “Лигу наций”, “великую единую лигу” всех передовых наций мира. Такое единство — сплошная фикция, сплошной обман, сплошная ложь».

Как видим, и через 80 лет Владимир Ильич прав, когда в той же статье говорил, что “свобода для капитала есть преступление против рабочих”, а “равенство сытого и голодного — есть преступление против трудящихся”.

К сожалению, многие трудящиеся этого не поняли и со смиренностью униженного и забитого верблюда покорно терпят все, перетаскивая мешки с одной платформы на другую, хотя в том же выступлении на IX съезде РКП(б) Ленин заметил: “Война переменяла фронт и формы. Теперь она воюет торговлей, мешочничеством. Она сделала его интернациональным. Они хотят мешочничество сделать интернациональным. ...Извините, господа-империалисты, мы начеку».

Но таких гениев, как Ленин, добросовестных и прозорливых лидеров, к сожалению, не так много, куда больше самопальных и недалеких, способных пропить, раздать, прогулять громадные пространства с десятками народов, что во имя выгоды чуждых и алчных стран, не исключив и собственной, подключили — таки образованнейший советский народ к международному мешочничеству, к распродаже созданного на Западе дерьма.

В итоге, на величайших просторах гибнет величайший народ, который собственными руками помог капиталу разгромить предприятия, собственные же рабочие места.

Призвав к разрушению, демократы, как подлинные провокаторы, ни в чем не пострадали сами, они слетали на Багамы, забежали во все оффшорные страны мира, искупались во всех швейцарских озерах, набили до отказа свои кошельки, а люди, которых вынудили оплатить их счета, вот они, перед нами — в вагонах и за окнами вагонов — с погасшими глазами, с омертвевшими от беды сердцами, с насильственно отключенными от жизни душами, а мы, делегация от разных российских городов-Москвы, Иваново, Пензы, Оренбурга, Ярославля — едем по этой ныне печальнейшей трассе мира в Бишкек, чтобы присоединиться к призывам киргизских коммунистов к объединению, к восстановлению той Родины, на которой каждый имел равновеликое право на жизнь, труд, любовь к детям, а когда в здании филармонии Киргизстана раздался Гимн Советского Союза, многие мужчины и женщины не могли упрятать слез от радости, что СССР не забыт, он в наших душах и ладонях, и мы непременно страну восстановим.

Недавно в здании Госдумы РФ после окончания 14-ой сессии Союзного парламента России и Белоруссии немецкий журналист из журнала «Шпигель» удивленно спросил:

— Что это за мелодия звучит, неужели Гимн Советского Союза? О, как нам, немцам, это неприятно!

— А нам приятно,— прямолинейно ответила я и добавила, — потому, что Советский Союз восстановится.

— Никогда,— возразил немец и добавил твердо, — СССР не восстановится.

— Еще как восстановится, — твердее твердого ответила я, потому что знала то, чего не знал самонадеянный фриц: как много и тяжело, самозабвенно и не выпячивая своих заслуг, трудятся миллионы мужчин и женщин над воплощением мечты о восстановлении страны. В Бишкеке я жалела, что того наглого немца нет в зале, в котором собрались 700 делегатов Первого съезда народов Центральной Азии и России.

Тяжко добиралась на съезд в Бишкек таджикская делегация. В стареньком автобусе люди ехали более трех суток, одолели три перевала, делились последней лепешкой. Среди них были красивые женщины, но они все вытерпели, потому что десятилетний сынок одной из них, с радостью доложил соседям: « Моя мама едет

восстанавливать Советский Союз!».

Более короткой дорогой делегацию не пропустили таможенники Узбекистана, потребовавшие за проезд по узбекской территории 360 долларов туда и столько же за обратный путь, после чего люди, как в гражданскую войну, добирались в Бишкек горными трапами, по возможности, обходя милицейские посты, на которых собирали незаконную дань полугодовые подданные Киримова.

Коммунистам из города Уральск жители казахских городов и аулов собирали деньги, пушив шапку по улицам, кварталам и домам.

Коммунисты Туркмении, Узбекистана приехали на съезд тайком, чтобы ни в коем случае не прознали об этом в прошлом активные советские выдвиженцы, а после удачной реинкарнации — лучшие соратники и исполнители капитализма Каримов и Ниязов.

А вот Киргизия порадовала: почти все памятники Ленину, даже в далеких селениях, живы и даже приведены в порядок. Ухоженной выглядит Аллея Героев с надписью на одном из ее памятников: «Мы шли в бой за коммунизм». Парламент же Киргизии принял постановление, что разрушить памятник Ленину может только... землетрясение.

И еще одна радость: в республике, в первом чтении, принят закон о праве на двойное гражданство. Так что вскоре жители Киргизии, по желанию, смогут стать и гражданами России.

Остальное, как везде: закрыты фабрики, платное образование (даже в начальных классах), недоступен спорт, недоступна безмятежная молодость, а тем более старость: все — на рынке...

Мы видели тоскующих по Советской власти молодых киргизских женщин, мечтающих получить такое же образование, какое выпало их счастливым матерям. Мы видели в центре Бишкека вывеску «Киргизская кинематография СССР», хотя после гибели растерзанного демократами Советского Союза нет уже уникальной киргизской кинематографии, студии сдаются под склады с китайскими товарами, но люди берегут вывеску, как надежду на то, что лучшее вернется, ибо то, что создано сердцем и умом, не может исчезнуть безвозвратно.

Тем же, кто в активные контрреволюционные 1990-1993гг. пошел против Советского государства, мне хотелось бы напомнить содержание той листовки, которую я увидела в музее имени Фрунзе, в музее легендарного, родившегося в Бишкеке полковника.

«Протри глаза, Солдат Белой Армии!

За поддержку французских буржуев твой командующий Врангель продал им на 35 лет русский хлеб, уголь и нефть.

Мошенник продает состояние народа!

Предатель цепляется за последнюю надежду — золото банкиров Франции, которое он пропьет, как загубил Деникин английское золото.

Протри глаза, Солдат Белой Армии!

Политический отдел Юго-Западного фронта».

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова этой листовки, мне хочется заметить: «Протри глаза, коммерсант! У тебя нет друзей. Кто беднее, не пылают любовью к тебе, потому что люди ежедневно нищают. Кто богаче, стараются у тебя отнять то, что ты имеешь, ибо у народа уже все отнято.

Еще Ленин говорил: «Мелкобуржуазные собственники раздроблены: те среди них, которые имеют большую собственность, являются врагами тех, кто имеет меньше...» (IX съезд РКП(б)).

В итоге тебя отстреливает рэкетир, душат поборами для того, чтобы и твоих детей опустить на дно жизни.

Так стоит ли тебе, коммерсант, поддерживать тех, кто психологически и физически уничтожает всех подряд, кто безжалостно превращает людей в рабов, чтобы все государственные богатства вывезти на Запад.

Протри глаза, коммерсант!

Клинтон уже гуляет по коридорам Госдумы, а выбранные тобою депутаты при встрече кидают друг другу кидают израильское “шолом!”.

Очнись и задумайся, кому ты доверил свою судьбу.

Политический отдел международного комитета “За союз и братство народов”.

И еще хотелось бы напомнить высказывание Михаила Васильевича Фрунзе: “Если мы всемерно поведем политику мира и в то же время уделим должное внимание вопросам нашей обороны, то нам не страшны будут никакие грядущие столкновения. Мы не сомневаемся, что нам удастся превратить наш Советский Союз в такого рода крепость, о стены которой разобьются все усилия буржуазного мира”.

Вот эту задачу — разбить все усилия буржуазного мира по дальнейшему разрушению нашей страны и взвалили на себя те люди, которые с большими трудностями прибыли на съезд народов России и Центральной Азии.

1998 год

НЕ ГОНИ ВОЛНУ, А ТО И САМОГО УКАЧАЕТ

В конце XX-го века интеллигенция ради свободы своей болтовни организовала огромный, многорукий заговор против Советского государства, фактически против своего же народа, вырвав из-под него жизнь: медицину, образование, право на жилье и работу. У миллионов людей к тому же было ликвидировано первородное гражданство, которое формировали наши предки тысячу лет. Сто восемьдесят народов участвовали в создании права на жизнь себе и потомкам на той огромной территории, которую позднее назовут Советским Союзом, а по прихоти маканиных, валентинораспутиных, зорийбалаяновых, новодворских и ебзэновых вдруг весь этот многопудовый валун был мгновенно измельчен в пыль.

Такого массового коллективного преступления за тысячелетия существования человечества не совершила интеллигенция ни одного народа

У каждой группировки в том заговоре были, конечно, свои неудовлетворенные амбиции. У маканиных — родственники в Израиле. Требовался свободный выезд в этот международный межсобойчик. Чтoб летать туда-сюда, и никаких таможен, и никаких законов. Чтoб завод утащить в другую страну — и никто бы не заметил этого, да и слова бы не пикнул. Вольнодумным и вечно хулиганствующим гражда-

нам мира строгая госодежка была как панцирь на собственном черепе.

Крупино-распутинская ветвь в советское время не могла картинно, прилюдно организовывать крестные ходы с хоругвями, как на картинах русских художников XIX века. Не могла красиво, коленопреклоненно стоять перед алтарем, с обиженными лицами (мол, все их вокруг объедают, караул!), чтоб притом ими любовалась толпа. Тихой, скромной учтивой молитвы в душе им недостаточно. Непременно нужен спектакль. Религиозный. В результате и призывали к отделению всех от всех. Мол, вот вам, выкусите! Коль семь десятков лет вокруг нас не было церквей и монастырей...

Новодворско-боровым, видимо, понравился унитаз в американском посольстве, и ради чужой вони они посчитали необходимым разнести все вокруг, мол, все должно быть теперь как в цэрэушном бидэ.

«Разрушение, — сообщила Валерия Ильинична в своей книге о своих политических задачах. — Безжалостное и неумолимое, разрушение, прежде всего, Бытия: промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, быта, традиций, стереотипов, моделей поведения, душ, судеб, понятий о добре и зле... Мы должны привыкнуть к мысли о том, что люди будут стреляться, топиться, сходить с ума... Это только начало. ...Ни Шахрай, ни Ельцин, ни даже Клинтон не посмеют сказать всего.

Мы не можем честно выиграть выборы, обмануть и запутать мы можем. Ставки очень высоки, и сейчас не до пустяков, не до права народа решать свою судьбу».

В телепередаче «К барьеру» мадам Новодворская, изложила телезрителям свое видение нашей будущей жизни: «Я хочу, чтобы была создана жесткая конструкция экономического принуждения. То есть сзади будут некие заградотряды: все уже разрушено, можно идти только вперед. Поэтому я разрушаю сознательно. Я не уважаю свой народ...».

Среди татарского народа в годы «перестройки» тоже нашелся свой Чингиз-хан в юбке. Волею судьбы я в 1987-1988 гг. оказалась в одном гостиничном номере в Саранске с милой молодой женщиной, которая тогда якобы писала свою вторую повесть, но почему-то составляла списки всех живых и мертвых татар, живших и живущих на территории Советского Союза. Фаузия из Казани, работала корректором в одном из журналов на татарском языке, имела двух сыновей и очень жаловалась на то, что не любит своего мужа, но вот вынуждена с ним жить, ибо тот работает официантом в ресторане, а одна она мальчишек не вытянет. Фаузия знала поименно всех татар, работающих в ЦК партии, вместе с их телефонами. Знала, сколько татар плавают на педоколе «Ленин», сколько их на научных станциях даже в Антарктиде. Эту бухгалтерию она вела скрупулезно.

И как же я оторопела, когда в 1991-1992 гг. увидела на экране телевидения страшную женщину, которая с перекошенным от злобы лицом кричала, что славяне, оказываются, подавляют татар! Это я, славянка, выходит, эксплуатирую ее, бедную несчастную татарку? В той бешеной бабе с черным мусульманским платком на голове я, к ужасу своему, узнала свою бывшую милую соседку по гостиничному номеру Фаузию Байрамову. И в дальнейшие годы, когда уже пришлось перевозить всех своих родственников и многих друзей из Узбекистана, которые из-за подобного же национализма в других краях мгновенно стали беженцами, Фаузия продолжала удивлять людей по-черному:

«С Запада идут христиане, эти крестоносцы, которые хотят нас подавить», — заявляла националистка в микрофон. Далее начала орать на казанских площадях, что дети от смешанных браков не имеют права на жизнь, мол, это уроды...

А потом, естественно, Фаузии понадобился выход из России: «456 лет татары находятся под гнетом самого свирепого человеческого деяния — русского колониализма».

Ой, как страшно, если вспомнить, что даже капитан ледокола «Ленин» в советское время, по словам той же Фаузии, был ... татарин.

Интернет. «8 июня 2009 года, 6 июня 2009 года 21:42, Ян Сташкевич:

Татарское «правительство в изгнании»: курс — на выход из России Националисты Казани планировали превратить республику в Косово. Прокуратура Татарстана обвинила в экстремизме живого классика татарской литературы, поэтессу Фаузию Байрамову.

Обвинение Ф.Байрамовой предъявлено по ст.282 ч.1 УК РФ (действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения).

...В Набережных Челнах прошел съезд Милли Мэджлиса — самопровозглашенного парламента татарского народа. Сотня делегатов, возглавляемых Фаузей Байрамовой (поэтесса была избрана председателем Милли Меджлиса), утвердили новую декларацию о независимости Татарстана и составили обращение в ООН с требованием немедленно признать и посодействовать в отделении Татарстана от России по образцу Косово. Кроме того, на съезде было сформировано национальное татарское «правительство в изгнании», которое возглавил гражданин США Вил Мирзаянов. В «теневой кабинет» помимо него, вошли еще подданные Германии и Турции — всего пять человек.

Мирзаянов покинул Татарстан еще в середине 90-х и получил политическое убежище в США и заокеанское гражданство. Бывший профессор НИИ органической химии и технологии Мирзаянов прославился тем, что проходил по уголовному делу о разглашении государственной тайны. В начале 90-х он опубликовал статью, в которой обвинил Россию в производстве бинарного оружия, вопреки принятым международным запретам. Тогда профессора арестовали, но затем освободили за «отсутствием состава преступления». Мирзаянов, видимо, не желая более искушать судьбу, покинул страну и теперь ведет скандальную политическую деятельность из уютного американского далека.

Саму же виновницу скандала, похоже, уголовное дело особо не беспокоит. Фаузия Байрамова ставит очередные задачи перед своими заокеанскими подчиненными:

— Перед правительством в изгнании стоит задача зарегистрироваться в качестве международной неправительственной организации и в этом статусе передать утвержденные на последнем собрании меджлиса документы в ООН, — заявила поэтесса казанским журналистам.

— Борьбсья со мной — бесполезно. Попробуйте закопать родник: вода обязательно найдет выход в другом месте. Мнение о том, будто я ушла из активной политической жизни, неправильно. Может быть, я сейчас делаю для нации даже больше, чем президент».

Это же надо, как красиво Фаузия думает о себе! Она уже и родник, и значимее президента...

Однако куда главнее то, что думают о тебе другие. С моей точки зрения, вся деятельность Байрамовой — это не святой источник, а то же самое биде,— из чужих посольств, как и новодворских и боровых.

Сайт чеченских сепаратистов тут же подхватил дурдомный бабий ор и уже сообщает о массовых арестах татар в России.

«В редакцию Интернет-издания пришло письмо от группы татарских политических и общественных деятелей. «Это происходит по всей России, по всему миру,— сказала Ф. Байрамова.— Это называется «антитеррор», но на самом деле является государственным террором против ислама».... «Эхо Москвы». В Казани обсудили перспективы создания системы национальных общин. Известная общественная деятельница Фаузия Байрамова, выступая перед собравшимися, заметила, что сегодня махалла призвана выполнять еще и защитные функции — «отражать нападки на ислам, которые имеют место в российском обществе» 10.06.07. «Татар-информ».

Ну, скажите, кому нужно арестовывать татар по всему миру, что такого есть у них, чтобы их арестовывать? Мои соседи в московском доме — татары, как жили, так и живут спокойно. Зачем же так нагло, по-гебельсовски врать? Ислам тебе нужен? Ну, и молись спокойно, без спектаклей, без театрализованных представлений. Зачем же полдня демонстрировать свой зад стране, а то и миру?

В те годы я отправила Байрамовой письмо, в котором писала, что, Фаузия, лапушка, так нельзя, из-за таких выкриков начинаются погромы и люди становятся беженцами по всей стране. Ответа не последовало. Видимо, моя бывшая соседка по гостиничному номеру общается нынче только с татарами. Сыновья Фаузии, как я слышала, уже учились в Турции, а сама она стала почетным членом всех татарских курултаев и теперь ездила по многим странам. Наверно, в поисках татар уже по всему земному шару. А может и во Вселенной? Вдруг татары и в Созвездии Рыб окажутся!

«У меня есть муж, благодаря которому я даже не знаю, сколько стоит в магазинах хлеб. Для кого-то это звучит кощунственно, но я уже пять лет не была в магазинах, с тех пор, как начала читать намаз».

Неужто по сей день не развелась с тем, кого всю жизнь не любила, но кто был добытчиком в семье? Неужто и супруг после того, как начал читать намаз, получил какое-то повышение и стал официантом ресторана, положим, около Арлингтонского кладбища в Вашингтоне?

На своем оре Фаузия, как видим, заработала куда больше, чем простой корректор из татарского журнала. Только... за счет притеснения других.

Как видим, сепаратист без выхода на мировую театральную сцену, по его мнению, просто умрет. Хотя в советское время, в те дни, когда я встретилась со своей соседкой по гостиничному номеру, Фаузия была средней упитанности. И в очень хорошем настроении, кстати.

Но теперь я жалею о том, что Байрамова не знала моих бывших андижанских соседей Джалиловых и не смогла от них вовремя научиться скромности и учтивости. Трое мальчишек Джалиловых носились с нами по двору. Отец их, помощник машиниста, творил в своей комнате молитву и никому не навязывал ни своей религии, ни своих обычаев. Мальчишки Джалиловы во время татарских праздников угощали нас сладостями, а мы их в весенние дни — крашеными яйцами. Это был самый лучший на планете многонациональный и многолюдный двор! Тут в советские годы никто и ни над кем не издевался. И жили дружно, пока не появились на горизонте всевозможные психологические мародеры, которые, будто в черном перулке, до нитки начали раздевать нашу жизнь.

Одновременно с Фаузией Байрамовой в эти же годы взбесилась интеллигенция Кавказа.

Зорий Балаяну сделали как-то операцию за рубежом, а там армянская диаспора пообещала ему бесплатно содержать Армению чуть ли не 100 лет, если она от-

делится от России. В итоге балаяны, спекулируя на проблемах Карабаха, стали тамадой феодальной межусобицы. Нагло повесив всех собак на Советский Союз, эти беспардонные жрецы насмерть забыли, что Россия без Арцах проживет, а вот затерянный в горах Арцах без самолетов огромной державы, без ее лесов... забытая всеми норка, в которой, однако, уже слишком много... могил.. Все эти события Зорий Балаян, бывший спецкор «Литературной газеты», усердно описал в своей книге «Между адом и раем», забыв, что этот ад за рекой организовывал и он в том числе: «Находясь рядом с Аркадием Вольским, — пишет он в своей книге, — я хорошо знал об огромной работе, которую он последовательно проводил. Чего стоило включение Карабаха отдельной строкой в союзный бюджет?.. Он добился открытия церквей и воссоздания службы в них. ...Я видел собственными глазами, как Вольский сиял от счастья после встречи с епископом Паркевом. Это было время окончания выборов в народные депутаты СССР. ... Представить карабахское движение без епископа Паркева невозможно»... (Зорий Балаян, «Между адом и раем», М., 1995 г.).

То есть, представить войну между армянами и азербайджанцами — невозможно без благословения церкви!

Елки-палки, и в этом краю во главе кровавого лихолетья — тоже национализм, который не может жить без религии, как тесто без дрожжей. Ибо ничто так не обостряет человеческие отношения, как религия! Одна только дележка на верных и неверных, или «только евреи люди, остальные животные», «мы православные, значит, лишь правое славим», остальные — вроде как бы придурки, ничто так мощно не кидает одну группу людей против другой, как эти античеловеческие установки, почему-то еще не отвергнутые цивилизацией, как геноцид, время от времени официально объявляемый на красивом уровне, в красивых церквях и мечетях по отношению к тем или иным народам.

... И Вольский, который за подол тащил в жизнь армянского народа лишь церкви, а не дружбу и единение с Россией, тоже, пусть и косвенно, но способствовал возникновению той войны и дальнейшему распаду нашего государства!

«В апреле семьдесят девятого Вольский привез из Москвы официальное разрешение на открытие монастырей Гандзасар и Амарис, церквей святого Карапета в Мардакерте, святого Арутюна в Гадруге. Миссию эту выполнил епископ Паркев, или, как его теперь даже русские называют по-армянски, Паркев Орбазян. Кроме того, Вольский получил добро на открытие церквей в Хнацахе и Неркин Оратате». (Зорий Балаян, «Между адом и раем», М., 1995 г.).

Что же дальше? Каков же итог того, что армяне уединились по церквям, какие мысли они там внедрились в свои головы, на какие дела себя подвигли?

«... Кругом — убитые. Снег. Поземка словно накрывала тела белым саваном. В траншее находилось трое солдат.

... Рафик сказал, обращаясь не то к солдатам, не то к нам, не то к себе самому: «Надо трупы собирать в одно место».

...Перетаскивая тела, мы складывали их друг подле друга у отвесной скалы. Я помогал Маруку, а он все причитал: «Я прошу вас, идите в траншею. У вас же сердце. Я сам управлюсь»... (Зорий Балаян, «Между адом и раем», М., 1995 г.).

Да какое сердце у Балаяна? Он без какого-либо сердца пиарил, как хотел, утверждая, например, что советская армия расстреливала армян. Хотя армия вначале пыталась огородить народы Кавказа от сепаратизма, особо наступательного в то время с армянской стороны.

«Я делал вид, что не слышу его. Думал о том, что полгода назад этот великан с

добрыми глазами потерял шестилетнюю дочь Марусю. Четыре раза азеры вместе с турками, моджахедами, северокавказскими и российско-украинскими наемниками с большими потерями захватывали Омарский перевал, и четырежды наши возвращали его назад. И каждый раз среди них был Марук. После окончания Сарсангской ГЭС Марук завернул ненадолго домой с букетиком подснежников для дочурки. Не мог же он предположить, что, пока он собирал цветы на поле боя, дочь, год назад пережившая ранение от осколка «Града», умерла от аппендицита». (Зорий Балаян, «Между адом и раем», М., 1995 г.).

Вот он момент Истины... Церквей понастроили, а Советский Союз вместе с его медициной угробили, и жертвой этих куриных интеллигентских мозгов стал ребенок. Конечно же, не один. Погибли в той арцахской войне с Советским Союзом тысячи людей:

«Впервые я узнал о Тихин Арфеник и ее шестерых убитых детях от ее внучки Нуне. Это ее, Нуне, отец Роман Рубенович Ованесян был убит в Хорадизе. У самой Нуне погибла маленькая дочка Шогик, погиб муж Ашот. Брат мужа Азат. Брат матери Эрих Петросян, сын брата матери Грайр Петросян. Мать и отец мужа» (стр. 307).

«...За время боя вон на том склоне полегли семьдесят или восемьдесят турок. И склон был красным, и наша вершина покраснела от крови» (Зорий Балаян, «Между адом и раем», М., 1995 г., стр. 328).

«Василиса Арутюнян. Сын Саркис, двадцати четырех лет, погиб 22 июня 1992 года в селе Дудукар Гадрутского района. У Василисы еще двое детей. Оба — учащиеся. Сына потеряла — говорит она, — он был кормильцем семьи. Не могу устроиться на работу.... Иду в районный отдел социального обеспечения, мне там говорят: «А кто тебя просил своего сына отправлять на войну?» ((Зорий Балаян, «Между адом и раем», М., 1995 г.).

«В Армении же больше рассуждают о рухнувших идеалах. Мечтали, мол, о свободе, а оказались у разбитого корыта. И конечно, обвиняют во всем несчастный народ и несчастную его интеллигенцию» (Зорий Балаян, «Между адом и раем», М., 1995 г., стр. 298).

И правильно обвиняют. Интеллигенция, которая организовала эту бойню, не так уж и несчастна. Зорий Балаян в каких только странах за это время не был, пере-знакомился с десятками деятелей из ОБСЕ и прочих полушпионских, но очень денежных организаций, организовал своей матери операцию руками западного офтальмолога, выпустил десятки книг, а сейчас ходит по кабинетам российских чиновников, кланя у них внимание и любовь к уже насмерть забытому Карабаху.

Однако жизнь перешагнула через лидера отделившегося Арцаха, как через гнилой пень, потому бывший корреспондент знаменитой «Литературки» потрясен тем, что здесь в Москве он уже насмерть чужой, столичная милиция останавливает его едва ли не на каждой станции метро и, будто у преступника, каждый раз проверяет документы.

Недавно же Зорий попался на очень грязных делах. Как-то по телевидению показали молодого, очень худого и болезненного вида азербайджанца, который организовал взрыв в бакинском метро. На допросе арестованный показал, что к этим страшным делам принудил его Зорий Балаян, шантажируя тем, что убьет его старую мать. Таким образом, карабахский мессия фактически превратился в убийцу. А провокатором он был давно. И к провокаторству подвинул многих своих карабахцев, тех, что ходили по русским семьям еще до ведения боев и предлагали объединиться с армянами, чтобы общими усилиями выдвинуть из Карабаха азер-

байджанцев. После же того, как с кровопролитными боями вышвырнули вон из Карабаха азербайджанцев, выдавили из собственных квартир уже и русских.

Остается только напомнить о том, что «до революции», то есть, в Советском Союзе, в Армении проживало 3,5 млн. человек. После провозглашения независимости теперь — меньше 700 тысяч. Остальное население, здоровые сильные мужчины и женщины — частично в Америке, кто в Израиле, основная масса — переселилась в Россию. И если вы встречаете книги армянских поэтов, в которых они, закатив глаза к небу, восклицают «Моя страна — что может с ней сравниться? Превыше всех высоких берегов, превыше времени она»... то знайте, что автор таких красивых слов живет в... России. У автора сын в Москве имеет свой ресторан, и в Армению их никак не затянешь на постоянное место жительства, ибо в нынешней Армении нет в домах тепла, а зарплаты хватает лишь на покупку трех куриных яиц.

Азербайджанцы тоже из-за своих националистических амбиций не удержались от потрясающей грязи и резни. Какой ад организовали они в Сумгаите и в других краях республики!

«Авакян Лола Павловна, 1961 г. рождения, проживала по адресу: Сумгаит, 45 квартал, д. 10/13, квартира 37. 29 февраля 1988 г. после нападения на квартиру Л. Авакян около дома раздели и вывели на улицу, заставляли танцевать, кололи ножами, резали грудь, тушили на теле сигареты, изнасиловали. После убийства тело было изуродовано, опознать удалось по мизинцу на руке» (из кн. «Сумгаит... Геноцид... Гласность?», Ереван, 1989 г.)

Бедная женщина, а вместе с нею и те 29 человек, в числе коих и грудной ребенок, за что вам такое, родные, выпало? В мирное время, без войны, но во время дикого нашествия внутренних варваров с высшим образованием... «Юрий Багра-тович Авакян после нападения на квартиру был выведен во двор и сожжен на костре»... («Сумгаит... Геноцид... Гласность?», Ереван, 1989 г.)

Костры из живых людей суверенитетчики разожгли к тому времени по всей стране.

Прекраснословный 56-летний поэт Таджикистана Бозор Собир, автор 10 книг, эдакий таджикский Гумилев, в Душанбе в 1992 г. на площади Шохидон с проплаченными, как потом выяснилось, сидельцами заявил, что «с этими депутатами нельзя говорить по-хорошему. Надо по-плохому», после чего группа охранников парламента, поддерживающих этих проплаченных демонстрантов, захватила в заложники 16 депутатов и двух заместителей министров и держала их под стражей до следующего утра.

Потом чувствительный Бозор озвучил антироссийское стихотворение «Смешивающая кровь с мукой», насмерть забыв, что родной сынуля в это время живет в Москве. После чего таджикские кази, муллы и их дружная паства кинулись по квартирам всей республики резать граждан налево-направо. Вырезав, в основном, журналистов, писателей, поэтов, не поддерживающих ислам. В этом им тоже помогла Россия.

В Москве активные антироссийские шохидонцы зарегистрировали еженедельник «Чароги руз», выпускали его тиражом 30 тысяч экземпляров («откуда деньги, Зин?»), и этот еженедельник с антигосударственными и националистическими призывами пересылали самолетами в Душанбе.

В той гражданской войне, длящейся до 1997 г., развязанной в Таджикистане демократами местного разлива вкупе с журналистами, выступавшими на страницах «Независимой газеты» в Москве, а также на экранах НТВ, погибло около 200 ты-

сяч человек и 600 тысяч стали беженцами. Но тут коммунисты оказались настоящими бойцами. Это вам не рыхло-сытые москвичи, которые позволили вывести себя за белые руки, будто инвалидов, из здания ЦК партии на Старой площади. Тут мужики с партбилетами объединились, дали сдачу обнаглевшим бородачам, во имя мирной, неразобченной исламским религиозным самомнением жизни, вернули в свои руки управление страной, налаживали разгромленное.

Исламисты, которые ради идеи создания Великого Турана порезали ножичком немало мирных беззащитных жителей республики, после своего поражения сбегали в Афганистан. Оттуда их, по признанию насильника-правозащитника Олега Памфилова и по его настоянию вернули на родину. Но Таджикистан, у которого после той резни изрядно сдали нервы, выбрал коалиционное правительство и в угоду представителям западных посольств теперь признал частную собственность, ликвидировав при этом многие заводы и фабрики.

В итоге рабочих мест в республике почти не осталось. Многие безработные исламисты, бывшие советские граждане, увидев, что дома, благодаря их делам, теперь нечего делать, быстренько перебрались на Черкизон, то есть, на московский рынок, окунувшись с головой в капитализм черкизонского розлива, с его беспорядком и бездомовьем. Беженцы, которых эти же исламисты выгнали из Таджикистана, также тихо стоят на этом же рынке. Так что рынки Москвы — это не праздник жизни, а скопище людских трагедий, для описания которых и тысячи шекспиров не хватит. Это даже подлостью не назовешь, это нечто большее, чем подлость! Высокопоставленным бандитам той войны, которые призывали резать русских, Москва предоставила еще и высокие должности! Это все равно, что Сталин предоставил бы хорошую работу в Москве высокопоставленной гитлеровской камарилье.

На территории Черкизона, вроде как мини-филиал Советского Союза, насмерть забыв о распре, также мирно торгуют бывшие враги: армяне и азербайджанцы.

Идеей великой империи — только для себя, любимых, заболели еще и нежно-солнечные молдаване, опрометью кинувшиеся вдруг в объятья Великой Румынии. И...

«...Эта вальпургиева ночь национальных рыцарей плаща и кинжала была всего лишь прелюдией к подлинно народной трагедии гражданской войны, которая началась 1 марта 1991 г.

Провокация, послужившая поводом к войне, была тщательно спланирована и отработана в кишиневских верхах. От здания райотдела полиции ночью обстреляли из автоматов и пистолетов проезжающую мимо машину дубоссарской милиции, подчинявшейся ПМР. Начальник Дубоссарского ГОВД, майор И. С. Сипченко был убит, гвардеец ПМР ранен. Террористы укрылись в здании полиции, где и были окружены казаками. Премьер-министр Молдовы домнул Муравски пригрозил Дубоссарам карательными акциями в случае, если на полицию будет совершено нападение. Под утро полицейские согласились сложить оружие, однако при его сдаче предательски убили казака М. Ю. Зубкова и ранили казака В. А. Мешкова, — на защиту мирного населения встало возрождающееся на Днестре казачество вместе с братьями-казаками России и Украины.

2-го марта по льду Дубоссарского водохранилища перешли переодетые в гражданскую одежду опоновцы. Они прорвались на территорию Российской воинской части в с. Кочиеры с целью захвата оружия. Трусливый генерал Неткачев, командующий тогда 14-й армией, ничего не предпринял для спасения воинов и их семей, детей и жен офицеров, которых опоновцы взяли в заложники. За-

щиту военных приняли на себя дубоссарские гвардейцы. Они с боем освободили заложников и вывезли их с территории захваченной воинской части под огнем полицейских-террористов. Среди гвардейцев много убитых и раненых. 3 марта в Дубоссарах и районе введено чрезвычайное положение. Ряды защитников ПМР стали быстро расти. На следующий день опоновцы, обстреляли мирную машину восточных электросетей. Тяжело раненный водитель скончался. По позициям защитников Приднестровья в районе плотины Дубоссарской ГЭС опоновцы вели стрельбу из автоматов и пулеметов.

События стали развиваться по нарастающей. Опововцы, боевики «народного фронта», террористы МНБ, «волонтеры», офицеры и солдаты-рекруты молдавской армии — кого только не бросал Кишинев в котел дубоссарской бойни! Какие только преступления они не совершали! Выкрадывали людей, жителей Дубоссар и близлежащих сел, симпатизировавших ГШР. Их подвергали изощренным пыткам, жесточайшим избиениям. Мало кто возвращался. Чаще находили обезображенные трупы, еще чаще люди исчезали бесследно. Убивали за отказ идти на службу к волонтерам, убивали и просто так.

Отряд опоновцев 14 марта возле с. Роги обстрелял мирный автобус с туристами, следовавшими из Харькова в Турцию. Пассажиры в панике пытались выбросить белый флаг, но это не помогло. Двое пассажиров погибли, многие ранены. Десять дней спустя полицейские расстреляли на окраине Дубоссар двух подростков. Мальчишки собирали стреляные гильзы... Через день в с. Дороцкое снайпер Молдовы застрелил тракториста, который перевозил цыплят.

26 марта опоновцы-террористы взорвали распределительную электростанцию и вывели из строя насосную подстанцию, обеспечивающие окрестные села энергией и водой. В задержанной группе террористов оказались два уголовника, многократно судимые и выпущенные из тюрьмы с условием проявить себя на защите «конституционного строя Молдовы». Через несколько дней террористы с правого берега обстреляли машину «Скорой помощи», которая везла из с. Спеля в районный центр роженицу и 7-летнего мальчика с матерью на операцию по поводу аппендицита. Акушерка убита, шофер машины и остальные пассажиры ранены.

В апреле-мае Молдова наращивает мощь военной техники, обстреливающей позиции гвардейцев и казаков по всему фронту. Опововцы ведут прицельный огонь из артиллерии, минометов, ракетных установок не только по окопам и позициям защитников ПМР, но по любому объекту, любой неподвижной и движущейся цели, в том числе по жилым кварталам Дубоссар. Особенно интенсивным стал обстрел города 17 мая. За два с половиной месяца боев многострадальные Дубоссары впервые подверглись такому ожесточенному обстрелу. Тем не менее, опововцам не удалось прорваться в город.

За трое суток в городе убито около 20 и ранено более 60 человек, в том числе и мирные жители. В производственных корпусах Дубоссарской ГЭС и механического завода — пожары. Один из трансформаторов гидроэлектростанции поврежден взрывом, и из его радиатора в Днестр вытекло более восьми кубометров масла, что создало угрозу экологической катастрофы. Экологический урон реке наносят и разлагающиеся трупы, сброшенные опоновцами в Днестр и скопившиеся в верхнем бьефе водохранилища.

В итоге...»От мин волонтеров гибли и дети. Участник ВОВ, инвалид Х. Х. ДУКА потерял вторую ногу и жизнь от подложенной волонтерами мины во дворе своего дома. Ольга Дорофеева изнасилована и убита в подвале. Светлана ДЕУЦА. 17 лет, ополченка из Дубоссар, сестра милосердия, на передовых позициях кошиц-

кого направления находилась с марта 1992 г. Погибла 8.07.92 г. После объявления о прекращении огня при обходе позиций смертельно ранена 8.07.92 г. наемным снайпером Молдовы. Похоронена на мемориале воинской славы

Самый молодой казак из Дубоссар Г. КОРОТЕНКО, 17 лет. Семья МУНТЯН погибла жестокой смертью. Жена и дочери изнасилованы, все убиты в разных комнатах, погребены под развалинами сгоревшего дома. Официальный Кишинев отсоветил родственникам, что семья эвакуирована в Молдову, Юрий (глава семьи) находится в больнице. Останки найдены под развалинами дома.

Писатель, журналист донских казаков А. БЕРЛИЗОВ погиб у с. Кошницы. Татьяна ГАЦКАН, 10 лет, изнасилована и убита в подвале. Татьяна БОНДАРЕЦ, 13 лет, изнасилована и расстреляна волонтерами Молдовы в подвале вместе с 7 другими людьми. Мария ВИШНЕВСКАЯ изнасилована и убита в подвале». (Из кн-ги «Дубоссары. Кровоточащая рана Приднестровья! Союз молдаван Приднестровья, Тирасполь, 1993г.).

Организовал эту страшную бойню бывший председатель ЦК ДОСААФ Молдавской ССР И. Косташ, образованный человек, которого в советское время характеризовали как... «по характеру честный, волевой, простой, скромный, общительный, справедливый и внимательный к людям...». Его внимание к людям и цену этого внимания Приднестровье увидело наяву.

Нынче молдаване, робко прижавшись к подмосковным заборам, тоже торгуют на рынках России. Правда, не так бойко, как жители Кавказа, но на практике, оказывается, никто из них всерьез от своей большой праматери-родины фактически и не отделялся.

Всезнающий Шеварднадзе, бывший всесильный министр Москвы, долго не расстававшийся с московской элитной квартирой, со своей лютой танковой командой метался в это время с номенклатурным автоматом в руках по Абхазии, поливая огнем все, что шевелилось... Отчего жители горного озера Рица мгновенно удрали из Грузии, кажется, навсегда пожелав остаться на планете в дружбе с Москвой. Абхазы в 1991 г. на референдуме сказали «Да» Советскому Союзу. Но Эдуарда Амбросиевича не интересовало отношение других народов Кавказа к идее дружбы народов и территориального единения. Главное, как он к этому сам относился. Остальные должны писать узоры — под него.

Вот книга Шеварднадзе «Мой выбор» (Москва, «Новости», 1991 н.), Эдуард Амбросиевич еще не знает о своих будущих военных «подвигах», он еще якобы белый и пушистый, поэтому искренне пишет: «Я и мое поколение на всю жизнь приобрели «комплекс» 1956 года» — комплекс неприятия насилия как метода и принципа политики. ... Невозможно оправдать применение тонн смертоносной стали против беззащитной человеческой плоти, не объявив ее носителем опасной для народа и общества идеи» (стр. 55).

Однако сам лично тонны смертоносной стали Шеварднадзе против людской абхазской плоти применил. Вот и верь после этого людям и всем их книгам!

В этом же опусе, на стр. 34, Шеварднадзе излагает свое видение истории российско-грузинских отношений: ...»В 1783 году в Георгиевске на Северном Кавказе послы Екатерины II и Ираклия II подписали союзный договор между Россией и Грузией. Большая северная держава обязалась покровительствовать маленькой единоверной стране, однако спустя восемнадцать лет манифестом императора Александра I присоединила ее к себе. Грузинское царство было упразднено, управлением занялись чиновники метрополии. По любым меркам это была типично колониальная политика, Да, она спасла Грузию от внешних угроз, выставила на

их пути заслон, но обрушила на нее свой имперский гнет. Действие рождает противодействие. Возникшее в Грузии национально-освободительное движение смыкалось с борьбой прогрессивной общественности России и других поработанных народов империи против самодержавия. Для многих в Грузии это была борьба за возрождение государственности».

В общем, получается, что Россия и ее человеческие жизни нужны лишь для того, чтобы спастись, выжить Грузии, для чего использовать все политическое и военное могущество России, но с грузинской стороны... никаких обязательств перед спасителями. По логике грузинских националистов, Россия заслужила лишь одно:... «пошла вон, ты старче, больше не нужна, когда опасность миновала».

И в форматах этой подлой логики министр иностранных дел СССР жил, оказывается, всю жизнь. И Сталину не простил иное к Грузии отношение. В подтверждении чему на стр. 52 он, как мелкий грузинский националист, осуждает период формирования интернационального Советского государства: «... ко многим своим соотечественникам у Сталина был особый счет. Он не забыл, например, историю с так называемым «грузинским вопросом», в котором группа его сотоварищей по партии, руководителей Советской Грузии, воспротивилась осуществлению его плана «автономизации», предусматривающего создание унитарного государства и полного лишения входящих в него национальных республик какой-либо самостоятельности».

То есть Шеварднадзе на стороне национально-эгоистических руководителей Грузии советского периода, когда от России все, а как что-то для России... у нас, пардон, независимость, нам предоставьте отдельное государство...

Но вот теперь Шеварднадзе, разрушив и подъяв, как совка, пшеницу, все устои Советского Союза, сам оказался во главе вожденной грузинской независимости... Но обнаруживается, что и в Грузии есть свои «национал-уклонисты», желающие отделиться и быть абсолютно независимыми. Это Южная Осетия, Абхазия и Абхазия, а Ардзинба вроде бы исполняет ту же самую роль, которую в начале XX века играли грузинские меньшевики, затем большевики-уклонисты.

Как поступил Шеварднадзе в такой же, как у Сталина, ситуации? Иосиф Виссарионович репрессировал всех противников единого Советского государства, а Эдуард Амбросиевич... схватился в гневе за автомат... И людей расстреливал сам лично.

И еще один не совсем тактичный вопрос этому любителю грузинской самостоятельности. Будучи министром иностранных дел СССР, он подарил огромный кусок российской территории американцам. А почему же схватился за автомат, когда встал вопрос о том, что Абхазия со всей своей территорией хочет остаться в России? Значит, Россия ему всегда была чужой, а чужое, как известно, не жалко, но вот за свое, кровное, надо стрелять налево и направо.

Шеварднадзе крупно повезло, что русский народ не взялся в это время за автомат и не отправил его к праотцам-националистам за то, что этот самый скверный в мире и малограмотный министр иностранных дел отдал врагам Родины огромный и стратегически важный для России кусок ее территории.

В 1989 году мне пришлось побывать в Кутаиси, после того как во время ночного дежурства у моего племянника, служившего в воинской части на территории Грузии, украли пистолеты, и мальчишке предстоял военный трибунал. С командировкой от газеты «Красная звезда» я оказалась на территории части, пошла к военному прокурору. Тут же выяснилось, что пистолеты лежат под хворостом за забором части, а украл их сам начальник, ответственный за их охрану, племянник зам-

пред Совмина Грузинской СССР Лордкипанидзе. То есть, грузинская элита давно и бессовестно готовилась к отделению от Советского Союза, но виновными в пропаже оружия хотела объявить невинного русского мальчишку.

Командир воинской части устроил тогда меня на ночлег в одну полурусскую-полугрузинскую семью. И первое, что я увидела, когда вошла в дом, это винтовку, висящую на двери. Удивилась донельзя, ведь никогда не видела оружие в глаза, не принято было им, как ныне, бряцать на каждом шагу, потому спросила молодого хозяина:

— Сережа, а зачем в доме винтовка?

— Нужна... Кто знает, что будет. Все так неспокойно. Еще возможно с Россией война будет, распад, а мы... и Сочи себе вернем! Все побережье — это наша земля...

Грузинские «националисты-уклонисты» 90-х хорошо понимали, что делали. И эти хотели создать империю от моря до моря. Но опять же за счет других народов.

Помнится в Госдуме как-то в один из приездов Ардзинбы в Москву во время пресс-конференции, которую он давал, на верхних рядах Малого зала сидела кучка грузинских националистов и громко топала ногами, как только лидер Абхазии заговорил о праве Сухуми на независимость. Среди них громче всех возмущалась словами абхазского лидера черноволосая женщина, как потом выяснилось, Светлана Червонная (жительница Москвы почему-то), которая прежде была в командировке в Абхазии, когда там шла война.

Приняв за незыблемость все, что исходило от пьяного Ельцина, Светлана в своей книге считала, что войну развязали абхазы. Но позвольте, коль парад суверенитетов, почему не имеют права на участие в такой политологии и другие персонажи истории?

Светлана Червонная очень уважает Шеварднадзе, и даже абхаза такого жешла, некоего спасателя на лодочной станции в Новом Афоне, который ей сказал: «...Только с новой Грузией мы можем вырваться из коммунистического стойла. И все мои надежды связаны с Шеварднадзе. Но они же звериной ненавистью ненавидят его. За то, что он «отдал» Западу берлинскую стену и устранил советскую ядерную угрозу, За то, что он предвидел путч... и предупреждал Горбачева. За то, что он прошлым августом защищал Белый дом. За то, что он хочет вытащить Грузию со всеми ее автономиями и народами из семидесятилетней грязи»...

Удивительный, однако, абхаз. Мутант, что ли? Но как только Шеварднадзе оказался на территории Абхазии с автоматом в руках, все надежды на Грузию мгновенно улетучились и лодочник Алик (судя по свидетельству самой же Червонной) не в объятья любимого лидера бросился, а удрал на своей лодке в... Турцию.

Вот так ногами, поскольку голова подвела, лодочник на практике проголосовал за политику Эдуарда Амбросиевича. Да и сама Светлана все же отдала должное ситуации, которой «рулил» в то время Шеварднадзе:

«Объективная оценка «абхазской трагедии» невозможна без учета реальной ситуации, реальных противоречий внутри каждой из противоборствующих сторон. Наивно было бы предполагать, что с абхазской стороны действуют исключительно «силы зла» (бандитские, преступные формирования, политические авантюристы и т. п.), в то время как на грузинской стороне — сплошные ангелы в белых одеждах. ...Что особенно печально, — и Грузия в этом конфликте, прежде всего в лице тех вооруженных сил, которые находятся на территории Абхазии с августа 1992 г., выглядит отнюдь не безгрешной защитницей великих идеалов демократии и свободы. «На войне как на войне» — льется кровь, совершаются насилия и

убийства, причем с грузинской стороны и жестокость, в том числе, по отношению к пленным и к мирному негрузинскому населению, и факты мародерства, грабежа, вандализма по отношению к культурным ценностям, и иные многочисленные примеры нарушения всех гуманных прав и норм, предусмотренных международными конвенциями, фиксируются объективными информаторами и представляют собой горькую реальность.

Безнадежной и трагикомичной была бы любая попытка взять под защиту и оправдать абсолютно все, что делают в Абхазии (в том же Сухуми после взятия города 18 августа 1992 г.) представители «грузинской стороны» на всех уровнях ... просто на уровне обывательского сознания и поведения (те очереди за хлебом, из которых изгоняются негрузины; те нормы распределения гуманитарной помощи, по которым, как свидетельствует побывавшая в Сухуми Ольга Супруненко (депутат Моссовета) «мегрелам давали мешок муки... русским — 1 кг; мегрелам 1 кг сахара, русским — стакан»)). (С. М. Червонная, «Абхазия-1992: ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ГРУЗИНСКАЯ ВАНДЕЯ», (М., РИО МГПО «Мосгорпечать, 1993 г.).

Кстати, по отношению к русским такое же было и в Абхазии, о чем я узнала в Комитете по делам СНГ, о чем мне рассказал бывший председатель Комитета по делам СНГ Георгий Иванович Тихонов, по свидетельству которого в Абхазии сахар и муку абхазам давали килограммами, а то и мешками, а русским жителям — по стакану.

Когда я спросила Георгия Ивановича, возмущился ли он таким отношением к своим же соотечественникам, ведь часто сам бывает в Абхазии, Тихонов безразлично пожал плечами и спокойно ответил: «Но ведь Ардзинбе надо кормить свой народ!». А русские, выходит, не его народ? Русские опять же нужны лишь для защиты абхазских интересов от грузинских?

Невмешательство Тихонова в дело защиты русских граждан Абхазии стало понятно позднее. Георгий Иванович хотел тогда приватизировать санатории в Абхазии, ему это пообещали, но затем: по усам потекло, да в рот не попало.

Но самое удивительное, что хамское отношение к своим же попавшим в беду соотечественникам, продемонстрировали и русские в Москве. Когда я в подземном переходе Белорусского вокзала бесплатно раздавала г-ту «За СССР», объясняя, что надо познакомиться с материалом о том, что русские люди умирают от голода в Абхазии, а в газете опубликован адрес учительницы, которой надо бы непременно помочь, очень многие несостоявшиеся читатели газеты, оборачиваясь, на бегу кричали мне: «Да х... ними, с этими русскими, пусть сдыхают!».

«Эта зарисовка, — пишет в своей книге С.М. Червонная, — сделана молодым московским журналистом Дмитрием Холодовым, далеким от каких-либо грузинских корней. А поскольку та московская газета, где был напечатан его репортаж в конце июля 1993 года, вряд ли бывает в руках у гудаутских руководителей, мы просто воспроизведем несколько штрихов этой журналистской зарисовки. Должны же люди узнать, за что сражается «та сторона», которой руководят в Гудауте. Как она сражается. Каков, действительно, предел подлости, на какую способны люди.

«Страшную находку обнаружили местные жители в горах Абхазии на Черноморском побережье, там, где недавно шли бои с морским десантом, пытавшимся перерезать магистраль Очамчира — Сухуми... На дереве на проволоке висели куски человеческого тела... двух освежеванных людей ... Режут не только солдат. В тех же лесах в одной из деревушек нашли труп женщины. Она была беременна. Ее изнасиловали и выпотрошили.

«Раненые с той стороны никогда не поступают, — поведали нам врачи госпиталя в Сухуми. — Видимо, их просто пристреливают». ... На передовой нам рассказали, как с той стороны нескольких пленных вывели на открытое место. Пронзая их ножами, заставляли кричать — ругать свое правительство. Кололи, пока окончательно не убили. «Потом мы их тела отбили. Им сделали «колумбийские галстуки». Обычная вещь — надрезают горло сантиметрах в пяти от подбородка и вытаскивают через это отверстие наружу язык». Ненависти к другой нации нет предела. По улицам абхазской столицы уже несколько месяцев, пугая детей, ходит человек, у которого обрезаны уши, разорваны ноздри и вырваны ногти. Не попадайся в плен!». (С.М. Червонная, «Абхазия-1992: Посткоммунистическая грузинская Вандея», (М., РИО МГПО «Мосгорпечать, 1993 г.).

Но лично мне пришлось выслушать признание матери, дочь которой в Сухуми насиловали на глазах малолетних детей восемнадцать грузинских солдат, ворвавшихся в абхазский дом.

Нет, не могу я, исходя из вышеизложенного, считать Шеварднадзе хорошим политиком. Испытание реальной политикой, а не бумажной, с высоких трибун, этот партийный функционер прошел на двойку, и то с минусом.

Ибо каждый международник знает, что сотни государств погибли в мире из-за националистического и даже личного, приватного сепаратизма.

Вспомним Джунгарию. Кто теперь помнит ханство, сложившееся в 30-х годах XVIII в. и существовавшее до 1758 г., которое играло в свое время крупную роль в международных отношениях Центральной Азии и жители которого даже совершали набеги на Томск, Красноярск? Но которое погибло лишь потому, что не поладили два хана Даваца и Амурсана. В итоге они устроили войну. «Потерпев поражение, Амурсана побегал в Цинскую империю и заявил о своем желании служить Цинской династии. Его отправили в Пекин. При дворе Амурсану встретили с большой радостью. Император Хун Ли пожаловал ему титул князя первой степени (цин ванна) и обещал помощь в овладении джунгарским тронном. Цинская династия увидела в Амурсане удобное орудие в борьбе за осуществление своей заветной цели — уничтожении Джунгарского ханства

Совсем как в наши дни, когда лишь один Зиновьев признался, что их, диссидентов, использовали в борьбе против Советского Союза. Остальные, в том числе и Шеварднадзе, служили чужим интересам исправно.

В общем, Амурсана получил от Китая 200-тысячную цинскую армию.

Отложим в сторону книгу о судьбе Джунгарии, вспомним о деяниях Эдуарда Амбросиевича.

«Когда вы пришли к выводу о неизбежности объединения Германии? — спросил меня Ганс-Дитрих Геншер.

—... Еще в 1986 году.

...День 13 февраля 1990 года, в Оттаве, ставшей, образно говоря, повивальной бабкой механизма «два плюс четыре» не забуду никогда. Пять бесед с Бейкером, три — с Геншером, причем труднейшие и для него, и для меня, переговоры с Дюма, Хэрдом, Скубишевским, министрами других стран ОВД, и все это в течение одного дня, завершившегося рождением «шестерки» (Шеварднадзе «Мой выбор» Москва, «Новости», 1991 н.).

В итоге такой бурной деятельности Шеварднадзе Германия объединилась, Советский Союз разъединился и 7 августа 1992 г. Грузию приняли в члены ООН. Короче, и Эдуард Амбросиевич повел себя как предатель Джунгарии Амурсана.

«25 июля 1755 г. Якоби докладывал: «Когда китайское и мунгальское войско

дошло до р. Или, к нему стали переходить в подданство ленгоры с начальными людьми...»,

Как и те ленгоры, побежали под американской влияние после обрушения СССР Кучма, Назарбаев, Каримов, Ниязов и прочие. В политике всего лишь... ленгоры.

«7 августа 1755 г. Якоби узнал из достоверных источников о полученном в Халке (китайский город — прим. Л.Б.) указе Хун Ли, «коим объявлено, что контайшинский владетель Дебача (Даваца — прим. Л.Б.) просит, чтоб его богдыханом принят был в подданство, и для того отправил своего сына и при нем 6 человек посланцев... и во уверение той своей о подданстве просьбы послал свое красное знамя... Причина пожелания Дебачи (фактически нынешний Горбачев — прим. Л.Б.) подчиниться богдыхану та, что Амурсан (коллективный Ельцин — прим. Л.Б.) ему изменил и перешел на сторону Китая»

По радиостанции «Свобода», работающей в России за счет средств Конгресса США, часто, как рефрен, звучат слова Горбачева: «Бушу я сказал, можешь ложиться и спать спокойно». Вдруг Сталин во время войны такое же сказал бы Гитлеру? Но Сталин был великим лидером, в отличие от нынешних российских политических шавок, по-лакейски играющих лишь в поддавки.

«Но все было тщетно. Цинскому правительству нужен был не мир с ханством, а его полное уничтожение».

30 декабря 1991 г. и Советского Союза не стало.

«Джунгарское ханство, против которого вели войну Сюань Е. (цинский император — прим. Л.Б.) и два его преемника, фактически перестало существовать. Излишними оказались чрезвычайные приготовления цинских властей, оказалась ненужной и огромная маньчжурско-китайско-монгольская армия. Ханство было фактически беззащитным. Ойратские феодалы сдавались на милость победителей.) даже не пытаясь сопротивляться. Ойратский народ, деморализованный (шествия американских солдат на Красной площади в день Победы и праздники Хануки в Кремле — прим. Л.Б.) бесконечными княжескими распрями, разоренный и измученный (миллионы беженцев СССР — прим. Л.Б.), не противился завоевателям. Джунгарское ханство развалилось» (И. Я. Златкин, «История Джунгарского ханства», изд. «Наука», М., 1983 г.).

А какова судьба самого Амурсана из 17-го века, приведшего врага в ареал обитания своего народа, как это сделали Горбачев, Ельцин, Шеварднадзе в век нынешний?

Однако вначале о Шеварднадзе, на которого нашелся свой Амурсана и прилюдно дал ему пинка из политики. Старый Лис, поджав хвост, уплелся в тесную нору, из которой когда-то и выполз. Такой же пинок получил и Горбачев. Ельцина выкинули из политики вроде бы более цивилизованно, но так же подло.

«Из донесения Якоби от 19 октября 1755 г. и из последующих событий можно сделать вывод, что Амурсана, обманувшись в своих ожиданиях стать с помощью Цинов всеойратским ханом, в сентябре 1755 г. восстал против Цинской империи и начал вооруженную войну. ... Восстание Амурсаны и его бегство в Джунгарию вызвали в Пекине сильнейший переполох. ... В августе 1756 г. произошло сражение между ополчением Аблай-султана и войсками цинского императора, закончившееся поражением казахов, начавших отступлением к русским укрепленным линиям. Казахские правители обратились к русским властям с просьбой защитить их от преследовавших маньчжурских войск. ... В сентябре 1755 г. около 40 ойратских зайсангов ждали ответа царского правительства на их просьбу о переходе в российское подданство. Одновременно с этим из глубинных пунктов ойратского хан-

ства к границе России двигались сотни беженцев, унося остатки своего имущества, ища на русской земле своего спасения от беспощадных завоевателей. ... В дальнейшем А. Каскинов выяснил, что Аблай-султан не только обращался с Амурсаной как с пленником, но и отдалил его от семьи, которую содержал в нищенских условиях, не давая ни скота, ни даже юрты (И. Я. Златкин, «История Джунгарского ханства», изд. «Наука», М., 1983 г.).

Предатели нашего времени по джунгарскому типу, такие же ленгоры, не способны даже на такую смелость, как отвернуться бы наконец-то от интересов США, которое своей политикой вытеснения всех и каждого, кто не под их знаменем, причинили всем нашим республикам вред уже не меньший, чем гитлеровские войска. Стоило бы Кравчуку отказаться от своей подписи под Беловежскими соглашениями и сказать своему народу, хотя бы запоздалое: «Простите, я был не прав, когда разрушал нашу великую державу. Я был глуп, как пробка, когда подобное затевал. Я не понимал, как мощно был устроен Советский Союз, потому ни одна республика без единения не сможет жить достойно».

Скажи такое Кравчук прилюдно... Он остался бы в истории выдающимся политиком!

Что-то подобное он и произнес шепотом, но так тихо, что его лишь некоторые журналисты услышали, а народам нашим он такое услышать не позволил. Потому уйдет из политики лишь как представитель мелких грызунов, стая коих загрызла до смерти даже собственную страну. Кто всерьез принимает теперь Шушкевича и того же Шеварднадзе? Крысы в политике не ценятся, их в политике лишь используют.

Американцы нынче планируют войну с Ираном, которая может расползтись по земле настолько, что по пути примирения с Россией, как это описано в книге про историю Джунгарского ханства, пойдут и все те «страны», которые в конце 20-го века горделиво и крикливо отделялись от России, позоря и поганя ее на весь мир.

«Еще до войны, на одном из заседаний депутатской фракции «Демократическая Абхазия» один из депутатов ее — Джемали Гамахардия — сказал: «Ардзинба играет на руку тем силам, которые хотят восстановить чудовище под названием СССР» (С. М. Червоная, «Абхазия-1992: Посткоммунистическая грузинская вандея» (М., РИО МГПО «Мосгорпечат», 1993 г.).

Только людям, вновь вернувшимся под лоно России, от этого не станет легче. Тут всегда теперь будут идти потасовки за слияние и разливание того, что еще не захвачено и не поделено, а пришлые долгое время еще будут жить без «скота и юрты, как пленники». Совсем как нынешние мигранты. Ибо права на личную безопасность, бесплатное лечение, доступное образование и жилье бывшие советские люди всех национальностей случайно «уронили» в бурьян на территории такого «чудовища» как СССР.

Да, Советского Союза уже нет. Потому что люди не заслужили его. Ведь за права, как и за джунгарское царство, должно было воевать, а не позорно и трусливо бежать из своих огромных социальных владений.

Интеллигенция же XX-го века, поднявшая руку на свои народы и страну, навсегда останется в Истории жалким Амурсаной, позорно в свое время закончившим жизнь на чужих землях от болезни оспы. Цинские же поданные еще долгое время разыскивали его могилу на территории России, чтобы привезти в Китай, сжечь и развеять над Цинской империей. В назидание другим. Чтоб знали, что такое предавать Родину, а потом уж и Китай, коль клятву верности давал потом и Цинам.

Амурсанами, то есть, на чужбине, доживают в Москве все Акаевы, дочь Туркмен-

баши — Ирина Ниязова. Внучка Эдуарда Шеварднадзе — Софи́ко ведет новости на экспортном российском телеканале Russia Today. Лейла Алиева-Агаларова, дочь президента Азербайджана, тоже в Москве.

Бывший главный редактор издания «Чароги руз», которое разжигало гражданскую войну в Таджикистане, живет в Москве, и даже получил гражданство. И только тогда, когда прокуратура Таджикистана возбудила против него уголовное дело, тут же уехал в Германию.

Иногда гостит в подмосковном Одинцово за шашлыками и Зорий Балаян.

Так зачем же они разрушали Советский Союз? Как гласит китайская пословица, видели только рыбу, а не крючок? Потому и подвесили на этот крючок не только себя, но и триста миллионов жизней.

И, видя страны своей опустошенье,
Ты гулом своим поднимаешь на мщенье.
Но близко весеннее солнце победы.
И буря разгонит несчастья и беды.

Эти строки в 1942 году написал грузинский поэт Галактион Табидзе. После таких слов народ и выиграл! Но тогда были другие лидеры. И другие поэты. И другие победы. Которыми по сей день восхищается весь мир!

Теплым сентябрьским днем 1994 г. в прощальные дни с малой родиной, когда выманивали из дома виноградные, цвета оникса, ягоды, а вечерами еще благоухала «ночная красавица», перебегая железнодорожную колею, я вдруг увидела в глухом тупике, около угольного склада, эшелон. Вокруг товарных вагонов на короточках сидели его пассажиры: неумытые шумные дети, женщины в поношенных платьях и мужчины, по мусульманским законам — говорливые заносчивые короли Вселенной, однако в данный момент они выглядели как понурые средневековые дервиши.

— Почему им никто не помогает, почему целый эшелон каких-то очень одиноких людей? — спросила я своего спутника, направилась было к ним, но Абдулла схватил за руку и буквально прошипел: — Не смейте... Не подходите...

— Это же наши люди, советские, гляньте, как им плохо?

— Они давно не советские...

— Но в войну все помогали друг другу...

— В какую?..

— В Отечественную...

— Та война была Великой, а эта... Там врага убивали, а сегодня — друг друга.

В начале 90-х, страна уже по всем окраинам была издергана конфликтами, по многим городам прокатились погромы, граждане тех или иных национальностей беспощадно молотили друг друга не только кулаками, но и автоматами. Неучастники войны лихорадочно собирали узлы. На улицах люди грустно спрашивали друг друга:

— Нашел уже куда уехать?

— Да, оформляю контейнер.

Люди печально оглядывали стены остывающих очагов, развешивали на тутовники платья, шляпы, гирлянды бус, вдруг кто-нибудь на улице еще купит. Но в душе все же надеялись, что все обойдется, кому нужна эта нелепая дележка хребтов, гор, рек, того или иного комплекта законов, драка за «истинность» толкований? Вдруг этот жуткий политический и житейский цунами, того и гляди, отхлынет, а жизнь, такая яркая, прекрасная и надежная, вновь вернется в каждый город, аул, в каждый дом.

Но везде, вопреки ожиданиям, поднимались какие-то сварливые Народные фронты. Народами ли они создавались, коль у всех одно, будто код, название? И программы у этих визгливых Фронтов были непременно с ядовитым вирусом. Те, в кого этот микроб вселялся, черной злобной стаей взвивались над толпами и городами.

Народный фронт Латвии в те дни горлопанил: «Использовать различные разновидности забастовок для разрушения экономической системы СССР» (г-та «Юрмала», 20 декабря 1990 г., с.6).

Мадам Старовойтова 16 сентября 1989 г на конференции дем. движений тоже провозгласила свою программу разрушения: «Затем, РСФСР, как федерация внутри федерации, ликвидирована, поскольку из нее выходят автономии на правах равноправных суверенных республик, ...а, скажем, Эвенкия, Эвенкийский национальный округ, ...должен стать союзной республикой...

Лихому этнографу задали вопрос: «Не считаете ли Вы, что Ваше предложение дать равный статус всем народам, вызовет бешеную вспышку национальной розни, гораздо большую, чем сейчас?».

Мадам Старовойтова, не моргнув глазом, ответила: «Мне кажется, что одна из причин национальной розни сегодня — это как раз ущемленность прав народов. А

когда народы получают реальную возможность реализовать свои суверенные права и отстаивать их — это, по-моему, положит конец национальной розни».

Узнав, что Старовойтова собиралась разбить нашу страну на столько кусков, сколько в нем национальностей, я задумалась, каким образом могла прийти в голову образованной женщине такая нелепая мысль?

Ах, да, Галина Васильевна часто летала в Лондон, где ее неоднократно принимала мадам Тэтчер, нахваливавшая Старовойтову с утра до ночи: мол, ах, какая умница, какая красавица, быть вам министром обороны! Но соловьи чужеродные умели не только нахваливать гостей, но и руководить их мозгами...

Вспомнилась брошюра «Пальвар» поднимает флаг» (авторы П. М. Шаститко, В. В. Выхухолев, изд-во «Наука», М. 1982 г.), в которой рассказывается о событиях в Индии во время Великой Отечественной войны...

Уинстон Черчилль предложил гражданам этой британской колонии принять участие в борьбе против фашизма: война подошла уже к самым границам Индии, а японские самолеты бомбили Калькутту. Джавахарлал Неру и другие политические лидеры ответили, что они непременно присоединятся к воюющей против фашизма стороне, но при условии: что после войны Великобритания предоставит Индии независимость. На что личный представитель Черчилля Криппс ответил, да, независимость будет, и она будет предоставлена... каждой провинции и каждому княжеству (а их около шестисот) с правом входить в состав доминиона и выходить из него, оставаясь, однако, в прежних правовых отношениях с Великобританией.

То есть, народам Индии много лет назад было предложено то, что Старовойтова спустя полвека предложила нашим народам: создать столько государств на нашей территории, сколько национальностей в стране.

Мы можем поздравить английскую разведку МИ-5, Ми-6, с тем, как она лихо умеет вставлять свои наработки в мозги любого гостя туманного Альбиона, в том числе, и такой «умнице и красавице», как Старовойтова.

Создать шестьсот государств на территории Индии тогда не удалось, но мусульмане, предки коих пришли в Индию с войсками узбекского военачальника Бабур пятьсот лет назад, огромный кусок от страны все же оторвали, и создали новое государство Пакистан, которое почти все время находится с Индией во враждебных отношениях. А в самой Индии мусульмане по сей день фатально не ладят с индусами, которые (даже спустя пятьсот лет после прихода бойких военачальников из Ферганской долины) выходят на демонстрации протестов с плакатами: «бабуриды, вон из Индии!». А потом террористы с обеих сторон усердно взрывают мечети и индуистские храмы. Конечно же, вместе с людьми.

Лишь два государства после Второй Мировой войны в этом регионе создали, а сколько вражды и ненависти по нынешний день! А что было бы с нашими народами, если бы по предложению Старовойтовой было бы создано целых шестьсот! Ну, голова, ну, и мыслитель! Так во главе какого княжества назначила бы хитроумная мадам Тэтчер министром обороны Галину Васильевну, примерявшую уже мысленно на себя военный мундир? Эвенкийского, к селькупам или к хантам подалась бы устраивать демократию?

На той конференции дем. движений почему-то никто из 162 делегатов не задал вопрос любительнице неоднократных поездок в Англию: неужели ущемленность таджиков, узбеков и других народов в том, что они в любой точке огромного СССР чувствовали себя, как дома, поступали в институты, занимали высокие государственные посты? Никто не поинтересовался, зачем делить страну на столько государств, сколько в ней национальностей, зачем рвать ее на куски по чьей бы то

ни было прихоти?

Вот другая конференция, на которой тоже была Старовойтова.

«Летом 1991 года в Грозный приезжала Галина Старовойтова, и в здании первого корпуса Чечено-Ингушского госуниверситета она встречалась с активистами Вайнахской Демократической партии. В актовом зале, где проходила эта встреча, посторонних не пускали — здесь мэтр новой политики давала мастер-класс своим вайнахским товарищам по борьбе с империей зла, и негоже было чужакам слушать откровения апостола российской демократии. Но Иса Арсемиков, доцент кафедры молекулярной физики и один из функционеров Общенационального Конгресса чеченского народа, давний мой приятель, провёл меня на эту встречу с депутатом Верховного Совета СССР.

— Что нужно делать, — спросили высокую гостью, — чтобы добиться свободы и завоевать, наконец, независимость, о которой горцы мечтали ещё со времён имама Шамиля?

— Убивайте русских! — Посоветовала Галина Васильевна своим соратникам по Великой Демократической Революции. — Пусть земля горит под ногами оккупантов.

Чем больше русских будут убивать на улицах Грозного, тем быстрее станет свободной священная земля чеченцев и ингушей.

Иса Арсемиков, пригласивший меня на эту встречу со знаменитым депутатом нового парламента СССР, был явно смущен таким откровенным заявлением московского политика.

— Это она в иносказательном смысле, — шепнул мне доцент кафедры молекулярной физики, — мол, шовинистов и комунок поприжать пора.

Но товарищ, задавший депутату сакраментальный вопрос: «Что делать?», понял Галину Васильевну отнюдь не иносказательно.

— За такую политическую деятельность, — заметил он, — можно и за решётку угодить. Будет земля вайнахов свободна или нет, а за убийство лет на пятнадцать сам свободу потеряешь.

— Личный риск, конечно, неизбежен в любой революции, — ответила знаменитая демократка, — но у нас он сведён к минимуму. Там, — и Галина Васильевна указала куда-то вбок и немного вверх, то ли за кулисы актового зала, то ли в сторону златоглавой столицы тонущего Союза — уже решили поделить последнюю империю XX века на тридцать — сорок цивилизованных демократических государств. И когда СССР уйдёт в историю, вряд ли кто будет разбираться, кто там кого убил. А если кого и осудят, до того, как Союза не станет, так потом всё равно отпустят — на то это и революция. «Темницы рухнут и свобода, вас встретит радостно у входа, и братья меч вам отдадут». — Завершила народная депутатка свою пламенную речь словами поэта — певца свободы....

Может быть, Галина Старовойтова преувеличивала, утверждая, что правители СССР уже вынесли приговор государству, во главе которого они оказались волею злого рока? Увы! Влиятельный член нового парламента Советского Союза знала наверняка то, о чём говорила своим соратникам в актовом зале Чечено-Ингушского госуниверситета. Не прошло и года, как в Беловежской Пуще «царь» Борис и его подельники поставили последнюю точку в недолгой, но бурной истории Союза Советских Социалистических Республик.

... В 1992 году один молодой человек, в недалёком прошлом выпускник Чечено-Ингушского университета, перебравшийся затем в Москву и занявшийся в первопрестольной «нефтяным бизнесом», — одним словом, начинающий олигарх, — пе-

редал эмиссарам Дудаева крупную сумму в валюте.

— Зачем ты это делаешь? — Спросил у молодого бизнесмена присутствовавший при этой “спонсорской акции” его товарищ, когда посланцы президента Ичкерии покинули офис нефтеторговца. — Ведь на эти деньги будет куплено оружие для сепаратистов, и из него потом будут стрелять в наших солдат.

— А я для этого и дал деньги, — ответил своему товарищу бывший студент ЧИГУ. — Я не хочу, чтобы страна с названием “Россия” оставалась на политической карте мира. Чтобы потом никто не надумал отнять у меня капиталы, которые я сейчас зарабатываю. Как говорить — нет государства, не будет и проблем с национализацией...

Что или кто мог бы помешать планам предателей, угнездившихся на самой вершине пирамиды власти советской империи, и надумавших эту самую империю демонтировать?

В Карачаево-Черкесии в отношении русского и казачьего населения идут неприкрытые этнические чистки. Вот строки из письма атамана Балтапашинского казачьего округа:

«...Эх, Саша, Саша! Вовремя ты успел отплыть, а у нас пошёл полный беспредел.... Снимается с мест уже коренной народ, который живёт здесь не одно поколение. Люди полностью разуверились в возможности перемен. На русских руководителей идёт настоящая охота. Даже весьма солидным людям, как, например, директору хладокомбината, у которого солидные связи с Израилем и в Москве, и то предложили продать дом, так как русские в этом месте жить просто не должны. Они хотят там рядом мечеть ставить. А других просто выгоняют нагло. А что творится за пределами Черкесска — просто кошмар. Руководителям районов впрямую уже говорят, что «устроят русским Чечню» и что их надо убивать...

По сведениям казаков Балтапашинского казачьего округа, только осенью 1997 года в ст. Зеленчукская убиты семь казаков; в ст. Исправная похищен казачий атаман и депутат Народного Собрания КЧР Стригин Владимир и его шофёр Панченко...».

Вынужденный отток русского населения происходит и из республики Северная Осетия-Алания (вопреки распространённому мнению, что уж в «православной Осетии с положением русских всё в порядке). Михаил Бурлаков, «КТО В РОССИИ «ВНЕСИСТЕМНЫЙ?», Pzrk.ru.

Вот какие страшные бури раздувала Галина Васильевна Старовойтова. Об этом ретивые политические компании усердно помалкивают. Но, и придя к власти, не построили ни одного завода. Зато пожаров среди населения не погасили ни одного.

Так что мадам оказалась не оракулом, а теткой с безгосударным безответственным мышлением, в итоге и сама погибла на грязной лестнице из-за того, что везла с собою в авоське миллион долларов. То есть, погибла из-за элементарного неуменья предвидеть развитие событий.

Поговаривают, что Старовойтова приняла активное участие в приватизации нефтеналивных причалов Питера, потому ее, как соперницу, и убрали. Сын Галины Васильевны в это время имел компьютерный бизнес в Лондоне, мать жила в Израиле. Так что были серьезные причины у Старовойтовой для того, чтобы разрушать СССР, знала, что золотым тельцом это пахнет. Возможно, Галина Васильевна поехала бы еще и в Израиль, чтобы добиться там автономной республики для выехавших из СССР миллионам русскоязычных евреев, чтобы матери ее в автономии жилось вольготнее, но жизни ей для этого не хватило. А жаль...

Но смерть Старовойтовой еще далеко впереди, а в описываемый период и Литва мгновенно захотела вернуться в древние времена, когда жила без российского газа, не умела читать, но территория была якобы... от моря до моря ...

Поляки замечали о тех же границах «от можа до можа», но, к сожалению, море одно и земли вокруг маловато. Мечту (синдром Македонского) пришлось упрятать за пазуху. Сколько же новых земных шаров надо бы создать во Вселенной, чтобы удовлетворить амбиции всех лидеров, размечтавшихся вдруг о своем личном могуществе в конце уходящего века?

В Армении многие граждане тоже вспомнили допещерные времена, когда, что ни княжество на Кавказе, то непременно Великое.

В результате... «Первую книгу — «Айкашен» — о Карабахском движении я написал в 1988 году, — замечает Зорий Балаян. — Она рассказывает о начавшейся борьбе, о том, как эта борьба перерастала в войну» (Зорий Балаян, «Между адом и раем», Москва, 1995 г., с. 6).

«...Как перерастала в войну...». И этот горячий, страстный публицист так буднично пишет о тех временах, когда бомбы и снаряды перелетали через хребты, будто мячики пинг-понг, а люди погибали каждый день, как в Хиросиме и Нагасаки.

Но огонь от той спички не угомонился. Он побежал далее, глядь, добрался и до границ армяно-азербайджанского ареала. Вскоре конфликт перекинулся и через Каспийское море.

А там немало своих мудрецов: ученых, идеологов, политиков; писателей, которых советская власть перед тем набаловала, искусственно превратив их в олигархов народного духа. Эти же местные малолитражные конфуции в пик советской власти заболели другой идеей: объединения Великого Турана — воссоединения всех мусульман Азии и Востока (как братьев по вере) в единое государство, в единую мусульманскую умму.

В 1989 г. в Таджикистане было создано националистическое движение «Растохез», которое тут же установило тесные связи с литовским «Саюдисом», объявившим Советский Союз оккупантом. Лозунги и тактика этих двух движений были похожи друг на друга. В 1990 г. возникла Демократическая партия Таджикистана, установившая тесную связь с Демократической партией Травкина в России. Русские граждане республики пришли было в эту партию... О становлении Исламской партии возрождения рассказал кинорежиссер Давлат Худоназаров:

«Исламская партия возрождения СССР провела свой учредительный съезд 9 июня 1990 года в Астрахани. ИПВ стала универсальной политической силой, принявшей от имени всех мусульман Евразии инициативу исламского проекта на территории СССР. Руководителем (амиром) партии был избран один из наиболее ярких исламских лидеров исламского советского пространства врач-дагестанец Ахмад-кады Ахтаев.

3 сентября 1991 года состоялся исторический съезд Верховного Совета СССР, на котором было принято решение о самороспуске. Я был приглашен на него как один из руководителей ИПВ в качестве почетного гостя и мог довольно близко рассмотреть Михаила Горбачева, председательствовавшего над всеми остальными двенадцатью президентами.

Обсуждение будущего Верховного Совета и самого СССР было довольно бурным, но меня занимало другое. В кулуарах я встретился с прибывшим из Таджикистана Давлатом Усмоном, который находился в составе таджикской делегации, возглавляемой верховным кадием Тураджонзода.

Давлат Усмон был в приподнятом настроении и сказал мне, что фактически ре-

шен вопрос не только о суверенизации Таджикистана, но и о том, что таджикский филиал ИПВ будет правящей политической силой. «Правда, — добавил он, — в союзе с демократами, это обязательное условие. Мы уже заключили с ними по этому поводу соглашение». «С какими демократами?» — изумился я. «С нашими демократами, с Таджикской демократической партией. Кстати, и «Растахез» в этом тоже участвовал», — ответил Давлат Усмон.

Я знал о том, что Таджикская демократическая партия существует, однако было известно, что это лишь несколько десятков интеллигентов, не оказывающих никакого влияния на ситуацию.

«Не совсем несколько десятков, — поправил меня Давлат. — Это не менее пяти сот человек, которые оказывают влияние на всю нашу неисламскую интеллигенцию». «Пятьсот человек — сила?», — удивился я.

Конечно, в России существовали мощные структуры демократов, с которыми приходилось считаться. Но в Таджикистане это была изолированная группа, которая даже плохо говорила на родном таджикском языке. Я не понимал, почему мусульмане должны были вступать с ними в какие-то соглашения и делиться властью. Давлат посмотрел на меня с сожалением: «Это наивное рассуждение, — сказал он. — Тем более и рассуждать-то не о чем — ведь вопрос решен». — «Где решен?» — «Здесь, в Москве», — сказал Давлат с улыбкой, кивнув на окружающее нас пространство. (А находились мы, естественно, в Кремле.)

Я понимал, что политической работой ИПВ руководит некая третья сила, которая рассматривает политический ислам в СССР как некую разменную карту в какой-то далеко идущей комбинации. У меня возникло неприятное подозрение, что таджикские братья сами очень плохо отдают себе отчет в том, что должно стать ее итогом» (Из статьи «Как это делалось в Душанбе»).

Эти партии и движения, как видим, созданные под руководством Москвы, в частности, по личной инициативе Горбачева, потребовали вдруг запрета Таджикской компартии, потом стали жестоко и напористо бороться за власть под предлогом немедленного перехода к «демократическим» реформам.

Но в республике была законная власть, которая не собиралась мгновенно убежать в тень лишь при одном притоке московских травяных, подружившихся вдруг с исламистами. Руководство республики не сменило свою ориентацию, как мгновенно, будто восточные дэвы, перевернулись лидеры других республик.

Исламисты для организации беспорядков начали использовать любой предлог. 11 февраля 1990 г. в Душанбе на площади перед зданием ЦК Таджикской компартии собрались вдруг националистически настроенные люди и потребовали, чтобы город не принял армянских беженцев, которые спешно перебирались через море от погромов в Баку к своим родственникам.

«Да, действительно, события начали развиваться после прибытия нескольких, по слухам, трех самолетов с армянами из Баку, которые, опять же по слухам, отказались выйти из самолета, пока им прямо в салон не принесут ордера от квартир, — пишет очевидец тех событий в Душанбе Петр Чернов в ответ на статью Бури Каримова «Трагедия, не ставшая уроком» (к десятилетию кровавых событий в Душанбе) и добавляет: — Но буквально в тот же вечер события переросли в погром. Антирусский погром. Несколько дней в городе не было никакой власти, и русские защищали себя сами как могли».

«Основные требования митингующие сводили к тому, чтобы прибывшим в Душанбе армянским беженцам не предоставлять квартиры, и все они должны быть отправлены на родину. Митингующие выкрикивали лозунги «Таджикистан для тадж-

жиков», «Вон армян из Таджикистана». К людям вышли К.М. Махкамов — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана и ряд других ответственных работников аппарата ЦК партии. В сторону Каримова полетели галоши, обрывки бумаг. Толпа разошлась лишь тогда, когда услышала твердые заверения К. Махкамова в том, что вопрос будет изучен и армяне будут отправлены.

... Выяснилось, что слухи о квартирах были ложными. Самое удивительное, что на второй день никто не вспомнил о них. Но было уже поздно, «джина выпустили из бутылки»: в Душанбе начались погромы. 12 февраля вся столица была охвачена ими. Микеле Плачидо (итальянского актера, исполнителя роли комиссара Катани в фильме «Спрут» — прим. Л.Б.) вывозили в аэропорт на танке. А на прощание он сказал: «Здесь хуже, чем на Сицилии». Хулиганствующая толпа начала громить, крушить все», (Сухия Кобилова «Февральские события 1990 г. в Таджикистане», Худжант, 2007 г., с. 22).

Погром играл с жертвой до тех пор, пока не наигрывался. Если по пути попадалась девушка, неважно какой национальности, обкуренные юнцы становились в круг и на глазах всех ее насиловали и били. С особенной яростью насиловали таджичек, если на них не были одеты длинные национальные шаровары. И кого били, не могли надеяться на помощь. Люди фабрик и контор сидели, крепко запершись в подвалах. В их квартиры врывались погромщики и у оставшихся в доме членов семьи требовали в течение суток покинуть республику. Милиции на улицах не было. Она попряталась или шла в рядах погромщиков. Погромщики держали в руках бутылки с кислотой, арматурой, камни и даже огнестрельное оружие. Вместе с погромщиками находились поэт и драматург Мехмон Бахти и начальник политотдела республики Абдулло Хабибов.

«Анализы показывали, что дети, молодежь, учащиеся ПТУ и студенты приложили руки к разбою не по своему желанию и воле, а по указанию некоторых, так называемых духовных лиц. Одной из ведущих сил событий в феврале были корыстолюбивые муллы-самозванцы» (Сухия Кобилова, «Февральские события 1990 г. в Таджикистане», Худжант, 2007 г., с. 32.).

Люди не знали, что делать? Наконец-то выступил по телевидению секретарь ЦК Компартии К. М. Махкамов и сказал: «Люди добрые! В республику пришел недобрый час. Защищайтесь! Создавайте отряды самообороны и защищайтесь. Организовывайте охрану объектов силами коммунистов, комсомольцев, рабочих...».

После этого жители Душанбе начали дежурить на крышах домов и бить ложками по кастрюлям, предупреждая людей о приближении погрома. Они крепко-накрепко забивали подъезды досками. Обороняли свои предприятия. Если погром слышал автоматные очереди, направленные в воздух, он тут же кидался в сторону. Погром был труслив. Он храбро сражался лишь с беззащитными.

После погрома на асфальте валялись растрепанные туфли, чьи-то паспорта, фотографии, сумки. И... трупы.

Много книг уже издано о том низовом и верховом пожаре, который по всем уголкам страны в 1988-1998 гг. разожгла наша интеллигенция, у которой не хватило творческих сил, чтобы создать блистательнейшие литературные произведения и фильмы века, но зато хватило сил, грязных, интриганских, сволочных, чтобы убить свою Родину. И почти все вышедшие нынче книги погромщиков, изданные при помощи иностранных структур, написаны с точки зрения тех, кто убивал СССР (у создателей иных книг денег для публикаций нет). А чтобы никто ничего в них не понял, борьба между прокоммунистическими силами и исламистскими обозначили иными понятиями, мол, в Таджикистане дрались какие-то пошленькие «юр-

чики» с какими-то пошленькими «вовчиками», попробуй тут разберись, кто с кем, обозначив вначале в телевизионных передачах эти события как драку между кланами, сведя борьбу лишь к разборке родоплеменных отношений. Поэтому правду найти в них трудно. Однако найти все же можно.

«По прочтении статьи г-на Каримова, — пишет Петр Чернов на страницах «Независимой газеты», — мне, чья мать была очевидцем тех событий, и чья, тогда 6-летняя, дочь была в то время в Душанбе, хотелось бы сказать, прежде всего, об однобокости и предвзятости г-на Каримова.

Те спецподразделения, про которые пишет г-н Каримов, которые якобы были присланы для подавления свободного порыва «таджикской демократии», спасли не одну тысячу жизней, прежде всего русских жизней.

Если бы не эти подразделения, то при видимом попустительстве союзных властей в городе неминуемо началась бы резня русских. Как позднее такая резня русских произошла в Чечне, при попустительстве российских властей. Но от Грозного до Ставрополя сотни полторы километров, и была возможность выбраться, тогда как русские в Душанбе и Таджикистане такой возможности были лишены в принципе.

Весной-летом того же года русские из Таджикистана поднялись в исход, и по разным оценкам, только в том году уехали около 200 тыс. русских, которых потом в России называли «так называемым русскоязычным населением», и число которых уже достигает от 6-ти до 8-ми миллионов. Об этом г-н Каримов не пишет, поскольку между строк его статьи легко прочитывается следующая мысль: «русские сами виноваты в своем исходе, в том, что им не нашлось места в свободном Таджикистане, поскольку Центр пытался подавить свободу в феврале 1989 г.» (Независимая газета, № 25 (2087) 11 февраля 2000 г.).

И такую оценку событиям давал человек, который сам теперь живет в России! С какими же глазами он сюда ехал? Не прячет ли он эти бесстыжие глаза при встрече с теми русскими, которым из-за действий Каримова пришлось спешно бежать из Душанбе?

Исламистам, видите ли, мешал тот самый Центр, который и попустительствовал возникновению в Таджикистане враждебных СССР объединений? Бури Каримов нестерпимо врал, ибо на площади Шахидон (бывшая площадь имени Ленина) в Душанбе, совсем как в Латвии, Литве, Азербайджане, с утра до ночи шумели митинги, требовавшие «слома тоталитарных структур», переходящие потом в погромы магазинов, складов и даже квартир.

Бури Каримов, этот великий провокатор, вышел из здания ЦК партии к митингу, сам включил себя в Комитет семнадцати от митингующих, затем сообщил, что члены руководства Таджикистана добровольно отказались от своей миссии и якобы его назначили руководить республикой. Вечером 14 февраля он уже дважды звонил Председателю Гостелерадио и настойчиво просил передать в эфир текст фальшивого протокола о том, что все заботы возложены на него, Бури Каримова! И этот самозванец еще дал интервью, в котором сказал: «Если мне мой любимый народ доверит возглавить, то я готов это сделать».

Такой наглости свет еще не видывал! Хлестаков рядом с таким персонажем таджикской истории просто отдыхает. И рядом с Бури Каримовым все эти дни был такой же интриган Отахон Латифи, бывший собкор газеты «Правда».

15 февраля на пленуме ЦК Компартии Таджикистана, пенсионерка Э. Байтматова, член ЦК, сказала Бури Бочабековичу Каримову: «Ой, сынок, даже если вам грозит меч, если виноват, признайтесь во всем. Вы хотите сказать, что все сидя-

щие здесь дураки? Мне обидно, что выдвигая вас, потеряли в свое время бдительность твои отцы — руководители... Не догадались, что могут их укусить! А вы, сынок, укусили! Я работала 55 лет, 25 лет без денег, голодала, делала черную работу, врагов, немцев победили, людей приютили, накормили, затем проводили. А вы, сынок, неужели смогли так неблагодарно поступить?! Как вы могли? Это позор для Таджикистана!».

Б.Б. Каримов: Мать, поверьте, моя совесть чиста. Я никакого отношения не имел с толпой, с теми, кто митинговал, кто проливал кровь и бесчинствовал.

Б. М. Краснов — секретарь Душанбинского горкома партии: «Товарищ Каримов, вы приняли активное участие в освобождении задержанных за беспорядки на площади. Когда вы прибыли в штаб, в кабинет Шенцева и попросили освободить задержанных, то у вас был блокнот, там было записано несколько фамилий, вы попросили освободить в первую очередь этих товарищей. Что это были за фамилии, кто вам дал и от чьего имени вы действовали?».

Б.Б. Каримов: «Никакого блокнота не было...».

А. Н. Мартовицкий — генерал-майор, первый заместитель начальника войск Краснознаменного среднеазиатского пограничного округа: «Когда эта акция свершилась, тов. Б. Каримов на крыльях вылетел из этого кабинета и сказал: «Я глава правительства!». Как это понимать? (В зале гул возмущения).

Б.Б. Каримов: «Я отвергаю, это неправда, это ложь. (Расширенный XVIII пленум ЦК Компартии ТАДЖИКИСТАНА, 3 марта 1990 г, Стенографический отчет, «Ирфон», Душанбе (с. 105-106).

Ну, пока Бури Бочабекович интригует на митингах среди шахидонцев, и одновременно в здании ЦК компартии, доставку жителей из окрестных кишлаков на автобусах организует известная таджикская поэтесса Гулрухсор Сафиева, тоже делегат последнего Верховного Совета СССР, мобилизовавшая для этих грязных дел земляков из сельской местности. Откуда взялись деньги у бедной поэтессы на отвоз и привоз в Душанбе в течение многих дней сотен граждан? И почему на тех митингах над головами малограмотных колхозников вздымались лозунги на фарси, который русские почти не знали? Ну, типа, «Твоя квартира, Маша, теперь наша!».

Из справки: «Первый раз я встретила ее на изломе империи, но на пике ее славы: в советском посольстве в Швейцарии. Ее, депутата перестроечного Верховного совета, председателя Фонда культуры Таджикистана, лауреата советских премий, направили стажироваться к Зое Новожиловой, единственной тогда женщине-послу с расчетом направить на дипломатическую работу в одну из азиатских стран. Гуля с детдомовской прямоотой тогда заявила: хочу быть поэтом, а не послом.

Прошло несколько лет, однажды ранним утром раздался ее глухой звонок из Москвы. Только что российские военные вывезли ее из таджикского ада гражданской войны. Пять лет ей помогали выжить в Москве переделкинские поэты, московские друзья. От боли разлуки с семьей и родиной Гулрухсор стала писать стихи на русском. Татьяна Бек, которая много переводила Сафиеву, назвала их «стихи с акцентом». Гуля вернулась домой вместе с миллионом беженцев, хотя она никогда не считала себя таковой...». Ядвига Юферова, «Российская газета, 29 ноября 2006 г.

Переделкинские писатели как-то не уточнили, что одним из активистов гражданской войны в Таджикистане и была эта же Гуля, провокаторша. Она ходила по Душанбе, навесив на себя цепи, мол, видите, мы в Советском Союзе все в цепях

были. И это после поездок в Швейцарию и в Москву! На митингах она призывала ни в коем случае не позволять в Таджикистане строить Рогунскую ГЭС, ибо под зону затопления уйдет ее родной кишлак Яхч.

Рогунская ГЭС (выработка электроэнергии ее была бы 3,6 млн. кв/час), которая должна была, говоря примитивным техническим языком, быть отстойником бегущей с гор грязной воды, чтобы в Нурекскую ГЭС, далее и жителям Душанбе вода поступала чистой.

— Там наши могилы! — кричала Гуля.

В итоге Нурекское водохранилище без предварительной очистки уже заилилось едва ли не на 30-40 процентов, а вода поступает в квартиры коричневого цвета, в ведре оседает на четверть грязи.

Так что поэтесса, возмнив себя — умнее гидрологов, энергетиков и экологов, помогла остановить стройку. Отчего так и хочется воскликнуть, поэт он и впрямь больше, чем поэт, если он придурок. Если ввязался не в свое дело.

Теперь родной кишлак Гули на том же самом месте, где и стоял, но нынче, сколько президент Рахмонов ни призывает десятки стран помочь достроить Рогунскую ГЭС, дураков не находится. Путин вроде бы даже заключил договор на ее совместное строительство, но Президент Таджикистана, решив, что Россия никуда не денется, она у него уже в кармане, стал такие же дела крутить с Китаем и Америкой. В общем, погнавшись одновременно за тремя зайцами, в итоге не поймал ни одного.

Даже Чубайс и Дерипаска крутились в Душанбе вокруг этого объекта, но потом напрочь отказались финансировать его строительство.

Один российский энергетик объяснил мне, отчего же теперь нет охотников ее достроить?

— Вбухивать туда миллиарды, а потом придет к власти какой-нибудь богдыхан и скажет: — Пошли вон, русские, это все мое!

Что и произошло повсеместно в 1991 году. Тогда поэтесса Сафиева в Таджикистане буквально вывернулась наизнанку, чтобы к власти пришли исламисты, открывшие в республике неизбывное количество мечетей, но закрывшие все предприятия, так и не научившиеся жалеть и уважать другие народы.. Если бы переломным поэтам вдруг свалилась бы на шею родня из Таджикистана, которую выжила из Душанбе Гуля, уверена, они к этой поэтессе отнеслись бы иначе.

Но таджикские коммунисты, в отличие от российских, оказались не лыком шиты и не сдались на милость «Растохеза» да прочих под зеленым знаменем. Советская власть в Таджикистане начала защищаться, на что во имя сохранения жизни граждан имела полное право, потому двинула против погромщиков танки.

А Москва? Как отреагировала столица на то, что в Душанбе громят не только предприятия, но и русское население?

В октябре 1991 г. демократ Анатолий Собчак, мечтавший водрузить над Таджикистаном знамя Пророка, бывший начальник будущего президента Путина, воскликнул: «Здесь нет русских, здесь есть коммунисты!».

А коммунисты не могут быть русскими? И коли они не русские, выходит, можно резать? Мнение Собчака, почему-то совпало с мнением Гитлера: с коммунистами позволено поступать, как кому вздумается: можно ворваться в квартиру, грабить, резать, убивать. И как можно было потом этому людоеду из первобытных веков устраивать пышные похороны с присутствием первых государственных лиц страны?

«В Душанбе «демократические силы», устраивали многомесячные сидячие ми-

тинги, — пишет далее в своем письме Петр Чернов на страницах Независимой газеты, — где были и такие лозунги «Русские! Не уезжайте, — нам нужны рабы». (Такие лозунги держали в руках те, кого Гуля привозила на площадь Шахидон из кишлаков — прим. Л.Б.). Все это вместе взятое четко подпадает под определение геноцида. Геноцида русской диаспоры в Таджикистане в 1990-х годах. Поэтому естественно стремление г-на Каримова избежать своей доли ответственности, страх, знаете ли, и естественна эта его статья.

По моему мнению, именно это и есть лицо «таджикской исламодемократии» от «Растохеза», Давлята Усмона, Давлята Худоназарова, Отахона Латифи, Олега Панфилова, Тураджон-зода, etc. Г-н Каримов об этом, естественно, умалчивает. Единственно, что можно утверждать с определенностью, что г-н Каримов ничему за эти 10 лет не научился, хотя времена изменились — те 450 тыс. русских из Таджикистана превратились сейчас в 6-8 миллионов. И сами русские стали разделенным народом.

Заканчивая, хотелось бы пожелать Независимой газете более сбалансированной позиции по чувствительным вопросам» (№ 25 (2087) 11 февраля 2000 г.).

Из справки: Бури Каримов — бывший председатель Госплана Таджикистана, зам. Пред. Совета министров Таджикистана, самый молодой министр. В 1990 г. Каримова обвинили в попытке гос. переворота и завели уголовное дело, но обвинения не подтвердились, потому что и не хотели толком подтвердить. Победители оказались чересчур милостивыми. После бывший министр уехал в Москву и ныне работает председателем Секретариата Совета межгосударственного транспорта СНГ.

В общем, интригану везде хорошо! Он везде устроится. В Москве читает в залах ЦДЛ свои стихи, выпускает книги, приглашает в Россию сбежавших в Америку и Германию поэтов и писателей Таджикистана, пробивает их публикации. Тех, кто организовывал погромы против русского населения в Душанбе. И в залах ЦДЛ охотно их принимают, хотя газету «За СССР», разложенную было там на стульях, сотрудники администрации мгновенно собрали и тут же выбросили в урну.

К концу лета пыль толстым слоем лежит на акациях и тутовниках, но розы около крыльца в сентябрьской Азии еще такие яркие и чистые, что любоваться бы ими без усталости. Но за столом у нас гость, надо бы его угостить, однако угостить нечем. Вдоль стен лежат узлы, шкафы пусты, как и квартира, которую уже покидают навсегда. И никому теперь не интересен стол, за которым когда-то делали уроки, играли свадьбу, встречали праздники, проверяли школьные тетрадки, отчитывали неслухов. Я приехала в родной город, чтобы увезти свою семью из беспокойной уже по тем временам Средней Азии, ибо прокурор города на жалобу матери о том, что соседи что-то начали озоровать, отчеканила ей жестко:

— У вас есть в дочь в Москве. Вы что-то здесь задержались...

В опустевшем доме пиала с чаем все же нашлась.

— Два года назад я и моя семья тоже бежали из Курган-Тюбе, — потягивая теплый «со слонами», как тогда называли индийский чай, сказал мой коллега Абдулла. — Станные бы москвичи, — увидев мою приподнятую бровь, грустно добавил он. — Рвете огромное государство на куски, будто кусок бязи на базаре, колесом катите по чужим спинам, и знать не хотите, каково в это время другим? Москва с ее демократами — какой-то мерзавный город...

— Немного не так... я объясняю москвичам, что нельзя, преступно отдиравать от себя куски государства... Меня же в ответ ехидно спрашивают: «Сколько тебе пла-

тят за то, чтобы ты агитировала за свой дерьмовый СССР?».

Итог этого вселенского непонимания: почти все республики покидают миллионы граждан, многим из которых долгие годы предстоит быть бездомными.

— Ваша мама в Узбекистане лишь жилье теряет, а вот мы в Курган-Тюбе — многих жизней не досчитались, — укоризненно вымолвил коллега и печально добавил: — Что вы в Москве об этом знаете? Только провоцировать умеете... А кто за эти безобразия отвечать будет?..

Абдулла то ли не знал, то ли умолчал, что граждан некоренных национальностей в это время в Ташкенте вытаскивали из вагонов метро и избивали на глазах коренных, которые молча проходили мимо. В той подлой необъявленной битве против обычных и беззащитных прыгали, как блохи, все те, кто видел будущее страны лишь по своему разумению. Когда целая планета должна бы принадлежать лишь одному национальному семени. Но желательно с чужим имуществом.

В осенний полдень, наслаждаясь нежаркой тенью под платанами, по улицам таджикского города Курган-Тюбе гуляли влюбленные. Подростки стрижами носились на велосипедах. Старики около ворот говорили о политике.

Бравый и почти всегда пьяный Ельцин уже выбросил республики из состава единого государства, как глуповатый гауляйтер пролаяв, мол, «берите суверенитета, сколько хотите». Вроде как хватайте плов из общего котла, не думая о других. И хотя почти все высшие партийные бабаи в столицах как будто коллективно перенесли пластическую операцию на мозгах, напрочь избавившись от прежних блоков памяти, народ упорно не верил в перемены. Мол, поиграют бабаи с такой игрушкой, как суверенитеты, и отвяжутся от людей.

Однако бабаи всех республик не унимались. 24 августа 1990 г. был принят закон «О государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики», 8 декабря 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях». В том же 1990 г. объявил о своем суверенитете Узбекистан.

И ретивые из подворотен их услышали. Да еще люди с гор. Когда открыли границы, они стали возить из Афганистана дешевые и никчемные товары, торговать, накопили денег и кинулись в города устанавливать свою власть, выкидывая русскоязычных жителей из квартир налево-направо. С тех пор положение некоренных жителей Таджикистана — зайцу в горах живется легче. Русские — мертвые из царства мертвых. Мелькают какие-то едва видимые тени между помоек. Пенсия у этих теней на уровне семи долларов. На эти деньги уедешь ли? Тем более, что Российское посольство в Таджикистане не дает гражданство пожилым людям. Украина и Белоруссия, не имеющие тут даже своих посольств, тем более подобными гражданами не занимаются. Пожилые украинцы, белорусы, татары, русские — особенно одинокие женщины, — превратились в дичь. Для охотников за квартирами всех национальностей, в том числе, и русских бизнесменов. И даже батюшек.

А, главное, о свободе бессовестности услышали поэты... О, эта исламодемократия — демократия в парандже и на танках, эта коллективная амбициозная кухня (с ударением на последнем слове), как говорится, дорвалась. До автоматов. Вначале словесных. И чего только в те дни не выстреливали они в толпу?

Что советский Таджикистан по решению Москвы, видите ли, вознамерился продавать уран в Афганистан, как картошку. Эта публикация журналиста Мирбобо Миррахимова оказалась ложью, но людей взбудоражила, погнала их в гне-

ве на площадь.

Шахидонцев, главное, чтоб это было против коммунистов, поддержал в те дни даже председатель украинской общины. Правда, потом он стыда бежал из Душанбе. И многие русские, опять же по принципу, чтоб было против коммунистов, поддерживали исламистов, даже деньги давали «сидельцам» на площадях. А когда исламисты начали расстреливать или закруживать людей в погромах, лишь после этого поняли, что собирали деньги на собственные расстрелы.

О, сколько тогда гневных слов было выкрикнуто в микрофон против советской власти!

«Певцом «саморазоблачения» стал поэт Таджикистана — устод Бозор Собир, автор более 10 книг. В марте 1991 г. он был избран народным депутатом Таджикистана, но сложил с себя полномочия в знак протеста против возвращения, видите ли, к власти прежней номенклатуры, получив, между прочим, от этой номенклатуры абсолютно все. Устод на площадях стал вопить стихи против России. После этого митинг, спешно сформировав отряды «гвардии», отправил их на захват парламента.

А прежде, в 1987 г. Собир опубликовал следующие стихи: «Враг, безбожный, стихи Мавлоно у него отобрал. Враг, без стыда торговавший искусством, Искусство Бехзада у него отобрал. Враг, бездомный, дом у него отобрал».

Враг — это значит Россия... Враг безбожный для таджика...

Дань этим грустным «плачам» по прошлому над утратой исторического и культурного величия отдали в то время все крупные поэты и публицисты Таджикистана. Выслушав такой коллективный плач, хочется спросить: что «враг» мог отнять у таджикской нации, если вся территория Таджикистана — горы на 93 процента, далее преобладает полукустарная и травянистая растительность?

«В дореволюционном прошлом территория Таджикистана (Большая Советская энциклопедия», ОГИЗ СССР, 1947 г.) — была самой глухой частью Средней Азии. За исключением сев. части Таджикистана, где по Ферганской долине проходит ж.-д. линия, остальная территория Таджикистана была совершенно лишена дорог, к-рые связывали бы её с внешним миром. В сельском х-ве господствовали феодальные отношения. Большая часть земли (до 80%), скота (до 70%) и источников воды для орошения находилась в руках эмира, баев, духовенства. Закабалённые дехкане в счёт арендной платы и за право пользования водой отдавали половину и более урожая. Огромные массивы земель пустовали из-за отсутствия орошения (напр., ныне орошённая Вахшская долина—основной район длинноволокнистого хлопка—была пустыней). Сельское хозяйство имело преимущественно потребительский характер. Промышленность была ничтожной, в ней было занято всего до 200 рабочих.

В годы трёх сталинских пятилеток в народное х-во Таджикистана было вложено свыше 2,3 млрд. руб. В результате социалистического строительства в Таджикистане создано крупное механизированное сельское хозяйство с высокосортным хлопководством, садоводством, виноградарством и животноводством; построены крупные ирригационные сооружения, создана промышленность, проложены шоссе и железные дороги».

В более позднее советское время «только за 1971-1975 гг. на создание комплекса было израсходовано 500 млн. руб. Вступили в строй три агрегата Нурекской ГЭС, первая очередь Таджикского алюминиевого завода, Хорогская ГЭС, новые мощности Вахшского азотнотукового завода, Анзобский горно-металлургический

комбинат, Адрасманский свинцово-цинковый комбинат, были завершены строительство железной дороги Термез-Курган-Тюбе, протяженность более 200 км., газопровод в Душанбе.

... Таджикистан к концу 70-х годов обладал солидной основой базовых предприятий. В республике непрерывно расширялось капитальное строительство». (Сулхия Кобилова, «мифы о «Застое» и всеобщей нищете», Худжант, 2007 г., с.9)

Так о чем рыдали поэты, если народ в прошлом веками ничего не имел, уж тем более — ни одного сборника стихов в нищей кибитке? Тем не менее, «советские таджики, увидев себя в «афганском зеркале», ужаснулись глубине дегуманизации и варваризации собственной культуры (таджики с высшим образованием — это, видите ли, варваризация? В отличие от афганцев, которые по сей день живут в каменном веке? — прим. Л.Б.). «В 80-х гг. в таджикской культуре появляется новый, весьма тревожный мотив, диссонирующий с концепцией самоидентификации, как «социалистической нации». На основе сравнения «сегодня» и «вчера» зарождалось таджикское «вольнодумство». Оно, вглядываясь в историческое прошлое, все более погружалось в негативистскую саморефлексию, в отрицание «настоящего» («мы и ни то, и ни это, и не третье», «мы потеряли то и это»). (Шариф Шукуров, Рустам Шукуров, Центральная Азия (опыт истории духа (<http://bukharapiter.ru/bukhara/shukurov>)).

Как ни странно, этот фальшивый исламский плач, обращенный в глубину едва различных веков, где у рядового таджика ничего, кроме овцы не было, поддерживала Москва. В столице государства в московских типографиях на деньги Сороса и американского посольства начали выпускать антирусскую газету «Чароги роуз» на фарси и самолетами отправлять ее в Таджикистан. И никто в Комитете по печати не удосужился проверить ее содержание. Что было огромной политической и человеческой подлостью демократов по отношению к русским, проживающим в южных республиках.

В Таджикистан от Ельцина, кроме Собчака, прилетали в гости к исламодемократам академик Е. Велихов и самый худший на планете министр иностранных дел, а вернее, их дел, — Андрей Козырев. И прочие «подборисовики».

Вот смеху... Российский академик на службе у таджикских исламистов... Вместе с ним и активный депутат Травкин, бывший бригадир строительной бригады. Вот будут смеяться потомки, когда узнают, что эти глупые в политике русские мужики делали все, чтобы над таджикским парламентом взвилось зеленое знамя Пророка!

В такой обстановке 24 ноября 1991 г. прошли президентские выборы, на которых исламистам, несмотря на массированную помощь Центрального телевидения из Москвы, несмотря на киношные группы, прилетевшие из России, чтобы всемерно оказать помощь будущей исламской победе, эта победа все же не обломилась. Памирец и кинорежиссер Давлат Худоназаров, которого поддержал (еще один предавший науку) академик А. Сахаров, проиграл с треском. За него отдали голоса только 30 процентов граждан, а за кандидата от компартии Таджикистана Набиева — 60 процентов населения. Хотя исламисты настойчиво требовали у Рахмона Набиевича, чтобы он во время выборов снял свою кандидатуру в пользу Худоназарова.

Оно и верно. Кинорежиссер должен заниматься искусством, а не политикой, на которую не учился ни одного дня. У режиссера бараны непременно должны красиво прыгать по горам. События же, тем более — по заданным параметрам, не всегда предсказуемы.

Из справки: Давлат Худоназаров — родился 13.3.1944 г. в Хороге Горно-Бадахшанской автономной области, (горный таджик), происходит из исмаилистской семьи (горные таджики — преимущественно, исмаилиты). Исмаилизм — одна из 73 ветвей ислама. В 1958 г. начал работать помощником кинооператора, ассистентом кинорежиссера на студии «Таджикфильм». В 1965 г. закончил Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве, работал кинооператором, кинопостановщиком, режиссером-постановщиком художественных фильмов на студии «Таджикфильм»... бывший председатель Союза кинематографистов СССР.

Давлат Худоназаров, бадахшанец, пообещал своим товарищам по Исламской партии, что во время избирательной кампании русские «не только не побегут, но даже, больше того, мы можем превратить русское население Таджикистана в группу, поддерживающую исламский проект. Ислам гарантирует гражданские права «людей писания», а потом только ислам может предотвратить кровавые межнациональные столкновения. Я берусь убедить русское население, что им надо делать ставку именно на наш приход к власти».

Политиком можно назвать лишь того, кто умеет предвидеть, а среди демократов каждый мыслил в границах куриной слепоты.

Жизнь показала: ислам не оказался тем проектом, за которым опрометью побежали русские, и не встали они стеной за религию, к которой не имели никакого отношения. В кино ведь легче, чем в политике. В кино — выдумывай, что хочешь, лишь бы казалось органично, а тут жесткая реальность, за нею стоят трагедии человеческие, а не киношные.

Режиссер Худоназаров ошибся и в другом: религии никогда не объединяли людей, во все века они лишь разделяли, стенкой кидали друг на друга, ибо главный постулат любой религии: расширять сферу только своего влияния, подчинять себе других, непременно ассимилировать чужаков, а иначе жить тому под обидной кличкой «неверного», «гоя» или «инородца».

Режиссер не смог предвидеть и того, что в борьбе за политическую и общежитскую власть именно люди ислама в дальнейшем спровоцируют в Таджикистане самые кровавые на постсоветском пространстве межнациональные столкновения. Мысль Давлата о всеобъемлемости ислама и необходимости его для всех оказалась не более чем мифической рекой из какого-то неведомого эзотерического эпоса.

После своего жестокого политического, военного и человеческого поражения режиссер тоже теперь в Москве, под крылышком бывшего депутата Госдумы, демократа Вячеслава Игрунова.

Но память о Худоназарове в Душанбе осталась. Когда в город приезжают гости, то некоторые жители показывают на дома, огромнейшие чинары и говорят:

— Вот эти дома строил дядя Худоназарова, председатель Душанбинского городского Совета депутатов трудящихся. Эти деревья... Махмадназар организовывал субботники, чтобы их посадить. Видите в стенах домов и на деревьях маленькие выбоины? Это наш режиссер, его племянник, со своей камарильей стрелял... Не в фильмах, а в реальной жизни. И в дома, и в деревья, и... в людей.

Взять власть конституционным путем, как ни подзуживала к этому ельцинская камарилья, исламистам тогда не удалось. Это была звонкая пощечина от таджикского народа, который не хотел, будто караван верблюдов, покорно отправляться под их плеткой в глубину веков. Таджики желали иметь не только молитву, но и дом, семью, работу, хотели видеть детей в школах и институтах. А для этого необ-

ходимы промышленность и энергетика современного образца. Отапливаться саксаулом? Возвращаться к кетменю? Трусить по горам на ишачке? Привлекательно-сти в такой перспективе народ не увидел.

Поэты, писатели, муллы, преподаватели от этого, непредвиденного, с их точки зрения, выбора просто взбесились. Они с лучшими намерениями хотели, видите ли, связать свой народ с прошлым величием иранской культуры, но люди отчего-то предпочли глупое, оторванное от саксаульских корней, настоящее. А оно, это настоящее, еще почти советское. Как такое можно позволить? И тогда религиозные фанатики, ишаны, поэтессы, мелкие торговцы, неграмотные дехкане вновь устроили в Таджикистане бойню: в республике опять начались митинги, лозунги на которых были весьма агрессивными: «убийцы из КГБ, вон из Таджикистана», «оккупанты из СНГ, не вмешивайтесь во внутренние дела суверенного государства!», «Да здравствует исламская вера!». А далее...грабежи, убийства, захват в заложники депутатов, про которых поэт Собир изрек, что «с ними нельзя по-хорошему, с ними надо по-плохому». И держали депутатов до тех пор, пока не были приняты условия толпы.

Руководство Комитета КНБ Таджикистана хотело было арестовать распоясавшихся исламистов, но президент Набиев отчего-то не позволил. Необходимость быть толерантным, видите ли, помешала. Но из-за этой толерантности, а фактически политического безволия, чуть позднее головы на плаху положили его же соратники.

Почувствовав свою безнаказанность, разъяренные оппозиционеры носились по поселкам и городам на машинах и на ходу расстреливали всех, кого только видели на улицах. Но чтоб мир не узнал об этом и не только об этом, руководитель Государственного Комитета по телевидению и радиовещанию от исламо-демократов Мирбобо Миррахимов распорядился отключить трансляции программы телевидения на Узбекистан и Россию. Якобы из-за того, что телеканалы дают необъективную информацию. То есть, испугавшись: вдруг прорвется правда о том, что происходит в республике, как заливают кровью улицы те, кого поддерживает ельцинская власть. Короче, не успели придти к власти, как тут же ввели цензуру.

А «на новых митингах выступающие говорили о необходимости отставки президента Набиева и крайней необходимости создания исламского государства «Народный генерал» Эшони Киёмидин, выступая перед микрофоном, спрашивал у митингующих: — «Вы хотите Коран?».

Митингующие в ответ:

— «Да!».

— «Вы хотите ислам!».

— «Да!»

— «Вы хотите исламскую республику?».

— «Да!»...

...Согласно данным, опубликованных в газете «Чароги руз», за три дня (с 5 мая) на территории г. Душанбе и его окрестностей убиты 108 человек, ранены 233 человек, пропали без вести 104 человека.

9 мая. Президент Республики Таджикистан Р. Набиев издал Указ «О формировании Правительства национального примирения РТ». Премьер-министру РТ А. Мирзоеву поручено в недельный срок в установленном порядке сформировать Правительство национального примирения и представить соответствующие предложения на рассмотрение Президента и Верховного Совета РТ.

Несмотря на подписанный Протокол соглашения, митинг на площади «Шахи-

дон» продолжался.

10 мая. Во избежание провокаций под усиленную охрану были взяты здания Комитета национальной безопасности и МВД республики.

...Большая группа из числа митингующих на площади «Шахидон» во главе с «народным генералом» Кори Мухаммаджоном направилась к зданию Комитета национальной безопасности республики. Люди требовали встречи с Президентом (До этого были распространены слухи о том, что якобы Президент скрывается в здании КНБ). Как писали газеты в то время, «у некоторых из них в руках можно было увидеть ружья, дубины... В колонне рулил БТР, из бойниц которого на подступах к охраняемому кварталу, метрах в ста пятидесяти рядом со строящимся зданием (на улице Дзержинского) по ним был открыт огонь. В результате 9 человек погибли, 24 получили ранения, 2 БТРа вышли из строя» («Республика Таджикистан. История независимости. Год 1992-ой. Хроника событий. Том II., Душанбе, 2005 г., с 160-161).

Россия в это время дала твердую установку своим военным службам ни во что не вмешиваться. Но командир 201-ой Мотострелковой дивизии полковник В. Заболотный мужественно наплевал на эту бесчеловечную команду, приказал перекрыть улицу, взять под защиту дома, здание КНБ, и открыть огонь. Хотелось бы знать, где были в этот момент известные поэты Гуля Сафиева, Бозор Собиров, кинорежиссер Давлат Худоназаров? Не с этой ли агрессивной исламской толпой шалили они к домам, в которых жили семьи русских военных?

«Командир 201 дивизии, начальник Душанбинского гарнизона полковник В. Заболотный отдал приказ бронегруппе из пяти танков, трёх БМП и одного БТР прикрывать подступы к зданию КНБ, дому, в котором живут семьи сотрудников Комитета, и перекрыть улицу, ведущую к военному городку. В бой приказано было не вступать.

Появление танков сразу же охладило пыл жаждущих встречи с Президентом Республики Таджикистан, и бой прекратился. Митингующие отступили. С улицы уносили убитых, раненых, одна за другой приезжали машины «скорой помощи». Толпа хлынула к площади «Шахидон», там с новой силой возобновился митинг, на котором уже гневно осуждались убийцы из КНБ и оккупанты из СНГ, которые под командованием В. Заболотного вмешались во внутренние дела суверенного государства.

Позже президент Р. Набиев в своем докладе на XV сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в августе 1992 г. об этом инциденте рассказал так: «10 мая, когда вооруженные группы оппозиции хотели силой захватить здание Комитета национальной безопасности и тем самым свергнуть правительство и объявить народу о создании революционного совета, мы не разрешили находившимся там офицерам открывать огонь». (**«Народная газета», 14 августа 1992 года.**)

В общем, на погромы, организовываемые исламистами, военные не имели права отвечать разгромами. Даже если они обязаны были по долгу личной чести защитить собственных жен и детей. Много ли можно было сделать в ситуации, когда еще один президент заболел синдромом горбачевщины?

Обстановка в городе и республике накалилась до предела. Телевидение, находившееся в руках оппозиции и объявившее себя Народным телевидением Таджикистана, раз за разом показывало жертвы недавнего боя, клеймило позором убийц из Комитета национальной безопасности, уверяя телезрителей, что огонь был открыт по исключительно мирным и абсолютно безоружным людям.

Инцидент, умело и своевременно спровоцированный, дал явный политический эффект. Митингующие на площади «Шахидон» сплотились теснее, забыв на время о разногласиях. Общее скандирование «Да здравствует исламская вера!» звучало все чаще, громче и уверенней. Президент страны Р. Набиев и его редущая день ото дня команда, видя, что

их никто не защитит, на очередных переговорах уступали новым требованиям лидеров исламской оппозиции.

Председатель Демократической Партии Таджикистана Шодмон Юсуф на вопросы журналистов по поводу событий около здания Комитета Национальной Безопасности ответил так: лидеры исламской оппозиции не исключает обращения за помощью к Афганистану и Ирану в случае, если войска СНГ и дальше будут вмешиваться во внутренние дела республики. Одновременно Юсуф предупредил, что русскоязычное население Душанбе отныне становится их заложником.

Слова Председателя Демократической партии Таджикистана вечером того же дня были переданы по Республиканскому телевидению. («Республика Таджикистан. История независимости. Год 1992-ой. Хроника событий». Том II.. Душанбе, 2005 г. с 160-161).

Ничего себе демократ, который должен, по Ельцину, переживать даже за слезу ребенка, а тут, не моргнув глазом, объявил заложниками тысячи людей!

Шодмон Юсуф — из многодетной семьи. В школе мальчик неважно учился, да еще не любил в распутицу выходить на улицу. Но был все же любознательным, шустрым и учителям очень хотелось ему помочь. Александра Егоровна Межова, русская учительница начальных классов в той национальной школе, где учился Шодмон, приходила к нему домой, сама одевала ребенка, брала его за руку и вела в школу. И вот Александру Егоровну, которая так много сделала для маленького Шодмона, лидер Демократической партии Таджикистана собрался нынче брать в плен, в заложники? Хочется повторить старый вопрос: совесть у этого мужика была, когда он такое произносил? Как же Аллах позволил не отсохнуть его языку?

После выступления Юсуфа по телевидению отток русскоязычного населения резко увеличился. В Душанбинском аэропорту в это время израильские «Боинги» срочно вывозили еврейские семьи даже вместе с их русскими мужьями или русскими женами и прямо в аэропорту Тель-Авива ставили им в паспорта печать о выдаче израильского гражданства. Российское же посольство и посольства других республик бывшего СССР ничего не сделали, чтобы помочь своим же гражданам, попавшим в облаву к мусульманским фанатикам.

Владимир Тимофеевич Высоцкий, 1939 года рождения, русский, родился во Владивостоке, после окончания Военной Академии в Москве получил распределение в Туркестанский военный округ с местом дислокации в Душанбе. Не придавая значения национальности, как это делали в то время миллионы советских людей, еще во Владивостоке женился на еврейке, родилась дочка. В 1986 году майор ВДВ Высоцкий был уволен из полка по возрасту на пенсию.

Но вот наступило страшное время: большой Родины — СССР — уже нет, а в Таджикистане нельзя выйти на улицу ни русскому, ни еврею. Единственным спасением тогда казался самолет, который мог срочно, в одночасье унести его семью подальше от погромов на другой конец света. Владимиру в Тель-Авиве поставили штамп, что отныне он — гражданин Израиля. Вскоре дали пенсию, нашлось жилье. Жизнь как-то обустроилась. Но плохо бывшему советскому майору ВДВ от мысли, что он, русский человек, столько лет отслуживший в Советской армии, теперь своей Родиной насмерть забыт и получает пенсию от другого государства.

Владимир Тимофеевич через посольство России начал хлопотать о том, чтобы за верную многолетнюю службу своему Отечеству получать пенсию от родного государства. Но из посольства ему ответили, мол, уважаемый гражданин, возвращайтесь в Россию, проживите в ней 10 лет, тогда и получите российское гражданство. Потом будете добиваться российской пенсии. Вернуть квартиру, которую вы вынуждены были оставить в Таджикистане, не можем. Вы прилетели в Из-

раиль уже как гражданин... Таджикистана.

Круг замкнулся. Владивостока, Москвы и Родины вроде никогда и не было. Как тут не подумаешь, что все, что сотворили в нашей стране демократы, сравнимо с чингизхановщиной, с погромами, которые устраивали на земле малограмотные тупые вояки из монгольских улусов.

Председатель демократической партии Ш. Юсуф и заместитель председателя Партии исламского возрождения Д. Усмон заявили журналистам также и о том, что военное имущество гарнизона должно быть национализировано для создания армии, которой уже и выбрали новое название: «Народная армия Таджикистана». Дальнейшее пребывание войск СНГ на территории республики, с точки зрения исламистов, было нецелесообразным, как дестабилизирующий фактор.

Но Координационный совет национальных объединений (общин) Республики Таджикистан выступил с другим заявлением:

«Координационный совет национальных объединений (общин) выражает серьезную тревогу по поводу трагических событий в г. Душанбе, приведших к гибели людей. К еще более трагическим последствиям может привести заявление одного из лидеров оппозиции, председателя Демпартии Шодмона Юсуфа на конференции 10 мая 1992 года. Заявление Ш. Юсуфова является продолжением политики оппозиции по приданию кризису в республике международного характера. В связи с чем, очевидно, и было сделано обращение лидеров оппозиции к руководству Афганистана за помощью в ответ на предложение помощи министром обороны Афганистана А. Ш. Масудом.

... При таком развитии событий, и других возможных акций войск СНГ по защите своего военного имущества, лидеры оппозиции возлагают ответственность за эти акции на нетаджикское население, объявив его заложником безвластия.

Однако оппозиции должно быть известно, что личный состав войск СНГ на нашей территории образован в основном из представителей народов Средней Азии, в том числе, и таджиков, что делает безосновательным заявление Юсуфа об ответственности русскоязычного населения за действия войск СНГ.

В качестве гарантии безопасности национальных меньшинств считаем необходимым лидерам оппозиции официально осудить заявление Ш. Юсуфова, как влекущее обострение межнациональных отношений». («Республика Таджикистан. История независимости. Год 1992-ой. Хроника событий». Том II. Душанбе, 2005 г. с 160-161).

В конце 1992 года на XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан Набиев объяснит, почему он вдруг низложил с себя обязанности:

«Когда меня избрали Председателем Верховного Совета, всего 2 человека голосовали против. Но когда все вышли из зала заседаний и объединились с митингующими, не 2, а в несколько раз больше депутатов требовали моей отставки. Значит, в зале было много двуличных людей.

...Буквально через день 40 человек зашли в мой рабочий кабинет и потребовали моей отставки.

«Президиум Верховного Совета, правительство, которое назначает президент, выразило недоверие президенту. Каждого из них вызвали на правительственную дачу и под дулом автоматов вынуждали поставить свою подпись под документом, в котором выражается недоверие президенту и требуется его отставка. Под этим документом, который был опубликован в газете, подписались 40-42 члена Президиума Верховного Совета и Кабинета Министров.

...Я еще раз просил выяснить, кто передал это письмо, и могут ли встретиться со мной эти десять тысяч сторонников «молодежи города Душанбе». Позже часть

из этих 10 тысяч из мечети поселка «Южный» на КраЗе во главе с мулло Гаффаром и представители общества «Лаъли Бадахшан» категорически требовали, чтобы я подал в отставку, иначе они взорвут аэропорт, в том числе, и депутатский зал, и в живых никого не останется. А в депутатском зале находилось около 150 человек, в том числе гости и представители прессы. Мы беседовали долго, может быть, два с половиной часа. Товарищи из числа членов Президиума Верховного Совета, которые находились там, просили, чтобы я ушел в отставку. А товарищи из Кабинета Министров, которые тоже были там, через кого-то передали мне записку: «Рахмон Набиевич, подайте в отставку». Я спросил: «Что же тогда будет?». Ответили, что будет все спокойно. «Завтра прекратятся перестрелки, больше не будет братоубийства». Поэтому я написал заявление. Но что произошло дальше. Даже в Душанбе осложнилась обстановка».

В общем, Рахмон Набиев в 1992 году повторил ошибку Николая II, и ничем не помог наступлению мира. Распри, как и после ухода с исторической сцены Николай II, вспыхнули с новой силой.

Оппозиция в это время захватывала аэропорт, телевидение, ж/д. вокзал и другие стратегические объекты. После такого размаха волнений исламского направления . 13 мая 1992 г. власть перешла в руки к Коалиционному правительству, в котором, наконец-то стали управлять якобы все, но фактически — заправлять исламисты. В такой ситуации хорошо на кухне спорить друг с другом, но двигаться вперед в вопросе примирения ненавидящих друг друга сторон? Едва ли... Потому коммунисты из коалиции вышли. Начался окончательный захват власти исламистами.

Русские массово побежали из Таджикистана. А сытой Москве плевать было на их беды. Россия ничего для беженцев не делала.

Вот как об этом пишет уже упоминаемый нами автор Михаил Бурлаков в своей статье «КТО В РОССИИ «ВНЕСИСТЕМНЫЙ»? о подобных же событиях, однако в другом регионе страны.

«И лозунг этот — убивайте русских — был подхвачен во всех национальных республиках бывшего Советского Союза. Русских убивали, грабили, выгоняли из своих домов и квартир. А в Москве делали вид, что не замечают этнические чистки и террор “молодых демократий” в бывших братских республиках. Их лидеры встречались на саммитах СНГ, обнимались по старой советской традиции и вели умные разговоры об экономической интеграции — как бы половчее разделить между собой наследство советской империи. И ни разу на этих встречах на “высшем уровне” не вспоминали о тех, кого убили, ограбили или выгнали из собственного дома.

Да что там: на “высшем уровне” Федеральная миграционная служба, в обязанности которой входило выяснение обстоятельств выезда бывших граждан СССР из “независимых республик” и предоставление статуса беженцев, требовала от русских, приезжавших в Россию, справку, подтверждающую факты насилия, ущемления прав и угрозу жизни. Причём справку эту должны были выдать выезжающему власти той республики, откуда этот человек выезжал — верх цинизма и бюрократической наглости! А для русских, бегущих из бывших автономий, вообще не предусматривался статус беженца, его заменили некоторым суррогатом под названием “вынужденных переселенцев”. Но и этот суррогатный статус получала лишь малая часть русских, покидавших Чеченскую Республику, а беженцы из Ингушетии, Дагестана, Карачаево-Черкесии, других “национальных” республик вообще не получали никакого статуса и никакой поддержки от государства. А между

тем, потоки беженцев (той или иной интенсивности) были практически из всех республик Северного Кавказа».

Беженцев в России вместо помощи, напротив, «опускали», чтобы люди не объединились и не дали бы вдруг по морде московским исламо-сторонникам, которые уже сидели в Думе и в правительстве. Травкин, Велихов, Козырев, Собчак и прочие московские помощники исламистов свободно передвигались по городам и весям Таджикистана. И русские люди в Душанбе, а вместе с ними и таджикские коммунисты поняли, что за ними уже нет Москвы, защитить их некому, и начали спешно объединяться в поистине Народный фронт.

Но их противники тоже не дремали. В Курган-Тюбе 14 сентября 1992 г. из-за проблемы с информационным голодом исламисты создали комиссию Верховного Совета и Кабинета министров, решив издавать в Курган-Тюбе газету одновременно на таджикском, русском и узбекском языках. Поручили возглавить это дело бывшему председателю Союза журналистов Таджикистана Отахону Латифи и местному журналисту Нурхан Ниязову.

Журналистам из всех курган-тюбинских изданий — газетных и журнальных, как на таджикском языке, так и на русском, в сентябре неожиданно объявили, что в три часа дня будет собрание. Явка обязательна. Отахон Латифи.

Из справки: Латифи родился 18 марта 1936 в г. Пенджикенте Ленинабадской области Таджикской ССР. В 1956 — 1958 гг. — колхозник. 1958-1963 гг. — студент Ленинградского университета. 1963-1964 гг. — младший редактор издательства «Ирфон» Госкомиздата Таджикской ССР, литсотрудник газеты «Комсомолец Таджикистана», собкор г-ты «Комсомольская правда» и г-ты «Правда» в Таджикистане. С 1989 по 1991 г. — зам. председателя Совета Министров Таджикистана («Лабиринт») © 1993-2007 E-mail: market@labyrinth.ru).

— В тот день я хотел заняться ремонтом, — рассказывает мне Абдулла, вспоминая свою жизнь в Таджикистане два года назад.

Мы сидим с ним под крошечным виноградником, с которым завтра моя семья расстанется навсегда. Русский язык в Узбекистане перестали признавать, а главное, эти страшные звонки по ночам одинокому человеку, мол, если не уедешь отсюда, найдешь тут два метра земли. Андижанцы русского происхождения в те дни жаловались, что продать квартиру было невозможно, всех возможных покупателей блокировали соседи, говоря, что квартира уже продана. Либо, что хозяин уехал. А потом вынуждали их продать жилье за бесценок.

Через несколько лет я узнаю, что такие же события синхронно происходили и в других местах.

«По данным Всесоюзной переписи 1989 г., на территории нынешней Ингушетии проживало 25 тысяч русских. Из них с января 1989 года по июнь 1992 года из Ингушетии выехало 8 — 10 тысяч русских. Выезд их был вызван нестабильностью обстановки и имевшими место конфликтами на межнациональной основе (например, в ст. Троицкая в 29.04.91 г.)

Тенденция оттока русского и русскоязычного населения из Республики Ингушетия сохранялась в течение 1995 года, наблюдается она и по сей день. По официальным сведениям, на 1 мая 1996 года в Республике Ингушетия проживают 7,5 тысяч человек русскоязычного населения из 25 тысяч человек, проживавших в 1989 году. Причём мигрируют трудоспособные категории населения. Так, в настоящее время во всех школах республики работают менее 100 русских преподавателей (при том, что до 1991 года их было больше половины); в школах стани-

цы Орждоникидзеvская обучается только два русских ученика, в станице Троицкая — ни одного...

В станице Вознесенской Малгобекского района из 4256 русских, проживавших в 1991 г., в настоящее время осталось только 16 семей. Возраст оставшихся членов этих семей составляет от 56 лет и старше, остальные вынужденно покинули станицу...

В республике действует негласное правило: ингуши более 5 – 6 млн. рублей (в неденоминированных рублях) не дают за дом русской семьи в случае его продажи. Это затрудняет и даже делает невозможным переезд продающего домовладения на новое место жительства.

В конце 1995 г. одна из русских семей в связи с предстоящим выездом решила продать приватизированную двухкомнатную квартиру, дачу и огородный участок в г. Малгобеке. За всё это ей было предложено 2 млн. руб.

Только после подключения к делу авторитетных старейшин-ингушей из г. Назрани удалось получить 6 млн. руб. Причём имущество и деньги вывозились из Малгобека ночью, тайно, в несколько приёмов, так как велика была вероятность ограбления в пути своими бывшими соседями.

В ст. Троицкой распространена практика, когда домовладения и приусадебные участки выезжающих русских домовладельцев понуждают передавать новым владельцам ингушской национальности по распискам и без соответствующего нотариального оформления.... В этом и других населённых пунктах отмечены случаи “продажи” недвижимости под угрозой применения насилия за 200 тыс. — 1 млн. рублей. Тем, кто не соглашается на такую сделку, следуют угрозы, и их могут ожидать самые непредсказуемые последствия, в том числе, опасные для их жизни и здоровья. (Михаил Бурлаков, «КТО В РОССИИ «ВНЕСИСТЕМНЫЙ»?)

Когда Отахон Латифи решил провести среди журналистов совместное собрание, Абдулла в тот день хотел подкрасить трубы на кухне, пошел в сарайчик, открыл початую банку краски и застыл. На голубом фоне ее покоились два скелета: мамы-ящери, а бок о бок с нею — малыша. По разбросанным лапкам видно было, что эти два беззащитных существа долго пытались выбраться из лаковой топи, но это им не удалось. Так и склонили они рядом свои чудные изящные головки в вечном покое.

Абдулла закрыл банку, с испорченным настроением ушел в редакцию.

— Поздравляю вас с приходом демократии на нашу землю, — негромко произнес Латифи и продолжил: — Теперь вы можете безбоязненно исповедывать ислам и исполнять наши обряды.

— На работу ходить в парандже? — насмешливо спросила зав. отделом писем из газеты «Навиди Вахш» Шарифамох Кишварова. — Молиться будем и во время планерки?

Отахон поморщился, вальяжно поправил манжеты:

— Не преувеличивайте, Шарифамох. Но вера есть вера. Что сказал наш великий предок Тимур в своем знаменитом Уложении?

Уложение это в редакции почти все знали наизусть: «Я основал свою власть на исламе, законе «превосходнейшего из тварей», на любви к его потомкам и сподвижникам и на почитании, которое должно воздавать имени пророка. Мои приказания и правила имели такую силу, что я не имел себе соперника в управлении. Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который

заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе.. Можно также сравнить его и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни ограды, в который может проникнуть самый презренный человек».

Шарифамох тут же с места выкрикнула:

— С Пророком не спорю. Но с Тимуром, хоть он далекий и очень уважаемый предок, поспорить могу. Зачем Тимур завоевал 27 стран, сколько людей он при этом погубил, сколько матерей пролили слезы, глядя на гибель своих сыновей? Почему Тимуру такое позволил Аллах? Власть, не опирающаяся на гуманность, просуществует ли долго?

Мулла, сидевший рядом с Отахомом, приподнялся с кресла и недовольно покачал головой:

— Женщина, тебе бы помолчать...

— И зарплату уже не получать женщине? — возмущенно выкрикнула еще одна сотрудница.

— Но к исламу вернуться придется всем... — уточнил мулла, поигрывая автоматом.

— Только желающим... — возразили ему сотрудники редакции.

— Национальная и религиозная замкнутость — не выход, — поддержал коллег зав. сельхоз. отделом Олимджон Ёрасенов, шагнувший в журналистику из школьных учителей.

— Почему замкнутость? — удивился Латифи. — У нас открыта дорога на Багдад. С Турцией будем объединяться, со всем мусульманским миром.

— Но зато будут закрыты московские консерватории, ленинградские и московские институты. Вы, Латифи, учились в Ленинграде, почему сейчас предаете этот город и великую советскую культуру в вопросах образования, в вопросах организации общественной жизни, которую создавали миллионы людей?

Ни одна из планерок не была в редакции такой бурной.

— Женщина, ты забыла, как оскорбительно русские отозвались о Средней Азии, мол, это «подбрюшье России! — возмутился мулла и вышел из-за стола. — После такой презрительной клички оставаться в составе одного государства?..

— Это не русские сказали, — поправила гостя Шарифамох. — Это мнение привез в страну из-за границы очень скверный человек, почему-то лично заинтересованный в распаде страны. Я ни одному слову его не верю.

Известный журналист Латифи удивился:

— Писатель Солженицын, написавший десятки книг, знамя русской демократии, скверный человек? Как можно утверждать такое?

— Писатели тоже бывают скверными людьми. И вралями бывают. Когда-то аксакал Солженицын сказал, что у него страшное заболевание — рак. Шестьдесят лет прошло, сколько людей с этим заболеванием ушло на тот свет, почему Солженицын не напишет, куда подевался его рак? Либо это великое достижение советской медицины, либо аксакал соврал, что он тяжело болен. Но признать успех советской медицины ему не хочется, и это честный человек?

Спор становился слишком горячим. Мулла тоже не уступал.

— Но писатель правильно говорил, что мы жили в варварской стране.

На муллу тут же посыпались вопросы:

— Когда все мы имели работу — это варварство?

— Все дети ходили в школу — тоже варварство?

— Не было голодных и бездомных... Двигаться в сторону феодализма — это прогресс? Отбросьте свою фанатерию и прямо ответьте: для этого много ума

надо?

— Объясните, господин мулла, — опять вступила в спор Шарифамох, — как отвечать на сотни вопросов, которые задают люди в этих письмах?

Зав. отделом писем гневно спросила, почему выгоняют с работы русских людей, потом приезжают к ним домой, просят сделать, к примеру, балансовый отчет? За деньги, конечно. Но очень уже небольшие.

Знала ли правдивая Шарифамох о том, что подобное происходило и в других регионах страны?

Бывший депутат Госдумы Михаил Бурлаков в своей статье «КТО В РОССИИ «ВНЕСИСТЕМНЫЙ»? в эти же годы констатировал: «Вынужденный отток русского населения происходит и из республики Северная Осетия-Алания (вопреки распространённому мнению, что уж в «православной Осетии с положением русских всё в порядке). Из информации сотрудников Временной администрации зоны Осетино-ингушского конфликта:

«... Общие проблемы русского и русскоязычного населения характерны и для республики Северная Осетия-Алания. Здесь на официальном уровне звучат традиционные здравницы в честь многонационального народа Осетии, и дело обстоит, на первый взгляд, таким образом, что вроде бы в республике царят мир и межнациональное благополучие. Однако на практике это далеко не так. Русское население республики стало чувствовать себя очень неуютно на бытовом уровне, испытывает затруднение в вопросах трудоустройства, продвижения по работе, при устройстве детей на учёбу. Если ещё 3 – 4 года назад имело место примерно паритетное представительство во всех сферах жизни республики, то сейчас это становится редким исключением....

Например, в 1996 г. из числа поступивших в Северо-Осетинский госуниверситет, осетины составляют 76%, русские — 16%»...

Шарифамо, журналист из небольшой газеты, не ведала, что происходит во всей стране, но в том регионе, где она жила, журналистка знала проблемы людей и защищала всех, потому вопросов мулле задавала очень много:

— Почему верующие активно занимаются безбожными делами, почему муллы в мечетях настраивают своих прихожан против некоренных?

Этих строгих житейских «почему» было великое множество. Почему в больницах укол не сделают, пока больной не заплатит медсестре? Почему зарплата, в среднем по республике 280 рублей, антибиотики стоят также? Почему пограничники берут взятки и пропускают моджахедов из Афганистана, отчего в республике оружия столько, сколько на поле хлопковых коробочек?

Шарифамо напомнила эпизод, когда моджахеды пробирались мимо пограничного поста, а в ответ ни одного выстрела со стороны заставы. Значит, солдаты армии превратились в наемников, которые воюют не за совесть, а за деньги? Вспомнилось также, что шестьдесят человек недавно мыли золото в горах. Пришли афганские моджахеды и всех вырезали. Около драги найдено 60 трупов. Для моджахедов, значит, границ не существует?

— Как теперь живут люди, вы, господин мулла, знаете?

Тот недовольно кивнул головой, и вопросы опять сыпались со всех сторон.

Чтобы выжить, художник нынче продает свои краски, врач продают свои инструменты, парикмахеру не с кем работать, у людей нет денег на стрижку. Старый актер забегает в магазинчики, чтобы художественным свистом перед покупателями заработать себе на хлеб. Почему так скверно теперь живут люди? Ежели какой-либо торгаш облюбовал чужую квартиру, в которой живет человек иной националь-

ности, он начинает его шантажировать. Почему обиженный гражданин не может найти защиту? Кому выгодны национализм и безработица? Чем торгуют простые люди? Мата на траве лежит, оправа для очков, старые шприцы, медицинская вата, заработаешь ли на этом? За посылку, которую надо выслать за пределы республики, требуют доллары. Где их взять?

— Не хочу я, чтоб мои дети торговали на улицах сардельками из чердачных котлов! — выговаривала женщина новым устроителям жизни. — Или бижутерией с Соломоновых островов. Не хочу, чтобы наши дети радовались бы даже четвертушке банана!

Латифи поднял руку, прервал бесконечные претензии коллег.

— Да, жизнь надо налаживать! — сказал он строго. — Но есть нынче одно преимущество: мы теперь свободные люди!

— Верно, наш хлеб густо намазан «мустакиликком», то есть, свободой, — возразила Кишварова, — но сытости такой бутерброд не приносит. Почему пустые бутылки люди собирают теперь даже в других кишлаках? Почему везде самоуправство? Многие нынче вспоминают, как хорошо мы раньше жили, как при коммунизме, только не знали, что это был коммунизм.

— Насчет коммунизма... — поморщился мулла и распорядился: — Людям вы обязаны говорить, что раньше мы жили в цепях и это была разбойничья страна!..

— В разбойничьей, с вашей точки зрения, стране мы последней лепешкой делились, а сейчас все как волки друг другу, и вы, господин мулла, стоите перед нами с автоматом в руках. Зачем служителю Аллаха оружие?

Это был вопрос от Абдуллы, но ответ на него дала бойкая Шарифамох:

— У нас хорошо живет только тот, у кого автомат! Разве не знаете, что хозяин автомата идет с ним на рынок и берет бесплатно все, что хочет.

— Скоро будем въезжать на рынок на танке! — поддакнул ей Олимджон и дал свою информацию: — Если у нас в доме кто-то живет и не уехал в Россию, значит, этот человек вооружен до зубов и никого не боится!

— Почему всех заставляют ходить в мечеть, куда надо непременно нести подарки? — задала еще один вопрос Шарифамох, чем вызвала страшный гнев муллы: — Почему запугивают стариков, — добавила она: — мол, если в мечеть ходить не будете, мулла потом не позволит этого человека похоронить. Если кто-то и дальше посмеет не ходить в мечеть, то верующие, выкопают покойника из могилы и выбросят труп? Кому нужна такая свобода? Что мне отвечать на письма, которые приходят в редакцию? Почему везде закрыты заводы, где работать нашим мужчинам и женщинам? Если людям живется хуже и хуже, значит, это — бег против нормальной жизни!

И последний вопрос, очень даже неприятный для исламистов, о чем они никогда не говорили вслух, но тайком всегда в стенах мечети проводили свои намерения в жизнь:

— По какому праву вы, муллы, отправляете молодых людей, почти мальчишек, — выкрикнула громко Шарифамо, потому что не раз и не два писала об этой проблеме в своих статьях, — с рюкзаком за плечом в Афганистан? Ребята должны с глазех пограничников переплыть Пяндж, постараться увернуться от выстрелов с нашей стороны, собрать в Афганистане патроны, гранаты, оружие. Потом вернуться и эти гранаты отдать в мечеть? Война — дело ли школьных мальчишек? Почему этим занимается мулло Абдулла? Зачем он подвергает опасности жизнь детей? Сколько с ним еще бороться? К чему мулле оружие? Вы не боитесь, что вас за это накажет Аллах?

Это была последняя фраза, которую услышали сотрудники редакции от заведующей отделом писем Шарифамо Кишваровой. Раздался телефонный звонок. Абдулла выслушал сообщение и побледнел:

— Погром, в городе резня, — взволнованно проговорил он. — Какие-то... с автоматами... ходят по квартирам и вырезают людей.

— Успокойтесь! — поднял руку Латифи и приказал: — Работаем дальше. Это провокация, ложь...

Мулла ухмыльнулся, что-то довольно пробормотал себе под нос, но сотрудники газеты не слушали никого и кинулись к двери. Их остановил Латифи:

— Сдайте, пожалуйста, партбилеты!

Мысли о доме, живы ли в эту минуту дети и родители, так взволновали людей, что они спешно, трясущимися руками вынимали билеты и бросали их, лишь бы вырваться из этой ловушки и добраться до семьи!

Шарифамох, Абдулла и Олимджон гордо и неспешно прошествовали мимо грозных и неприятных гостей. Никто из них своего партбилета перед Латифи не выложил.

Из справки: Шарифамо Кишвардухт родилась 22 июня 1951 г. в поселке Ломоносов г. Курган-Тюбе. После окончания школы в 1968 г. поступила на отделение журналистики факультета таджикской филологии Таджикского государственного университета, с 1973 г. работала в газете «Навиди Вахш». Была делегатом предпоследнего съезда Союза журналистов СССР.

В газете «Джумхурият», 2–3 февраля 1993 г. был опубликован маленький рассказ о Шарифамох: «...Кто не знал известную журналистку Шарифамо Кишвардухт (Кишварову)? Да, ее знали все. Она была единственной женщиной в Вахшской долине, которая после окончания университета выбрала работу в газете и до последней минуты жизни сохранила любовь к этому делу. Помню, кто-то из коллег опубликовал в журнале «Журналист» под рубрикой «Выбор» статью, в которой был и такой эпизод: «Муж сказал Шарифамо: выбирай — или я, или работа!» Шарифамо на минуту задумалась. Погладив головку сына, спокойно ответила: «Если можешь, не покидай нас. Но я не могу представить свою жизнь без газеты...». ...В ее рабочем кабинете всегда было многолюдно — приходили коллеги, друзья, посетители. Многие письма она брала с собой, чтобы ночью работать над ними, а утром сдать машинистке. Такой стиль работы стал для нее привычным за долгие годы работы сначала в городской газете «Коммунисти Кургантеппа», а позже в областной «Хакикати Кургантеппа».

...И эта женщина наряду с другими садилась в автобусы и ездила в Пянджский, Шаартузский, Кабадианский, Джиликульский, Колхозабадский, Вахшский, Хуррамшахрский, Гозималикский районы для проверки очередного «тревожного сигнала»...

На улице Абдулла схватил за руку Шарифамо и попросил:

— Не иди домой! Они сейчас за тобой придут. Ты же с муллой боролась! Позволи откуда-нибудь своим, пусть убегают. А ты немедленно спрячься.

— У меня сын дома один. Не могу. Ты же знаешь, что я недавно уже потеряла одного ребенка.

Шарифамо махнула коллеге рукой, смахнула слезу и... побежала. В поселок Ломоносов, где родилась, училась, любила, рожала детей... И где в ту минуту шла свирепая расправа с жителями поселка. С русскими, узбеками, цыганами, армянами... Где шла элементарная зачистка населения, чтобы никто на этой земле не смел даже помнить о Советской власти, о том, что люди всех национальностей в

этих краях жили дружно, учились и лечились бесплатно.

Наталья Ивановна, житель города Курган-Тюбе (свою фамилию она до сих пор боится называть, придут ведь домой и вырежут), даже спустя 15 лет неохотно вспоминала:

— Слышу крики за окном. Отодвинула занавеску и чуть не погибла от инсульта. Там расстреливали людей. На территории детского сада, что расположен у меня под окном, исламисты расстреляли около 70 человек. Я видела это своими глазами. Простых людей лишали жизни, обычных, кишланных, лишь по факту прописки: этот наш, а этот — не наш. В паспорте стоит, что из Гарма, значит, демократ. Свой. Из Куляба, значит, красный, советский... Заливали в рот бензин и поджигали. Палкой с набитыми на нее гвоздями, выкалывали глаза. Отрезали половые органы и засовывали в рот. Откуда у верующих людей такой цинизм?

Расстрельных точек в Курган-Тюбе, да и вообще всюду, куда пришли исламисты, в те дни было много. В семье Шарифамо Кишвардухт погибли в те дни почти все зятья и братья, хотя у них было по трое, а то и шестеро детей. Но она об этом уже никогда не узнает. Из поселка Ломоносова, предупредив обо всем мать и родственников, Шарифамо побежала в микрорайон, где была ее квартира.

Тут вроде бы все тихо. Женщина с сыном успокоились, спустились в палисадник. Мать взяла в руки ножницы.

— Давай, Дилшод, постригу тебя.

Вдруг раздался стук в калитку. Шарифамо увидела, что за калиткой стоят бородачи, которые сразу же позвали Дилшоода. Чтобы включить его в команду погромщиков.

— Не пуцу! Только через мой труп! — выкрикнула женщина и волчицей кинулась на людей с голубыми повязками на руках. — Не отдам я вам сына!

Исламисты тут же узнали Шарифамо.

— Так это ты, стерва, писала статьи против муллы Абдулло?

Дилшод кинулся защищать мать.

Со связанными руками, избитых, их затолкали в кузов машины... После этого их видело только небо. Отмечали их смертный трагический путь лишь тутовники. И еще птицы пролетали над грузовичком, в котором битком стояли будущие жертвы. Но что могли сделать ласточки и стрижи против автоматов? Ежели только на прощанье испуганно чиркнуть.

Несколько месяцев после окончания войны отец журналистки будет разыскивать членов своей семьи по всем расстрельным ямам республики. Так он узнал, что Дилшоода расстреляли первым и бросили в реку в Бохтарском районе. Вахш вынес тело парня, и местные жители погребли его на берегу реки.

Что пережила Шарифамо, когда на ее глазах расстреливали единственного сына? Как немело от ужаса ее сердце, когда 15-летний подросток, зарождение жизни которого она ощущала в себе с первой же секунды, навсегда уронил голову в песок. Я представляю, что она выплеснула убийцам в тот момент, сколько проклятий на их головы накликала:

— Не смейте, не смейте убивать детей! Чтоб вас небо убило! Сыночек, родненький! Сын-ок! Прости...

А за что ей было просить прощения, если она сама прожила чистую, по роднику, жизнь?

— Глядите, на что они способны! — кричала женщина, предупреждая тех, кого не раз защищала на страницах своей газеты: — Бойтесь их, как огня! Они за власть будут держаться двадцатью пальцами. Не аллаха они боятся. Ислам им

тоже не нужен... Где их гуманность?... У них совесть в кошельке!

Агония сына уже сдавила горем ее горло, но Шарифамо выкрикнула-таки свое обвинение в том, что исламо-шахидонцы, вооруженные до зубов афганскими моджахедами, не защитники народа, а бандиты.

— Заткнись, стерва! — орали бородачи и пинали женщину за то, что она обожала свою работу, любила своих и чужих детей, не умела предавать и мечтала о справедливости для всех. Исламисты пинали и убивали журналистку за то, что Шарифамо умела и не боялась говорить правду.

Да и впрямь, кому же и управлять Небесами, как не правде и жалости к простому человеку?

— Это не воины, это тушканчики... они воют с женщинами! — сорвав голос, уже хрипела несчастная мать.

Шарифамох Кишвардухт, талантливая журналистка, делегат 6-го съезда Союза журналистов СССР в 1987 году, была расстреляна в другом районе. Отец опознал ее по лоскутку еще не истлевшего платья. В этой яме покоились еще 30-40 трупов.

Узнав о гибели коллеги, журналист Ерасенов рассказывал потом своей жене Гулгунча:

— Какая она была хорошенькая, наша Шарифамошка! Посмотри на редакционные фотографии! Косы впереди, на ней строгий костюм, белая блузка, а взгляд какой лучистый! Она ничего не боялась! Писала только правду. И была абсолютно честным человеком, советским. Как она переживала, когда в республике начала рушиться наша жизнь!

Он, Ерасенов, единственный из журналистов, который не сбежал в те дни из Курган-Тюбе, а сидел в пресс-центре и давал информацию о приходе в Курган-Тюбе Народного фронта, объяснял людям, что это пришли не бандиты, а освободители. И жить ему, вероятно, из-за этого, оставалась немного. После прихода Народного фронта Олимджон закрыл пресс-центр на ключ и пошел вдоль дороги домой, на которой кто-то отступал, а кто-то, напротив, входил в город. Но домой не дошел. Следы его теряются на этой дороге. Куда делся журналист, что с ним случилось? По сей день не знает никто.

Жена Гулгунча, нынче учительница гимназии при Курган-Тюбинском университете, считает, что мужа убили люди из Народного фронта. За то, что в свое время он дал материал в антирусскую газету «Чароги роуз».. В Компартии Таджикистана считают, что с Олимджоном кто-то расправился втихую из отступающих батальонов исламистов или военизированных отрядов коммерческих структур за то, что тот не писал ничего худого о Народном фронте.

А в редакции молчат. Редакция также разбита на несколько фронтов, как и сама жизнь в Таджикистане.

— Шарифамо сдал кто-то из газеты, навел на квартиру, в которой она была с сыном. Ведь у нас семейство большое, несколько очагов по всему району, и кто-то точно сказал, где она. — Тихо и печально объяснила мне спустя пятнадцать лет после гибели дочери и внука мать погибшей журналистки.

Кто знает, правду ли сказала старая Сабагул Джобирова? Но потери ее в жизни так велики, — почти всех зятьев и братьев — расстреляли, что обвинять или оспаривать слова старой матери не хочется. Как сказала, так и сказала. Только ведь небеса знают правду до самого конца.

В редакции же до сих пор боятся хоть о чем-либо говорить. И даже встретиться со мной через 15 лет после тех событий многие побоялись. Вдруг не та галушка вылетит? И почти все говорили одно:

— Ну, зачем вам это! Столько лет прошло!

Вроде и сами ничего толком не пишут о тех событиях. Оно и понятно, если писать правду, вдруг что-то вылезет в рукописи самым неожиданным образом. Ведь из 27 сотрудников газеты в редакцию не вернулось 13 человек. То есть, каждый второй сотрудник газеты погиб. Да и события, кто знает, как повернутся: нынче светское государство, завтра — вдруг все по Шариату. И каждого тогда опять будут ловить на слове?

Один журналист заметил, что Латифи никогда не был в редакции в Курган-Тюбе. На что другие возразили. Латифи был человеком Александра Яковлева, он мотался по всей республике, создавал по решению комиссии Верховного Совета и Кабинета министров совмещенное издательство. Так что был он в редакции и не раз. И многое в ней происходило по его указаниям. Исламисты требовали, чтобы президент Таджикистана Рахмон Набиев отказался от участия в выборах в пользу Худоназарова, а многие газеты это печатали: «Кто не голосует за Худоназарова, тот не мусульманин!». Во всех мечетях пропагандировали тогда имя режиссера Худоназарова, его портреты рисовали на исламских знаменах и писали: «Это наш Бог!». На шахидонских митингах также носили портреты Ельцина и тоже писали, что это, видите ли, Бог. Многие редакции этот пиар подхватили, но были и те, кто с этим не согласился. И... погиб!

В тот день проводники поездов не спрашивали на остановках билеты. Поезда штурмовали целые толпы. Тех, кто не хотел быть зарезанным, исколотым, расстрелянным. Прямо в своей квартире. Восточными друзьями Собчака. Для которых не только русские были коммунистами. Но и все те, кто не хотел добровольно уступать квартиру, кто надеялся, что в республике еще можно навести порядок, у кого нет родственников в России, кто хоть два-три слова произнес в защиту Советской власти.

— Наш дом остался не разграбленным потому, что соседка-осетинка, у которой была больная мать, осталась в Курган-Тюбе, — рассказывает мне спустя два года после тех событий Абдулла. — Она заходила вечером в квартиры, включала свет, клала у порога мокрые тряпки, чтобы забредшие в подъезд люди думали, что в этих квартирах живут. Потому их не разграбили. Когда Майя уезжала из Таджикистана, мы, четыре семьи, скинулись ей на дорогу, сами нагрузили контейнер и оплатили все ее расходы вплоть до Осетии. А меня... в тот день тоже едва не расстреляли. Тот самый мулла...

Абдулла успел позвонить домой, приказал всем спешно бежать на вокзал к прибытию поезда, а сам кинулся за город, чтоб уйти из города пешком. Но его настигли исламисты на БТР. Мулла выпрыгнул из танка, направил было на журналиста автомат... Но вдруг из-за пригорка в этот момент показались танки 201-й мотострелковой дивизии СНГ, командир которого хорошо знал журналиста.

— Я потом искал свою семью по многим станциям. На одной нашел отца, на другой жену, на третьей — дочь. Все спасались, как могли.

«В городе, опаленном войной. Жизнь каждого, кто сейчас остался в городе Курган-Тюбе, полна отчаяния. Оно во всем в пустынных улицах, разрушенных зданиях, покинутых домах, а главное — на лицах людей.

Сегодня у всех — без различия возраста, национальности — одно лицо. Лицо печали, безысходности, на всех отпечаток серости, у всех застывший, остановившийся взгляд. Улыбка сейчас такая же редкость, как кусок хлеба. Редко встретишь на улицах и прилично одетых людей. Все в каких-то обносках, в старых одеждах. Нет ни желания, ни возможности следить за собой, потому что у каждого на уме

одно: как бы добыть пропитание на день сегодняшний.

Заботы о куске хлеба, о том, чем накормить малых детей, просто приводят в ужас всех. И уже в начале седьмого утра, когда едва-едва рассветает, люди отправляются на промысел. Кто-то идет в сторону гормолзавода, другие на консервный, где за определенную работу, уборку территории дают по три банки консервов.

Уехать из города сегодня невозможно: все дороги закрыты. И люди, оставшиеся здесь, думают, что их ждет еще более тяжелое испытание — голодная зима. Как защититься от голода? Вот люди и идут копать в поле все, что попадется под руки, что-то принести в дом, хоть два-три килограмма моркови, редьки, а если и повезет, то и картошки.

Но самая главная беда в другом. По отношению к кургантюбинцам был совершен великий акт предательства. Простые люди были брошены на произвол судьбы. Руководители почти всех организаций, служб покинули город в первые же дни войны. Конечно, это их личное дело — спасти свою жизнь и жизнь семей. Но весь трагизм в том, что при этих обстоятельствах рядовые горожане, живущие своим трудом на заработную плату, остались совершенно без средств существования. Никто не позаботился о том, чтобы людей как-то обеспечить деньгами, сохранить и выдать им на руки документы.

Многие в огне войны лишились трудовых книжек. Разгромленный горсобес поставил бедных стариков на грань ужаса — ведь их пенсионные дела, хранившиеся здесь, пропали в ходе боев. Для спасения документов пенсионеры создали специальный комитет. И добровольцы, вошедшие в его состав, вместе с оставшимися работниками соцобеспечения приводили в порядок здание собеса, разыскивали пенсионные дела и раздавали их на руки.

В тяжелейших условиях кургантюбинцам приходится рассчитывать только на свои силы. Правда, есть организации, которые не отказывают им в помощи. И здесь, прежде всего, стоит назвать воинскую часть. Ежедневно на территории седьмой средней школы, расположенной около воинской части, совсем уже немощные и обездоленные люди могут получить тарелку бесплатного супа, приготовленного из продовольственных запасов военных.

В последние дни на окраинах города слышна перестрелка. Это в соприкосновение входят отдельные противоборствующие группировки. Война продолжается. А вместе с ней продолжают и тяготы кургантюбинцев». (Эмилия Подобед, «Народная газета», 6.11.1992 г).

Многие люди погибли в те дни от трассирующих пуль.

Да, война продолжалась. И когда хлеб появлялся в городе, его привозили в мечети, около которых из длинных очередей вышвыривали всех некоренных. Мушкетеры распределяли хлеб, в первую очередь, своим. Тогда народ бежал к хлебозаводам. И все больше в Курган-Тюбе и в окрестных кишлаках стояло городских квартир и сельских домов с распахнутыми настежь дверьми и окнами. Это означало одно: владельцы их уже убиты. А тут еще верховный казиколен Таджикистана Туронджозода на сессии межлиса году объявил, что тот, кто убьет коммуниста и неверующего, сразу же попадет в рай. А как можно было много лет работать в советской редакции заведующей отделом и не быть членом партии?

Была убита и корреспондент «Народной газеты» Эмилия Подобед. И тот материал, который вы только что читали, был одним из последних в ее жизни. Эмилия родилась 3 ноября 1935 г., окончила факультет журналистики Московского государственного университета, в начале 70-х годов приехала в Таджикистан и

работала в газете «Коммунист Таджикистана» корреспондентом отдела советского строительства. Потом ее пригласили во вновь создаваемую газету «Курган-Тюбинская правда», где она работала заведующим отделом, одновременно корреспондентом газеты «Коммунист Таджикистана» по Курган-Тюбинской области.

Когда на окраинах города слышалась перестрелка, Эмилия пошла в поле, чтобы накопать картошки для своего приемного сына. Вот что о ней рассказывает в интернет-письме своему коллеге бывший главный редактор газеты «Курган-Тюбинская правда» Сергей Садошенко:

«Чтобы стимулировать журналистов, в редакции ввели такое правило: по итогам соц. соревнования (было и в газетах такое!) тот, кто у кого больше всех отмеченных на летучке материалов, может поехать в командировку в любую точку Советского Союза. Занявший место II-е — отправляется в любую точку Таджикистана. За девять месяцев 1979 г. первое место заняла Эмилия. Подобед, но куда не поехала, поскольку не с кем было оставить приемного сына.

Эмилия Подобед по материалам республиканской прокуратуры подготовила разгромный материал о взяточниках в местном вузе (потом меня вместе с нашим партийным секретарем А. Зайцевым таскали в обком на промывание мозгов).

...Когда я работал первым замглавного в «Трибуне», я узнал о страшной смерти Эммы Подобед, о том, что ее сына Кирилла вышвырнули из квартиры исламисты, что он бомжует в Курган-Тюбе, а потом через подругу Подобед и с помощью министра МВД Таджикистана, которому я украдкой позвонил по телефону ВЧ-связи из кабинета главреда «Трибуны», мне в Москву отправили в самый разгар войны зимой Кирилла без документов, в курточке летней и сандалиях... Кирилл прожил в моей семье полтора-два года, я сумел выправить его документы, воткнул в школу... Он рос вместе с моим сыном Борисом, Кирилл был на год старше его. Усыновить его я не мог — не было документов о смерти Эммы, она числилась пропавшей без вести, ведь ее убили (расстреляли из автомата, весь рожок) и тело ее бросили в протекавший через город канад Джуйбор, и его унесло течением.

И ты, и я в Таджикистане не знали, что Эмма Подобед была из московского клана Бонч-Бруевичей. Да, того самого Б.-Бруевича, который был секретарем Лени-на... Она уехала в Таджикистан и считалась в клане «белой вороной». А Бруевичи эти в Москве до сих пор при должностях и в фаворе...

Так вот, когда я нашел этих Бонч-Бруевичей, рассказал, что Кирилл второй раз осиротел (она же брала его умирающим малюткой из роддома и выходила, усыновила), то Бруевичи на меня орали, говорили, что я делаю это, чтобы получить жилплощадь, хотя у меня тогда уже была двухкомнатная квартира в Москве, и я им в ответ просто смеялся в лицо...

Потом из Люберец позвонила пожилая женщина — еще одна «белая ворона»

Бруевичей, 75-летняя, которая сказала, что очень любила Эмму, что знает, что Кирилл Бруевичам не родной по крови, ну и попросила привезти его к ней в Люберцы хоть чаю попить...

Мы с Кириллом приехали, попили чаю, смотрели вместе альбом, который Кирилл вместо документов сумел взять из дома (ему ведь было тогда в войну 12-13 лет всего), смотрели фотки счастливой Эммы Подобед с малышом Кириллом, смотрели его фотки, где он играет на пианино... Старушка поплакала, мы уехали... Я ей рассказал, что скоро выправлю парню метрики, постараюсь прописать его у себя, но трудно — надо восстанавливать сам факт его рождения, усыновления и т. п. и что сам я его усыновить не могу по причинам, о которых писал выше, но отношусь к нему как к своему сыну и что он будет жить у меня, и я как-то смо-

гу устроить его судьбу.

Через несколько дней после нашего визита эта дама из Люберец позвонила и сказала: «Приезжай, надо поговорить!». Я приехал, она заявила, что живет в двушке одна, что хочет забрать Кирилла к себе... Чтобы понять, как его туда юридически прописать и т. п., мы с ней пошли в паспортный стол в Люберецком ОВД. А там замначальником этого паспортного стола оказалась... женщина-милиционер, сама беженка ИЗ ДУШАНБЕ !!!

И эта женщина помогла прописать Кирилла к старушке, он переехал к ней жить и скрасил последние годы ее жизни... А Бонч-Бруевичи мне потом звонили и грязным матом ругались, что кому-то там из них не достанется квартира этой старушки из Люберец, а достанется теперь безродному бастарду Кириллу... И я снова ржал им в лицо, этим зажавшимся московским жлобам!

А Кирилл сейчас живет в Люберцах, ему уже за 30 лет, у него хорошая работа, хорошая семья».

В истории гибели Эмили Григорьевны Подобед судьба спасла хотя бы ее сына, а вот Шарифамо и Дилшоду выпало более страшное.

— Вы бы только знали, — вспоминает Абдулла, — какие у нас, у таджиков, красивые похоронные обряды, сохранившиеся еще со времен зороастризма!

По древним обычаям народов Средней Азии в доме вешают на гвоздь лоскут белой бязи. Душа в первые сорок дней ночной бабочкой прилетает в свое прежнее жилище, садится на лоскут. Заметив светильник, подлетает к нему, садится на веточку айвы, которая лежит на чаше с водой. Когда завершается чтение молитв, душа пьет воду из чаши, радуется тому, что ее поминуют, и улетает обратно.

Мы можем только предположить, в какой обстановке погибала сама Шарифамо. Возможно, ее, как самую непокорную, расстреливали первой.

На Востоке после поминок варят кисель из муки, воды, соли и выливают его в быстротекущий арык, «чтобы он унес душевную боль».

В те сентябрьские дни в доме ее матери Сабагул было много внуков, но не было муки, чтобы заварить котел мучного киселя и вылить в арык столько ковшей, сколько погибло в семье человек. Слишком много было этих жертв, а в первую очередь надо кормить живых.

— Ну, а помощь вам оказали? — спросила я старую Сабагул, ибо читала в интернете информацию правозащитника Олега Панфилова, прилетавшего в Таджикистан вместе с Собчаком, о том, что родственникам погибших журналистов в той гражданской войне в Америке были вручены большие денежные премии.

— Какие премии, какие деньги? Впервые об этом слышу!

После удивленного возгласа матери погибшей Шарифома, я поняла, что еще одному демократу, Олегу Панфилову, еще одному подстрекателю той войны, соратнику Собчака — наврать, что стакан воды выпить. Яд после него глотают другие. Совсем недавно Олег Панфилов переключился на новую войну: провоцирует теперь военные грузино-осетинские события, переехав для этого под крылышко Саакашвили.

А про Шарифамо этот тип написал еще, что у нее было четверо детей. В общем, ляпал абы что, лишь бы как попугаю, всегда верещать.

Из справки: Олег Валентинович Панфилов — в 1993 году директор московского бюро Американского комитета защиты журналистов, с 1994 года руководитель службы мониторинга Фонда защиты гласности, с февраля 2000 по февраль 2010 г.г. — директор Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России.

Автор более 2000 статей, опубликованных в газетах и журналах России, США, Пакистана, Ирана, Израиля, Польши, Болгарии, Германии, Чехии, Швеции. Автор и составитель более 27 книг, наиболее известные — «Журналисты на чеченской войне», «Информационная война в Чечне», «Таджикистан: журналисты на гражданской войне. (1992-1997)». Автор сценария 8 фильмов. Лауреат премии Союза журналистов России (1995), гран-при Международного кинофестиваля «Образ веры» (1993).

В настоящее время является гражданином Грузии. В ноябре 2009 года переехал на постоянное проживание в Грузию из-за угроз физической расправы. В настоящее время работает на грузинском русскоязычном телеканале «Первый кавказский», с ноября 2009 года профессор Университета им. Илии Чавчавадзе, почетный доктор Горийского университета.

Хотела бы я знать, кто в Москве угрожал Олегу Панфилову, самому большому лгуну из команды московского шахидона? Разведенная жена Панфилова как-то на страницах вездесущего Интернета писала о том, что своих врагов придумывал сам Олег Валентинович, он же перед вызовом милиции и ставил спектакли под названием «Ах, вот на меня напали, видите, как всего искровянили»: разбрасывал в квартире бумаги, мазал свое лицо грязью, бил стаканы.

В общем, научился у Ельцина падать с моста. И если в этих 2000 тысячах статьях, опубликованных Панфиловых на страницах болгарских, израильских, польских и прочих газет, есть хоть толика правды, я за читателей буду рада, что они и впрямь хоть что-то знают о подлинных событиях, случившихся на просторах погибшего Советского Союза.

— Вот только пенсию небольшую дали, — грустно напомнила о своих проблемах мать погибшей журналистки. Потом, гордясь, показала фото убитой дочери Шарифамо и внука Дилшода, мол, гляньте, какими они у меня красивыми были!

А мне привиделась иная картина: растерзанные мать и сын, будто ящерики в банке, не сумели выбраться из агрессивной топи ислама, вырвавшегося вдруг из преисподней средневековья. Кто взрыднет, кто вскрикнет над их печальной долей, как и над горькой участью тех, кто в те трагические годы захотел в Таджикистане остаться предельно честным человеком и, в первую очередь, Советским человеком?

Не долюбила, не дожалела Шарифамох, не сказала сыну своему необходимых каждому человеку ласковых материнских слов. И мальчишка не долюбил этот мир. Когда таджики хоронят совсем юную душу, они покрывают носилки покрывалом со свадебной вышивкой и исполняют свадебную песню «ёр-ёр!». Когда хоронят молодую красивую женщину, ей в саван кладут веточку базилика, лепестки роз и гвоздик, ибо от них исходит аромат рая. Потом устраивают поминки с цветами. Перед имамом кладут букет из роз или гвоздик с добавлением веток цветущего граната. Имам прочитывает над букетом 36-ю суру. После этого букет несут на кладбище и закапывают в ямку сбоку могилы.

Эту «Красную гвоздику» хоронили без гвоздик. И Дилшоду не исполнили свадебную песню «ер-ер». Их просто растерзали. Люди ужасно боялись в те дни ишанов, мулл, кази, калонов и всех тех, кто называл себя, видите ли, демократом, но расширял почему-то лишь кладбища. Многочисленных убитых хоронили ночью, тайком, без песен, белых покрывал и без веточек базилика. В те дни интеллигенция, которая по-соловьиному воспевала убийц и грабителей, надолго потеряла свой народ, который вдруг увидел, что тысячи людей вышвырнуты под темные своды Вселенной лишь ради того, чтобы кто-то с гордостью мог бы сказать: этот

целый подъезд принадлежит теперь мне, господину прокурору, а этот — господину мулле.

Частная собственность... она такая, ради собственного процветания уже убила на планете миллиарды людей, и готова ради благ своих убивать и дальше. Зверозубый рынок, прибыль... в людской цивилизации во имя этих постулатов неоднократно кидались друг на друга сотни народов и многие из них превратились в пыль. Как в наше же время и на наших глазах...

— Не подходите к этому эшелону, — попросил еще раз на прощание меня Абдулла, когда мы увидели в тупике вагоны с людьми, похожими на нищих средневековых дервишей. — Западу нужен в нашей республике хаос, вот он и настоял на том, чтобы удравшие в Афганистан исламисты вернулись домой. Среди них могут быть и те, кто убивал Шарифамо... И везут они на родину не только обретенные в Афгане болезни, но, возможно, и наркотики. Может, и прежнюю злобу. Есть там и добрые люди. Но где у вас гарантия, что кто-нибудь не подсунет вам в сумку наркоту, а потом неожиданно явится в дом за ними?

26 октября 1992 г. Коалиционное правительство Таджикистана пало, прошли выборы, и президентом страны стал Эмомали Рахмонов. Таджикский народ, вопреки желаниям российской собачковщины (которой легко далась победа в Москве потому, что это была самая первая оранжевая революция на территории СССР), не пошел за исламскими старовойтовыми, мечтавшими разделить СССР на столько кусков, сколько в нем национальностей. В Таджикистане, где дом к дому, квартира к квартире, жили люди разных национальностей, этот номер не прошел. Учение Галины Старовойтовой не нашло тут своего воплощения в жизнь, по своей компетентности оно оказалось на уровне средневековья.

Таджикские коммунисты во время войны объединились с гражданами разных национальностей, по менталитету советскими и не только советскими, а просто не желавшими иметь на территории своей республики господство Шариата, нашли общий язык с российской дивизией, новый командир которой тоже не захотел праздновать труса. Большинство граждан Таджикистана мгновенно пошло за смелыми и решительными людьми. Исламистов из республики вышибли. Государство официально объявило себя светским. Объявить его советским в ту эпоху возможности не было, потому что советской не была Россия, объединяться было не с кем. Травкины и собчаки, которые немало сделали, чтобы развязать на территории южной республики войну, друзьями таджикским левым никогда не были.

И когда после Победы и выборов нового президента Таджикистана у здания правительства в Душанбе появились флаги всех советских республик, тут же позвонил Ельцин и сказал:

— Если эти тряпки будут полоскаться у входа, не дам тебе лес, нефть, мазут...

Рахмонов, в прошлом директор совхоза имени Ленина из Дангаринского района, в жизни не мысливший о такой карьере, которую ему после победы над исламистами даровали коммунисты, испугался и совершил мгновенный политический кувырок: стал вдруг активным демократом и начал во всем преследовать тех, с кем еще недавно шел в бой... Запретил, к примеру, коммунистам заниматься коммерческой деятельностью. В результате компартия так бедствует, что не имеет в своем компьютере даже Интернета.

Тем не менее, светское государство, даже такое, куда лучше исламского. Не зря тысячи людей с партбилетами и без партбилетов не пощадили себя в той битве. Даже «таджикские дехкане поняли, что под демократической оберткой с хлестким лозунгом «Долой коммунистов!» таится то, от чего в 20-е годы отказались их

деды... — написал позднее аналитик В. Владимиров. — Сыграл свою роль и откровенно уголовный характер новой власти. Везде, куда приходили исламские демократы, царили произвол, разбой и мародерство...».

Абдулла был прав: вернувшиеся из Афгана исламисты привезли домой не только свои проблемы, но и свою злобу. В 1992 году Таджикистан усилиями оппозиции опять оказался на грани распада. Полевой командир-исламист Ризвон и очередной мулла — Азам — провели съезд, на котором убеждали местное население, что Пакистан, Афганистан, Саудовская Аравия окажут всестороннюю помощь Гармской исламской республике, которую они только что, видите ли, создали в Каратегине. Хвастали прямой телефонной связью с Меккой. Но после прихода Народного фронта в Гарм в 1993 г. Ризвон и Азам сбежали.

Ельцинско-собчаковская Москва мгновенно отказалась от своих вчерашних друзей, проигравших надолго ситуацию. Тогда в отместку собачкам 13 июля 1993 г. исламо-шахидонцы в дружбе с афганскими моджахедами с двух сторон напали на 12-ю российскую погранзаставу и уничтожили почти всех ее бойцов. Помните кадры телевидения, на которых русские мальчишки лежали с отрезанными головами? За несколько часов до смерти они упорно запрашивали по радиации военную помощь, но Ельцин, кажется, тогда был смертельно пьян, «главнокомандующего» не могли найти целые сутки и некому было дать приказ послать помощь погибающим бойцам. И это вселенское бесстыдство, из-за которого ушли из жизни не по своей воле уже миллионы людей, это политическое хамство и есть демократия?

Исламисты, так и не уловившие душу своего народа, отвергшего экспорт исламской революции и средневековой тьмы, продолжали гражданскую войну, которая закончилась лишь в 1996 г. Это война исламо-демократии уже была и с Россией. В дем. печати не раз мелькало сообщение, что «в Гиссаре и Каратегине, особенно в Ромитском ущелье, Исламская Партия Возрождения Таджикистана имела обширные плантации опиумного мака, который был одним из основных источников ее военного финансирования». Сюда же прибавились и афганские наркоторговцы, которые переправляли наркотики в Россию и зарабатывали деньги уже за счет гибели русского населения.

Из справки: Отахон Латифи. Автор и сценарист многих документальных фильмов, журналист Радио «Свобода»: Евразия: Кавказ и Центральная Азия. Председатель орг. комитета Партии народного единства Республики Таджикистан, созданной в 1992 г. Председатель Координационного центра демократических сил Таджикистана в странах СНГ, заместитель руководителя делегации ОТО на межтаджикских переговорах, заместитель командира спецподразделения по охране ООН (а это что за должность?). С 1993 г. в эмиграции (после той страшной войны на своей родине, развязыванию коей сам и способствовал). Латифи три года прожил в Москве и два — в Тегеране). В 1997 г. возглавил подкомиссию по правовым вопросам Комиссии по национальному примирению.

Примирение?.. Это все равно, как в 1919 г. после окончания Гражданской войны в России посадить бы за один стол Ленина и Колчака, Сталина и Деникина, а в 1945 — Сталина и Риббентропа. Или Сталина и Власова. Из таких переговоров ничего хорошего не вышло бы. Непрерывной чередой возникали бы конфликт за конфликтом. Не получилось ничего хорошего от примирения и в Таджикистане.

Оппозиционные партии и движения, живя в Афганистане, оружия не сложили. Они организовали вооруженные отряды, которые и поныне пересекают границу, воюют с таджикскими пограничниками. И в самой республике создали Вооруженные партизанские силы, которые до сих пор ведут подпольную борьбу со сторон-

никами правительственных сил. И всегда находят охотников повоевать с мирной жизнью. Так 1 октября 2000 г. студенты исламского института Мустафакул Боймуродов и Садриддин Фатхуддинов организовали взрыв в христианском миссионерском центре «Сонмин» («Благодать»).

Убийства и расправы над людьми в республике продолжаются, но теперь хитрованы-журналисты, живущие в России или на чужие гранты на Западе, приписывают их вооруженным силам правительства. И занимаются этими инсинуациями даже авторы русского происхождения. Так во всех изданных ныне книгах о гражданской войне в Таджикистане написано, что Шарифамох убили бойцы Народного фронта, то есть сторонники нынешнего правительства. Но очевидцы утверждают иное. И коли сравнить по датам, тоже выходит — вранье. Шарифамох увезли с сыном из Курган-Тюбе 22 сентября 1992 г., а бойцы Народного фронта вошли в Курган-Тюбе 27 сентября. Да и зачем им убивать женщину и мальчишку, потом прятать тела так, чтобы их никогда не нашли? Такая злопамятность — почерк исламистов. В итоге две невинные души, а вместе с ними и еще двести тысяч жизней, преждевременно чертят свой путь среди холодных созвездий Вселенной. Кто-нибудь из тех, кто заварил на планете эту кровавую кашу по разрушению СССР, хоть иногда замечает их мгновенно-метеоритный трагический пролет над землей?

Но милостивое крыло судьбы не простерлось и над теми, кто хотел торопливо и нагло, не считаясь с миллионами противостояний, посадить себя в кресло власти.

Отахона Латифи как-то спросили, какой период своей жизни он считает самым счастливым? Не задумываясь, бывший советский журналист, а затем — политик от ислама сразу же ответил: «Тот период, когда я работал собкором газеты «Правда», а потом и «Комсомольской правды».

Ходили слухи, что Отахона Латифи готовили в ООН, на худой конец — в президенты на предстоящих выборах, потому такой искренний ответ кое-кому не понравился. Изберешь его президентом, потратишь на эту акцию уйму денег, а он вдруг вспомнит про газету «Правда» да и вильнет к левым?

Ровно через 5 лет после гибели журналистки Шарифамох Кишваровой, в тот же день, когда ее с сыном увезли из дома, 22 сентября 1997 г. в приемной кабинета сидел неизвестный и спокойно читал газету. Как только Отахон вышел и спросил «вы ко мне?», посетитель вынул из газеты пистолет и мгновенно выстрелил. Отахон хотел еще догнать убийцу, кинулся за ним, но... через минуту упал. Остальные работники в приемной были так растеряны, что ничем не помогли Латифи.

Из справки: *«В 20 веке Центральная Азия породила много ученых, литераторов и заслуженных деятелей. Однако в журналистике двадцатого века Центральной Азии никто не смог сравниться с Латифи».* Евгений Примаков.

Понимают ли хоть иногда российские политики то, что они говорят? Или Примаков тоже поддерживал исламистов? Тоже стремился к тому, чтобы над Душанбе взошло зеленое знамя Пророка?

Гражданская война в Таджикистане унесла 200 тысяч жизней. Из них убиты десятки журналистов, тысячи прокуроров. Десятки тысяч пропали без вести. Беженцев и бездомных — 800 тыс. В Россию перебралось — 300 тыс. русских. В Таджикистане осталось нынче около 88 тыс. русских. В Афганистан и Иран перебрались около 500 тыс. таджиков. В Россию и на Украину выехало 60 тыс. таджиков, в том числе, в Москву — 6 тыс. человек. Экономический ущерб республики в результате многолетних кровопролитий — примерно 300 млрд. долларов. Сожжено 150 тыс. домов, 15 тыс. — разграблено. Разрушено около 80% промышленного по-

тенциала страны.

Так право на слово, чаще всего безответственное, не выверенное правдой и житейской мудростью, эта свобода слова с полным отсутствием разума, активно пропагандируемая ныне американским радио «Свобода» и легковесно подхваченная в свое время таджикскими поэтами и писателями, отняла у большей части таджикского народа право на жизнь. Такова расплата за утрату своих позиций, за утрату единого Советского государства. В одном только Таджикистане...

Нынче приходится слышать от россиян, мол, понаехали тут всякие. Но эти упреки — исход на ложный путь, ибо люди других национальностей спасаются около нас от голода и лютых нехваток так же, как спасались русские в Великую Отечественную на таджикской земле.

Господин Черномырдин, став премьером, тут же начал торговать ураном как картошкой и продал США за 1/10-ю часть от стоимости весь запас урана, добытый в СССР. И если бы Путин вложил 5 млрд. долларов в разработку урана не в Австралию, а в Таджикистан, из урана которого была сделана первая советская атомная бомба, у многих таджикских граждан нашлась бы работа дома. Политическая элита России по-прежнему работает лишь на разрушение нашего пространства, потому плюет на неудобства россиян от наплыва беженцев и охотно благоустраивает пространства лишь заморских дядей, горстями при этом вышвыривая души соотечественников в холодные небеса небытия. Откуда эта страшная неграмотность, эта трагическая разница целей между народом и его нуворишами? Как же сквозь пыль веков расценят потомки нашу разделенческую и воинственную деятельность по отношению к самим же себе?

«Там» все были с «тараканами» в голове, — скажут они о нас, — ибо не знали простого. Демократия... ее вообще в природе нет. Нигде. И никогда не было. А коммунизм был всегда. Даже в древнем Риме. Для тех, у кого собственность. Иным же... как обычно.

Ну, как расскажешь будущим умницам и умникам, что наши поэты, писатели, политики, недалекие выскочки-старовойтовы, как феодалы из средневековья, предпочли социализму примитивнейшее устройство мира, когда коммунизм — лишь себе, а народу, как и во все века, только... рабство?

Таджикские коммунисты, единственные на территории уничтожаемого лабазной Москвой Советского Союза, с оружием в руках отстаивали свои идеалы от неистово-дикой местечковости старого Востока. Они до последнего мгновения не выпускали из рук свою коллективную «Красную гвоздику» — идеалы равенства, знаний для каждого, возможность зарабатывать свой кусок хлеба дома, а не в далеких и холодных краях на грязных рынках других регионов. И то, что до сих пор за восстановление Советского Союза высказываются 97% населения Таджикистана — это дань уважения прошлому, внутренняя бесцензурная установка на необходимость его воплощения в реальную жизнь.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ: АВЕСТА ГИМН АРДВИСУРЕ АНАХИТЕ

Когда он увидел, что войско дэвопоклонников,
Приспешников Друджа,
Боевым строем подходит издали,—
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее: «Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я одержал такую великую победу,
Какую другие арийцы все вместе одержат».
И даровала ему эту удачу Ардвисура Анахита,
Ей жертву приносил трехпастный Ажи Дахака
В стране Баврай — Сто коней, тысячу быков
и десять тысяч овец.
И просил он ее: «Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтоб обезлюдил я все семь кишваров».
Не даровала ему эту удачу Ардвисура Анахита.
Из книги «Яшт» Ардвисур-яшт

Исламисты и впрямь уничтожили в Таджикистане семь кишваров, убили Шари-фамох Кишвардухт, символ честной образованной женщины, род которой, судя по одной только фамилии, зародился где-то около реки жизни Ардвисуры Анахиты и уже несколько тысячелетий давал ростки на этой теплой южной земле.

Ее имя — высший символ того, чего могла достигнуть современная таджикская женщина в советские времена. Журналистку убили, как убивают эталон, расстреляли в назидание другим: «марш под паранджу, не смей нос высовывать»! Так в Средней Азии после Октябрьской революции растерзывали женщин, которые посмели отбросить от себя предрассудки, из-за которых восточная женщина видела мир только сквозь сплетенное из толстого конского волоса оконце.

Это известная истина: подлый за прошлое ничего не дает, он его добивает. Чтоб рядом с ним не было эталонов.

У Шарифамох отняли жизнь такие же самодуры. Но память о ней, как об очень благородном человеке, осталась в родных кишлаках, в отличие от тех, кто поднял автомат против своего же народа. За неблагое и не даровала исламистам удачу сама жизнь — Ардвисура Анахита. Почти всем им пришлось познать то, что несколько веков назад, к сожалению, познал и Данте: «Ты будешь знать, как горек на чужбине сухой ломоть, как трудно на чужбине сходить и восходить по ступеням». Высокопоставленные исламисты, самые злобные и увертливые, устроились в России неплохо, а рядовые — пошли на Черкизовский рынок торговать колготками. И тут с дамскими трусиками в руках многие из них поняли, какую глупость они совершили, приложив все силы для разрушения СССР. Раньше они были каждый на своем месте, в своей квартире, у станка или в школе. А теперь — рабы... Лишь рабы. Без жилья, родины и постоянной работы. С каким же удовольствием в эту пору некоторые из них начали читать газету «За СССР», даже приезжали в редакцию с просьбой дать лишний номерок, чтобы распространить газету на рынке, а то и отослать на родину.

Кинорежиссер Худоназаров в 1992 году сбежал из Таджикистана и даже на похороны отца не прилетел, побоялся, столько худого причинил он людям на родной земле.

Начальник всех митингов, поэт Бозор Собир, прилетев в Москву в 2004 году из США, сообщил, что его семья оказалась в ситуации, когда единственным выходом для выживания стала эмиграция в США.

«Мы уехали во Флориду, в маленький городок Джексонвил, но через год переехали в штат Вашингтон, — продолжил он. — Там, в основном, живут одни старики и иммигранты». Б. Собир отметил, что семья училась в специальном колледже для имми-

грантов — изучала английский язык. Вначале было тяжело, но помогали ранее приехавшие эмигранты. «Я и моя жена сейчас не работаем. Живем за счет специальных пособий», питаемся бесплатно за счет «Food-bank» (продуктовый склад), — сказал он. — Эти продукты 2-3-го сорта, у которых истек срок годности, их не выбрасывают, а передают в склад, специально для бедных, неработоспособных и иммигрантов».

Двое сыновей — Мехрон и Ромис — закончили колледж по компьютерному программированию, устроились на работу. Третий — Манучехр уже имел художественное образование. Он пишет картины и продает их. И самая младшая в семье, это дочка — Шогуна, она в этом году поступила в Вашингтонский университет на факультет психологии. Собственно из-за них я не могу вернуться на родину.

«Мы живем в специальных квартирах для иммигрантов, — продолжил поэт, отвечая на вопрос. — Самая ободранная грязная и старая «конура» стоит \$700 в месяц. У себя на родине за 3-комнатную квартиру в месяц я платил 10-рублей, и то был недоволен. А теперь в Америке за проживание в двух комнатных плачу 700 \$ ежемесячно. Это за пустую деревянную кибитку. А что делать, я вынужден платить! Переселенцев, по словам Б. Собира, в США не сотни и ни тысячи, а миллионы. И хотя без бумаги ты там никто, отношение нормальное, никаких намеков и «наездов» со стороны американцев нет. «У американцев три жизненных лозунга — свобода, демократия и американская мечта. Но за 8-лет проживания я никакой демократии, свободы и мечты не видел. Мне не понравилась эта страна, я ненавижу их капиталистическую систему. Это самая несправедливая и нечеловечная страна», — сказал он. Коснувшись прежних взглядов в отношении России, поэт назвал их «очень наивными убеждениями»..

«Столько лет живя в Америке, и сравнивая ее систему с нашей, я, в конце концов, убедился полностью, в том, что Россия — самая честная, человечная и правильная страна, — убежден Бозор Собир. — Когда американцы узнали, что в России 100% людей имеют среднее или высшее образование, они чуть с ума не сошли. Ведь в Америке каждый четвертый без образования, многие даже правильно написать свое имя не могут. Это заслуга бывшего СССР. Только теперь я осознал, что 75 лет жил при коммунизме».

Из Майями Бозор прислал в Душанбе статью, в которой признал, что в Америке живут теперь два таджика: «Я и Ленин!».

В Соединенных Штатах у поэта нет возможности печататься, это стоит очень дорого: 8-10 тысяч долларов. Он теперь печатается в... России. Бесплатно. После многочисленных хлопот вездесущего Бури Каримова, который в свое время организовывал митинги протеста против коммунистов в союзе с дичайшими националистами.

ОСТАЛСЯ Я ОДИН

Был в юности как чистый снег,
Как снега блеск, как снега свет,
Сейчас я — каменистый снег
слежавшийся за много лет.

Глаза под стеклами очков
Все чаще в сердце —
боль толчков.
теперь — как родники
во льду,

Никто меня здесь не поймет.
Нет современников моих.
Ничто — и жест, и перевод.
Нет собеседников моих.

Куда вела судьба моя?
Средь гор остался я один.
«Где горцы?» —
обращаюсь я
К толпе бесчисленных

Нет ни души, и я один,
все вымерли, всему я чужд!
Кажусь я грудой руин,
в которых жил еще Зардушт.

Ваххабиты пригрозили водителю Марахиму Мамсаидову, мол, зря погибнешь, не вози Мирзоева, мы его все равно убьем, но бывший председатель колхоза, зная об угрозах, все равно написал жесточайшую правду о той войне: «Ведь первая заповедь для мусульманина — быть чистым, честным, благородным, заботиться о мире для народа. Многие исламские проповедники изменили этим заповедям. Вот почему народ говорит, что безграмотный, но честный, простой дехканин во сто

крат лучше, чем предавший свою веру мулла...

Да, не только в каждом кишлаке, но чуть ли не на каждой улице были построены мечети. Это неплохо, конечно. Но знали ли мы в те времена, в каком положении детские сады, школы? Задумывались ли подписавшие решение о выделении половины средств фонда района на возведение мечетей руководители исполкома, как живут ожидающие своей очереди на квартиру многодетные семьи? По моему никто не допускал и мысли, что построенные на анродные деньги мечети будут служить штабами оппозиционных сил и что в их подвалах будут мучить и убивать ни в чем не повинных людей.

Мечеть — это дом Аллаха. Здесь должны вестись разговоры о законах исламской религии, о богоугодных делах. Но ваххабиты превратили их в центры дезинформации и всяческих грязных дел. Здесь вместо проповедей учения пророка вели разговоры о том, как пользоваться оружием, как нужно убивать людей. На складах мечетей в огромном количестве хранились различное оружие, боеприпасы, солдатское обмундирование, а также дефицитные товары, мука, масло, сахар и другие продукты питания».

«Покидая Кабодиен, боевики начали расправляться с теми, кто поддерживал Народный фронт и местную власть, убивать, жечь и грабить их дома. Особенно они зверствовали на территории колхоза «Араб она», не пощадили ни стариков, ни матерей, ни детей. Для расправы над мирным населением использовали и прошедших специальную подготовку наемников. Среди убитых были даже беременные дети. Именно в этом кишлаке «люди» оппозиции, распоров живот беременной женщины, вынули дитя и расстреляли в упор. И еще на глазах у старика, лишенного возможности двигаться, казнили всех членов семьи. Затем расстреляли и самого больного главу дома».

Теперь о самом авторе. Написав такую страшную книгу, устроив такой жесткий разбор исламистских «полетов», прямо для Нюрберга, Чори Мирзоев свалился с инсультом. Его отвезли в больницу. А там в палату, которая была расположена на втором этаже, бросили гранату.

Поэтесса Сафиева, которая после поездки в Швейцарию в советское время и огромных тиражей ее книг, ходила по Душанбе с цепями на руках, мол, так плохо ей жилось в Советском Союзе, после амнистии вернулась домой. Боясь, что ей напомнят о том, как она собирала по кишлакам сотни агрессивных молодых людей и везла их с камнями в руках на площадь Шахидон, сидит нынче тихо, как мышка. Время от времени из этого обывательского нафталина имя Сафиевой вытаскивают те, кто в Москве обрамлял журналистикой и поэзией ельцинский шахидон, и публикуют ее стихи на страницах московских газет. Но прежней славы, прежних поездок по миру, бывших тиражей и большой народной любви поэтессе больше не выпадает.

Увы, путь религиозного средневековья, который режиссеры и торговцы предложили взамен, не увлек, не одурманил людей, живущих вдоль берегов Вахша, они победили с оружием в руках, но в этой борьбе надорвались и фактически тоже погибли. Однако в отличие от исламистов, погибли людьми.

Ну, а Абдулла, который мне впервые рассказал жуткие подробности о гражданской войне в Таджикистане, о трагедии целой редакции и гибели прекрасной таджикской журналистки Шарифамох, как сложилась его судьба?

Когда я начинала писать этот очерк, невозможно было открыто еще называть его подлинное имя. Боялась, что расправа настигнет этого красивого крепкого парня даже в Узбекистане. Но теперь я могу сказать все...

Это Рашид Абдуллаев, фотокорреспондент ТАСС по Курган-Тюбе.

— Беженцев из Таджикистана Узбекистан тогда не принимал, — помнится, рассказывал мне он. — В республике боялись, что пламя тех событий переметнется и в узбекские долины, в которых еще недавно тоже чадила копоть весьма негармоничных межнациональных отношений.

Но меня пустили. Бюст моему деду стоит в андижанском парке имени Пушкина на аллее революционной славы. В память о нем мне на границе дали пропуск с красной полосой и правом беспрепятственного проезда. Да и удостоверение собора ТАСС помогло. Поэтому я мог без особых проблем собрать свою семью в Андижане. Живем пока тут, работы нет.

Утихла война. Рашид то возвращался в Курган-Тюбе, то вновь покидал его.

Искал работу по профессии. Но перспектив больших не было. АПН и ТАСС в Москве были уничтожены. А тут в Душанбе 15 сентября 1992 года прошел первый Всемирный форум таджиков, главная цель которого — «единство таджиков и персоязычных народов мира».

То есть, вместо идеи братства и равенства, вместо идеи «работа и жилье для всех» в границах Советского Союза, гражданам бывшего СССР предложили идею националистического космополитизма. В те годы сколько было конгрессов русскоязычных соотечественников! И армяне встречались с армянами все стран, грузины лобызались с грузинами всех стран, а Назарбай, выдавливая русских из республики, начал привозить откуда-то казахов, как правило, малообразованных, без профессий и малокультурных. И жили эти гости в новых квартирах до тех пор, пока их дети не разбивали санузлы, а жены не засоряли канализацию. После этого новые казахи снимались и вновь уезжали в монгольские степи.

Так что все эти лобызания мало что дали конкретному улучшению жизни народов всех республик, но шума от них, грохота... ровно столько, чтобы не были слышны стоны реальных жертв и беженцев. А уж если правду говорить до конца, то, скорее всего, на тех конгрессах собирались шпионы и агенты влияния всех стран той или иной национальности.

И вот вместе оказались персоязычные...

«Мы, таджики, вновь восстанавливаем связи со своими единокровцами, говорящими на одном с нами языке. В то же время хочу заявить, что мы — 100 миллионов человек, говорящих на персидском языке, хотим сохранить посредством нашей науки и культуры, мелодий и песен, традиций свою самобытность». (Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан А. Искандарова на торжественном открытии Всемирного форума и зарубежных соотечественников).

«Еще 9 сентября 1991 года в Декларации о независимости Таджикистана мы заявили, что будем сотрудничать со всеми таджиками мира и защищать их интересы», — сказал Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан А. Искандарова на торжественном открытии Всемирного форума и зарубежных соотечественников.

«В частности, после Октябрьской революции и междоусобных войн на этой земле большинство таджиков, узбеков и людей других национальностей Средней Азии переехали в разные государства, оставив много родственников.

Мы горько сожалеем о тяжелых исторических последствиях и о тех, кто насильно был выдворен с родины, терпя при этом нестерпимые боль и горечь. Мы заверяем, что если они мечтают о возвращении на родину, то ее объятья всегда открыты для них и, если дети этих эмигрантов выразят желание вернуться и жить на родине предков, то мы на льготной основе сможем завязать с ними соответствующую

щие отношения». (Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан А. Искандарова на торжественном открытии Всемирного форума и зарубежных соотечественников. «Республика Таджикистан. История независимости. Год 1992-ой. Хроника событий». Том II., Душанбе, 2005 г.).

Ну, почему постсоветские лидеры так мало знают, почему они даже спустя много лет поражают своим невежеством, желанием непременно извратить ситуацию? «До 1933 года, — пишет в еженедельнике «Московские новости» (16 июня 1991 г., с. 5) народный депутат СССР, кинорежиссер Давлат Худоназаров», — граница тут была условностью. Конечно, на картах новейшего времени проводилась государственная граница, но для местных жителей, составляющих издревле один народ, ее не существовало: выходили замуж на эту сторону, женились на девушках с той стороны, родители здесь, дети там...».

Ведь за 10 лет, которые прошли со времен гражданской войны, все враги советской власти могли спокойно уйти на другую сторону и никто их специально не загонял в могилы, если они не взяли в руки оружие и не погибли в бою против отрядов Красной Армии.

«Мы проехали вдоль советско-афганской границы около 300 километров, не замечая практически никаких признаков границы, — пишет в этом же номере «МН» (16 июня 1991 г., с. 5) Андрей Колесников. — Из разговоров с местными жителями: «Мы к афганцам ходим, они к нам. Только афганцы еще беднее, чем мы, поэтому воруют у нас все, что под руку подвернется. Есть тут такой Шариф. Врывается по ночам со своими дружками, грабит кишлаки, никто не может его поймать. Пограничников тут нет, а мы что можем? Зимой еще проще: река замерзает — через границу на машинах ездим».

«Мы, группа народных депутатов СССР от Таджикистана, хотели бы обратиться напрямую к руководителям моджахедов с просьбой о встрече. Может быть мы, в какой-то степени, сможем стать посредниками в переговорах или, во всяком случае, в какой-то мере содействовать установлению мира» (Давлат Худоназаров, «МН», 16 июня 1991 г., с. 5).

Вот ради этого бесцельного, фальшивого единения с персоязычными, проживающими в любой стране, ради религиозно-мусульманского космополитизма, для простых людей выражающееся практически лишь в том, чтобы оказаться на базах Ирана или Афганистана, фактически и была предана в Таджикистане Советская власть. Отчего республика была ввергнута в тяжелейшие военные столкновения.

«Все прекрасно знают, что мы с Ираном близки по культуре и языку. Мы — ветви одного дерева и надеемся, что в области экономики и культуры сотрудничество между двумя нашими странами будет расширяться. (Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан А. Искандарова на торжественном открытии Всемирного форума и зарубежных соотечественников. **«Республика Таджикистан. История независимости. Год 1992-ой. Хроника событий». Том II.. Душанбе, 2005 г.**).

Русские граждане республики, вложившие свои жизни в процветание Советского Таджикистана, таких же многообещающих слов о дружбе народов и гарантии мирной жизни в этот день, да и в какой-либо иной, от лидеров постсоветской республики не услышали. Напротив, их по-прежнему выдавливали из квартир, а то и из жизни самыми экстренными мерами.

«В ходе форума гости ознакомились с современной жизнью таджиков, некоторые встретились со своими родственниками. (Академик М. Осими, председатель

общества «Пайванд». «Республика Таджикистан. История независимости. Год 1992-ой. Хроника событий». Том II.. Душанбе, 2005 г.).

После этих слов некоторые таджики в республике начали лихорадочно искать забугорных родственников, вдруг удастся за счет их расширить свои личные связи и возможности, как это обещает правительство? Вдруг удастся разбогатеть! Пещеры Аладдина непременно ведь каждого ждали за бугром!

Тряхнул стариной и бывший фотокорреспондент ТАСС Рашид Абдуллаев: вспомнил древние корни своего рода, вспылал религиозными чувствами, мол, надо жить, как жили прадеды...

Рашид нашел неведомых, будто космос, родственников в Саудовской Аравии, взял кредит в банке, поехал к ним в Мекку. Заодно отметил, как истинный мусульманин у камня Каабы. Потом что-то на арабском Востоке купил, да не смог продать в своей родной Азии. Банк — на пороге: нет денег — отдай квартиру.

Абдуллаева парализовало, отнялись ноги. Написал он письмо далекой, но теперь такой дорогой родне, мол, так и так, мы — ветви же одного дерева, случилась беда, помогите. Те ответили, приезжай...

Рашид приехал к ним уже в коляске, в сопровождении врача. Надеюсь, что священный камень Кааба непременно его, истового нынче мусульманина, поставит на ноги... Однако ни полированный камень посреди Мекки, ни новые родственники горячими чувствами к больному не вспыхнули и отказали в поддержке, хотя для той родни, судя по их благосостоянию, дать три тысячи долларов попавшему в беду парню ничего не стоило.

В полном отчаянии вернулся бывший фотокорреспондент ТАСС на родину. Отдавать еще более возросший долг было не из чего, даже оплатить врачу его услуги не предвиделось. К тому же начали отниматься и руки.

Умирал Рашид в Курган-Тюбе. Этот красивый здоровый смуглый мужчина, которого я видела в Андижане во время последнего своего визита на родину, через несколько лет после нашей встречи был полностью разрушенным и уходил из жизни в абсолютном одиночестве. Без каких-либо забугорных племянниц и племянников рядом. И ни одного письма от них он больше не получил.

Его навещала лишь дочь. А в редакции о нем быстро забыли. Он же не с ними напрямую работал, да куда-то потом исчез...

А он и впрямь исчез... Навсегда. И находится нынче где-то в созвездии Шарифамо. В том созвездии, куда не по своей воле, где танками, где пулями, где коварной ложью были отправлены миллионы погибших людей при разрушении Советского Союза.

И всем хороша родня в Иране да в Афганистане, и язык один, и обычаи, да как-то все в тех людях по-чужому устроено, и на строительство Рогуна Таджикистану, как и Абдуллаеву на хворь, никто не дал ни копейки... Такие мощные капиталовложения могла одолеть лишь Советская Родина, но граждане коллективно предали ее из-за косноязычной, подлой болтовни малообразованных разрушителей, мало что знающих о том, как реально живет остальной мир. Там сами ждут, что им выпадет халява, однако не наоборот.

Можно, конечно, прожить в республике и без Рогуна. Еще несколько десятков лет. Пока не заилится окончательно Нурекское водохранилище. И тогда Таджикистан вновь станет таким, каким нашла его Россия в XIX веке: при керосиновой лампе, в кибитках...

Вот против афганизации республики, ежедневного ее обнищания, против добровольного ухода в средневековье и боролись таджикские коммунисты.

И откуда такая спесь у исламистов, им, видите ли, открылось то, что неведомо остальным? До прихода России в Туркестан Таджикистана-то не было, были только ханства с непонятными, вечно меняющимися, как оазисы, границами. Респуб-блику такой, какой она была в СССР, экономически мощной, с образованным на-селением, фактически создал Советский Союз, и предавать его анафеме, могли только, простите за искренность, идиоты!

А начиналось все так просто. Вначале муллы в мечетях дали команду своим прихожанам: пусть наши дети в детских садах и школах защищают детей ком-мунистов, а особенно русских. Пусть им говорят: «Яман! Ты очень плохой! Яман!». Пусть во дворах им при любом случае дают подножки, подзатыльники, хватают за волосы... Родители рано или поздно не выдержат и ради покоя ребенка начнут уезжать. Пусть девочкам на улице отрезают уши. А в форточки бросайте бутылки с зажигательной семью. Чтобы они попадали на детские кровати.

Потом взбесились верующие женщины и начали кричать соседкам, мол, вы шлюхи, проститутки, ваш брак не был заключен в мечети. Быстрее бегите к мул-ле. Тогда аллах, возможно, смилостивится и простит ваши грехи.

А вот начали шмыгать по базарам толстые бесформенные женщины и требо-вать от молодых девушек, мол, по какому праву ты позоришь свою родню, ходишь по городу одетой во что ни попадя, достойной мусульманской одежды на тебе нет: шаровар и платка на голове? Если еще тебя такой увидим, торговать не позво-лим. Либо палатка твоя сгорит, покупателей у тебя не найдется, вдруг и товар ис-чезнет?

— Чалму носите! В школу не ходите... В университет — только в хиджабе!

В 1992 году ни одна таджикская девочка не посещала школу. Как же этому ра-довались в мечетях: женщина наконец-то опять будет покорной!

И пока все друг с другом разбирались, убивали, грабили, изгоняли некоренное население, желая объединиться с коренным афганским, нарушали границы, со-бирались на конгрессы, лобызались с новоявленными родственниками, родные «братья» из Афганистана тоже решили кое-что приобрести за счет настешь и глу-по раскрывших свой край шурави.

Около кишлака, где-нибудь подальше от глаз, в горах иногда неожиданно опу-скался вертолет, из него выходили дюжие ребята в широких цветных шароварах и в военном камуфляже, мирно и широко улыбались, а через мгновение начина-ли строчить по подбегавшим к вертолету жителям. Без какого-либо разбору. Гости безжалостно расстреливали беременных женщин, детей, стариков.

Ну, ежели кто упрячется в кустарниках... Но это удавалось мало кому. Настоль-ко все было неожиданно. Да и селение отдаленное. Пока узнают, что никого из этого кишлака нет в живых... Тем более, когда зимой горные перевалы надолго за-крыты, продовольствие не поставляется и дороги подорваны кое-где.

Афганцы решили оторвать в свою пользу Бадахшан. Им не нужны были эти суровые, с богатыми недрами хребты вместе с людьми. Им нужен был Бадах-шан без людей. Потому они, воспользовавшись междоусобицей в долинах, нача-ли уничтожать население гор. Притом еще в советское время... Вот, к примеру...

«Московские новости», 16 июня 1991 г.: « 4 июня (1979 г. — прим. Л.Б) неоп-ознанный реактивный самолет, нарушив воздушную границу СССР, произвел бом-бометание по таджикскому кишлаку Намагутти-Поеи и покинул пределы Союза. Система ПВО не защитила ни границу, ни жителей кишлака. Происшедшее тре-бует расследования: фактов, документов, свидетельств.

5 июня в Наматгути-Поен для расследования фактов нарушения государственной границы и бомбардировки кишлака прибыла советско-афганская комиссия. В ее составе главнокомандующий ВВС и ПВО Афганистана генерал-полковник Абдул Фаттах.

Горный кишлак Наматгути-Поен навис над самым Пянджем. Границей эту узенькую горную реку здесь считают только те, кто должен ее охранять. Из местных жителей государственную границу СССР не переходят только те, кто боится замочить ноги. Именно здесь рвались бомбы.

БОМБЫ С НЕБА

Наш вертолет сел прямо посреди кишлака. Перед нами стоял обуглившийся каркас автобуса, перевернутый грузовик. Рядом — обгоревшая женская босоножка. Сюда упала первая бомба. Мы подошли ближе. От ключев сгоревшей на ком-то одежды и сутки спустя пахло паленым. Воронки не было — скальная порода устояла перед взрывом. Военные после этой бомбардировки могли бы написать в своих рапортах, что разрушения незначительны, здания уцелели, хотя во многих из них ударной волной выбиты стекла, оконные рамы. Погибли четыре человека.

Свидетельствует Мулинтах Каландаров, житель кишлака: «Сначала мы услышали только звук самолета. Он шел на очень большой высоте со стороны Афганистана. Потом за нашими горами развернулся и начал снижаться. Сделал два круга над кишлаком. Раздался первый взрыв. А всего их было четыре. Две бомбы не разорвались. Их убрали военные буквально за десять минут до вашего приезда. И все осколки тоже. (Это, кстати, не так. На месте взрыва и после военных я подобрал осколок бомбы, который находится теперь в распоряжении редакции. — А. К.)

Районная больница Ишкашима. Говорит Нурджахон Нассреддинова: «В Намангути мы сидели и ждали автобуса на большом камне. Нас было трое. Одна — школьница Пайруза Галаматчиоева — хотела навестить родственников в соседнем кишлаке. Другая — Аслимо Миршарафудинова, 26 лет ей было, дочка полугора лет осталась сиротой — возвращалась из райбольницы. Слышала только звук самолета, а взрыва не помню. Из всех, кто там был, повезло только мне. (Она едва могла шевелить губами, все тело и лицо в осколочных ранах. — А. К.).

Все произошло так, словно нет у страны ни государственной границы, ни системы противовоздушной обороны: неизвестный самолет прилетел, отбомбился и, безнаказанный, улетел. И такое не в первый раз.

Потом он (командир Ишкашимского погранотряда подполковник Евгений Потехин — прим. Л.Б.) рассказал нам, что 4 июня пересечение государственной границы неизвестным самолетом они засекли в 10 часов 8 минут и через 4 минуты — его возвращение. Наряд, обнаруживший воздушную цель, должен в таких случаях докладывать дежурному по заставе и на пост ПВО. Но в связи с тем, что взрывом бомбы была повреждена линия связи, этого сделать не удалось. Согласно приказу, сообщили о случившемся в Душанбе. Вскоре после этого позвонил в часть помощник Президента СССР....

Вечером этого же дня президент Афганистана выступил с заявлением, в котором всю ответственность за случившееся взял на афганскую сторону, выдвинув версию о трагической ошибке летчика» (Андрей Колесников, «Московские новости», 16 июня 1991 г.).

«Из справки по фактам нарушения государственной границы СССР, представленной пограничниками корреспонденту «МН»:

«11 ноября 1979 г. в районе советского населенного пункта Нишусп два реактивных самолета с территории Афганистана нарушили границу воздушного пространства СССР и произвели бомбометание по вышеуказанному кишлаку. В результате разрыва двух бомб погибли из числа местных жителей 9 человек, ранены 15 человек» (Андрей Колесников, «МН», 16 июня 1991 г., с. 5).

Обратите внимание на эти даты: 4 июня и 11 ноября 1979 года — реактивные самолеты, залетевшие с территории Афганистана, бомбили кишлаки, расположенные на территории СССР. В результате погибли еще 9 советских граждан, а ранены 15 человек. «И такое, как сообщает Андрей Колесников, не в первый раз».

Постановление Политбюро СССР о вводе контингента советских войск на территорию Афганистана было принято 12 декабря 1979 года. Значит, это не Советский Союз напал на Афганистан, а напротив, Афганистан, в лице противников афганской революции, уверенных, что рано или поздно они придут к власти, не объявляя войны, исподтишко, уже начал вести военные действия против Советского Союза, чтобы поссорить Тараки с СССР и вывести Афганистан из-под советского влияния. И не прерви мы этот змеюшный ход событий вводом своих войск на территорию Афганистана, она, эта война, все равно была бы, и много народу погибло бы в южных республиках (и вовсе не те 10-13 тысяч советских солдат, оставшихся навсегда в землях Афганистана), ибо эту войну, как и во Вьетнаме, готовили и провоцировали в США.

Ибо уже 3 июля 1979 году, как нынче всплыло из публикаций на сайте Ассанджа, президент США Картер официально подписал указ, санкционирующий финансирование антикоммунистических сил в Афганистане. Совсем также, как потом будут подписаны в США документы о материальной поддержке врагов социализма в Советском Союзе.

Но почему это скрывалось от советской общественности?

Вот это пиар... Так что же происходило в МИДе СССР, если такая важная информация была утаена от общества? И была озвучена демократами только через два года после окончания войны, притом, без каких-либо комментариев.

Но... читаем «Московские новости» дальше. Перо в руки берет Давлат Худоназаров, как мы уже знаем, один из виновников будущей гражданской войны в Таджикистане. И он страшно гневается, что тогда в 1979 году свою вину за налеты на советскую территорию взял на себя президент Афганистана, хотя с точки зрения этого депутата и режиссера, «это были наши бомбы, сброшенные с нашего же самолета, — вот в чем ужас...». («По ту сторону Пянджа», МН, 16 июня 1991 г.).

Какие же основания для того, чтобы утверждать подобное? На этой же полосе Андрей Колесников приводит еще одно свидетельство бомбежки 4 июня 1979 года кишлака Наматгути-Поен.

«Бурбен Имхетиев, житель кишлака, служил в войсках ПВО: «Это был реактивный самолет серебристого цвета старого образца, Су-15 или Су-17 с короткими, скошенными назад крыльями. Бомбы — 250 килограммов каждая, осколочные, фугасные. 1947 года выпуска. На тех, что не разорвались, есть надпись «Made in USSR». («МН», 16 июня 1991 г.).

Во-первых, самолет-перехватчик СУ-15 не участвовал в афганских событиях. Самолет СУ-17, истребитель, не мог бомбить, так как не был к этому приспособлен. В военных действиях в Афганистане был задействован бомбардировщик СУ-25, по кличке «Грач», на нем еще Руцкой летал. Ну, а коль самолет якобы бомбил советский кишлак в горах, он же должен был снизиться. Тогда была бы видна красная звезда, чего Бурбен Имхетиев не мог не заметить. Но этого он почему-то

не вспомнил. Потому что Советский Союз продавал эти самолеты в другие страны, а те перепродавали их в третьи, и красная звезда им, конечно, была не нужна.

Во-вторых, никаким приказам бомбить собственные кишлаки ни один советский летчик не подчинился бы, даже под страхом военного трибунала, так была высокая мораль людей в то время.

И зачем советским летчикам сбрасывать бомбы на наши горные селения, на которых написано, что они сделаны в Советском Союзе да еще на английском языке? Зачем самолету, по свидетельству командира погранзаставы, улетать через 4 минуты назад в Афганистан? И откуда Бурбену Имхетиеву, жителю бадахшанского кишлака знать, что афганские самолеты не похожи на советские, если войны с Афганистаном еще не было? А рядом в 60-ти километрах Пакистан, вдруг оттуда залетели самолеты, а житель горного кишлака знает, видите ли, что и пакистанские самолеты не похожи на советские? А может вообще не существовало этого Бурбена Имхетиева, и этот свидетель — личная выдумка режиссера?

В 1979 году у нас были хорошие отношения с Афганистаном, в котором произошла социалистическая революция и глава которого, заодно и Генсек, Нур Мухаммед Тараки объявил, что в их стране социализм и бесклассовое общество будут построены за пять-семь лет. В 1978 году был подписан договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Но заместитель Тараки — Амин (аналог его, да еще в худшем варианте — Ельцин, всплывает через 10 лет в Советском Союзе, будто Амин в новом перерождении) так ретиво рвался к власти, что уже побывал в американском посольстве, из которого полетело в Вашингтон следующее сообщение:

«27 сентября 1979 г., Л» 7218 Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно.

Конфиденциально.

Тема: Визит поверенного в делах к президенту Амину.

На № 250412 и № 250278 из госдела.

1. (Полный текст документа — секретно.) 2. Сегодня утром я имел дружественную, непринужденную встречу с президентом Амином. Будучи весь обаяние и дружелюбие, он ратовал за лучшие отношения с правительством США. Никаких понастоящему серьезных вопросов не обсуждалось.

4. Амин держался непринужденно, был уверенным в себе и чрезвычайно дружелюбным. Нет никаких признаков, что он был ранен в перестрелке во Дворце 14 сентября, о чем поступали сообщения. Глядя на этого добродушного человека, было трудно поверить, что это он выживает от одного до другого заговора и достигает вершины. Когда я смотрел на него, я не мог не вспомнить, что только два года тому назад, в 1977 году, когда мы занимались одним из списков-прогнозов потенциальных лидеров, мы не включили туда Амина. Трудно также понять, говоря с этим дружески настроенным парнем, что он несет прямую ответственность за казнь около 6000 политических оппонентов...».

(Также дружественно и непринужденно будут потом держаться в американском посольстве спустя 10 лет на приемах Валерия Новодворская, Боровой и еще двести сотни крутых ретивых демократов, которые в 1991-1993 гг. то и дело туда бегала за советами, будто своей головы не было, как жить дальше, чтобы не паковать собственную страну? Но у демократов задача была такая же, как и у Амина: быстрее и ловчее свергнуть советскую ю власть. Для чего страна после 1991 года была наполнена им в помощь американскими советниками, будто легионом инстранных войск).

А тогда в 1979 году Президент Афганистана Тараки незадолго до своей гибели прилетал в Москву, был в хороших отношениях с Брежневым. Значит, бомбить советские южные кишлаки могли только враги афганского президента, кто уже знал, что вскоре его убьют не только из политики, но и из жизни. Бомбили советские таджикские горные селения те, кто хотел спровоцировать войну между Советским Союзом и Афганом. А поскольку американцы лишь на несколько часов опоздали с введением своих войск в Афганистан, значит бомбежки южных границ Советского Союза были организованы, вопреки воле афганского президента, их процэрэшной агентурой.

Подкупить и толкнуть на подлость, как мы уже знаем, в Пентагоне умели любого... кто желал поиграть в собственные крутые игры. Ведь воевали против советских войск в Афганистане и некоторые советские граждане, тайком через горы пробиравшиеся по ту сторону хребтов. О чем я узнала совсем недавно. Что только не сделаешь за деньги? Потом эти же граждане воевали уже и в Чечне против российских войск. Так что проамериканская агентура на территории Советского Союза для той несостоявшейся войны уже была, но практически выявила себя ближе к 1991 году активным рекламированием западного образа жизни, резней и погромами в южных республиках, организацией антисоветских тусовок, митингов, листовок, организацией захвата власти, лютым враньем на советскую власть по радио, телевидению, в газетах. Так что августовский переворот 1991 года в Москве был просто калькой с аминовского переворота в Кабуле.. Впрочем, скорее всего эта модель переворота была опробована американцами уже в десятках стран.

И Давлат Худоназаров, ни в чем не разобравшись (хотя бы на уровне своего творческого подсознания, хотя бы на уровне любви к своей стране), упорно твердит даже в 1991 году, что советскую территорию бомбил советский самолет. Зачем ему нужен был этот пиар? Неужто и Давлат был завербован? Может и его уже тогда использовали? Неужто некоторая интеллигенция южных республик давно навострила лыжи из нашего общего государства, потому так беззастенчиво врала уже в 1979 году? И уже тогда предавала интересы собственной страны.

Вот как характеризует Давлата Худоназарова, члена Московской межрегиональной группы от Таджикистана, его соотечественник Ахад Джахонгиров в своей статье «Нет худа без добра. Рогун и вредитель № 1»:

«На сессии Верховного Совета Таджикистана будущий первый президент страны Каххор Махкамов пытался убедить нескольких вдруг оказавшихся «демократами» и «экологами» депутатов в необходимости продолжения строительства Рогунской ГЭС, начатой в конце семидесятых годов. Но тщетно, ибо за этими перевертышами в те годы горбачевской перестройки стояли кишлачные писаки, работники радио и телевидения, целая орава любящих себя именно как с гор спустившихся «светломыслящих» (равшанфикрон), которые монополизировали «гласность» и считали себя бригадирами и мастерами «перестройки».

К.Махкамов тогда заявил: «Если мы не построим Рогунскую ГЭС, то наши дети не простят нас».

«Светломыслящие», которых приходилось сто кишлачных на одного городского, особенно активно использовались детским кинорежиссером Давлатом Худоназаровым, ставшим впоследствии первым номером среди них. Будучи народным депутатом СССР, избранным от общественной организации (Союза Кинематографистов СССР), он режиссировал деятельность «равшанфикронов», использовал свои связи в артистических кругах Москвы для занятия первого поста в республи-

ке (благо шуты всегда были вхожи к властителям страны) и не брезговал никакими средствами.

Одним из этих средств увеличения своего влияния и был вопрос о строительстве Рогунской ГЭС. Д. Худоназаров пригласил в Таджикистан первого заместителя председателя Госстроя СССР — министра СССР Бориса Ельцина и лично сопровождал его до Рогуна и обратно. Это было в 1990 году. По всей дороге и обратно не только дыни ели и пили родниковую воду, но и охаивали «ленинабадское» руководство Таджикистана, которое не хочет достроить Рогунскую ГЭС и тем самым показывает «свою антинародную сущность. Интриган до мозга костей, Д.Худоназаров для достижения своих целей не брезговал ничем». (djakhongirov@mail.ru).

Естественно, что после встречи с Ельциным перед Худоназаровым стояла задача лгать на Советский Союз до бесконечности, что он и делал, утверждая на страницах «МН», что советские кишлаки на границе с Афганистаном бомбили, видите ли, советские самолеты. Также, как Зорий Балаян, автор карабахской бойни, на страницах своих книг уверял армян, что карабахцев расстреливала Советская армия. Сами же в это время «творцы» норовили пробраться во власть как можно выше. ... Вот это интриганы! Вот это... сценарий! Сценарий предательства собственной страны сценаристом и лучшим собкором «Литературной газеты».

Журналист Мирбобо Миррахимов в это же время врал, что Советский Союз собирается продавать таджикский уран враждебной стране — Афганистану.

Это такая грязная ложь против Советского Союза, что явно напрашивается мысль о заведомом сговоре с противником.

Так за что же сотрудники Комитета Государственной безопасности получали зарплату? А МИД? Что за странная конвергенция с враждебными нашей стране государствами? Хотела бы я получить иное утверждение, чтобы с таким тяжелым разочарованием в людях не уходить бы из жизни.

И получается, что во имя этого предательства и для оправдания в недалеком будущем жесткого геополитического передела пространств за счет нашего государства, и были сотворены мифы о благополучии таджиков в древности, творились в мечетях антисоветские проповеди, создавалась журналистика самонадеянных котов, использовались межсоседские нелады. И даже ребятишки в детских садах для этой грязной цели были задействованы. А уж поэты... недалекие и глуповатые, прямо вывернулись наизнанку в своих подлых наскоках на страну, которая на своих ладонях протягивала им их же книги с огромными тиражами

Что же еще было в справке по фактам нарушения государственной границы СССР для газеты «МН»?

«7 ноября 1988 года два реактивных самолета с территории Афганистана произвели боевой разворот над кишлаком Ишкашим и осуществили бомбометание. В результате две бомбы разорвались на советской территории в районе кишлака Рын.

4 апреля 1989 года один реактивный самолет из республики Афганистан, выполняя боевую задачу по нанесению бомбо-штурмового удара. В связи с потерей ориентировки, осуществил залет на территорию СССР до 15-20 километров. Когда закончилось горючее, самолет разбился.

4 сентября 1989 года в районе кишлака Самур два реактивных самолета во второй половине дня произвели бомбовый сброс на советскую территорию, 2 бомбы разорвались. В результате разрушены ЛЭП и линия связи» (Андрей Колесников, «МН», 16 июня 1991 г., с. 5).

Вывод советских войск из Афганистана был осуществлен 15 февраля 1989 года, а бомбежки советской территории, судя по справке пограничников, продолжались еще и 4 сентября 1989 года... Не эти ли бомбежки – твердое доказательство того, что войну начали, а потом и не хотели ее завершить афганские моджахеды, которые и после ухода советских войск врывались в Бадахшан для расстрела советского таджикского населения? И в Афгане таджикские исламисты находились потом на излечении, на военных базах которого их снабжали оружием, наркотой, военными инструкциями. Да и сами моджахеды принимали потом участие в кровавых акциях на стороне исламистов.

Значит, страдать Таджикистану от грабежей и терактов, организованных военными исламскими группировками вкупе с афганскими моджахедами до тех пор, пока не восстановится Советский Союз и крепко-накрепко не закроет границы.

Легенда гласит: высоко в горах охранял пещеру, полную бадахшанских сокровищ, огромный и страшный дракон, который не любил окрестные кишлаки и очень обижал местных жителей. То скот у них заберет, то юных девушек. Глядь, мальчишку со скалы скинет.

Собрались как-то люди за дальней горой, провели совещание и решили послать против дракона богатыря. Конечно, битва была жестокой. У дракона много голов, а у богатыря — только сабля. Но он так ловко ею владел, что одолел-таки чудовище.

Жители обрадовались, приготовили плов в честь победителя, позвали музыкантов с карнаями, которые трубили о своей радости на весь Бадахшан!

— Ну, что ж ты там задерживаешься? Спускайся! Тащи сокровища, они нам так нужны! Дорогу построим...

Зашел богатырь в пещеру, глянул на сокровища, еще раз вышел на скалу, кинул взор на мелких, копошащихся далеко внизу каких-то неприкаянных людишек, проследил над горой полет орла и сказал себе:

— Зачем я буду этим идиотам отдавать огромную пещеру золота! Это все теперь — мое!!! Я победил, и богатство — мое!

И только он это произнес, как люди мгновенно в ужасе прикрыли головы... На них опять летел дракон, но только с лицом прежнего односельчанина. И много молодых людей вновь в битве с чудовищем на этой скале погибло. Ибо каждый раз победитель говорил одно: «это — мое!». И... превращался в дракона.

В тот год, когда я прилетела в Таджикистан, наконец-то в республике заработал Таджикский алюминиевый завод, и вот первая прибыль — 103 миллиона долларов. Рабочие невероятно обрадовались, наконец-то они принесут в дом достойную зарплату. Но вскоре 100 миллионов долларов были переведены на чей-то личный счет в швейцарский банк.

— Ну, понимаете, — шепотом передавали люди друг другу, — ну, это... Сам... Верхний...владелец завода. Он и перевел. Что можно против него сделать? Ведь только что прошла война, столько людей погибло. Неужели опять перестрелки?

Так Победитель в последней войне тоже превратился в дракона. Не пожалев народ, с которым шел к победе.

Безработица волнами выхлестывает таджикскую молодежь через хребты ради мелкого куса хлеба в чужие страны, в которых ютится она в холодных грязных подвалах, хватает СПИД, туберкулез. На чужбине парни теряют своих девушек,

забывают о матерях. А то и жизни свои теряют, расплачиваясь за прежнюю глупость и подлость своих... отцов. Поднявшихся когда-то стеной против страны, которая давала работу каждому. У себя дома.

Ну, а теперь в трюме каждый день улетающего из Москвы в Душанбе самолета среди чемоданов и баулов непременно кто-нибудь возвращается домой в гробу. Итого в год почти 600 трупов. Как будто в бою. В России

тоже теперь некоторые борются за свою независимость за счет убийства какого-нибудь... прохожего. И в России нынче не с мерзостью распоясавшегося капитала борются, а с его рабами. Желательно с очень одинокими и беззащитными.

Бумеранг вернулся. Но скашивает он почему-то не виновников тех страшных событий, а нынешнюю — самую невинную и безработную поросль, которой при частнособственническом, микроскопически мелком устройстве жизни просто деваться некуда. В новых, скороспешных государствах заняться им абсолютно нечем. Предприятия расхвачаны по друзьям и знакомым, но чтобы запустить их производство, нужны немалые капиталы. Но где их взять? Потому бежит молодежь в Россию, чтобы приклонить свою голову хоть к чему-то, но здесь свои безработные, отчего лишние кандидаты вызывают явное раздражение.

Есть, конечно, выход из положения. Можно спасти людей хотя бы от обоюдной злобы. Путь этот — не самый кардинальный, конечно, но способный хоть на какое-то время помирить народы.

Потому всем нашим южным республикам не кичиться бы под карнаи своей независимостью, а повести себя умнее и скромнее: принять закон о втором государственном языке — русском, благодаря коему оставшиеся в новоявленных государствах русские, украинцы, татары, почувствуют себя тут равноправными и равноценными гражданами. Извиниться бы за все выдвинутые, униженные и растерзанные жизни, и прилюдно, в печати, по телевидению попросить и Россию отнестись достойно к ее гражданам...

Глядь, изменилась бы ситуация. Смягчились бы сердца. Но люди в русских глубинках видят пока одно: от России на данном этапе жизни — все, а в ответ по отношению к русским же и там, и здесь — кукиш под нос.

Однако виноваты в таком раскладе сил не простолудины, а капитал, которому во всех странах мира нужны самые малооплачиваемые, которым легче всего за труд не заплатить и в любой момент дать пинка.

Благодаря этому капитал и процветает. Итог его трудов: в России за 20 лет не досчитались 17 миллионов человек, на Украине — 5 миллионов, то есть, каждого десятого. Как в войну. Однако ни одному новоявленному государству Америка, опутавшая займами весь мир, не позволит принять этот необходимый народам

закон о втором государственном языке, хотя на своем пространстве хвастает подобным же многоязычием. И любой президент тут же будет уничтожен, как только позволит себе прислушаться к воле народов, а не к воле страшного политического монстра, многопудовой тушей своей нависшей над жизнью всех нынешних племен и народов.

— Найдется ли такой человек, который победит дракона и притом не позарится на его богатства? — спросила я у таджикского сказителя. — Будет ли когда-нибудь у каждого жителя нашей страны нормальная жизнь? Где же найти такого Героя?

— Был у нас такой Герой! — тяжело вздохнув, ответил сказитель. — Был... Это социализм, благо для всех. Но мы сами такой принцип жизни отвергли. Оглянувшись на фальшивые чужие богатства... Вот и превратились в дракона. Каждый из нас теперь жаден и жесток, не желает видеть дальше своего носа. Каждый теперь — большой глупый дракон, который сожрал будущее.... собственных же детей.

— Но ведь сотовые телефоны теперь у многих, значит, живут как-то, и, видимо, неплохо, — пыталась возразить я, вспомнив, как в аэропорту Душанбе уже через минуту после прилета пассажиры с радостью сообщали многочисленным родственникам о своем прилете.

Оппонент видно над жизнью думал много.

— Но дозвонились-то мы по ним куда? — спросил он меня, грустно улыбнувшись.

— Как куда?

— Видела на центральной площади коня и его всадника? Его в Душанбе после 1991 года поставили.

— Да, памятник Самани. 9-ый век. Мавераннахр. Саманиды в это время захватывают почти всю Среднюю Азию, делают столицей Бухару. И, как говорят нынешние школьные учебники в Таджикистане, многого добились для процветания своего царства, «объединив труд свободных людей и рабов».

— Выходит, равняемся на ту эпоху? Как рабам тогда жилось, кто-нибудь подумал? — спросил меня оппонент и добавил горько. — Значит, только до гробницы древней мы по этим сотовым и дозвонились. Падишах тот, которого мы потревожили, глаза от удивления протер и спросил, чего от меня надо? Как мы жили, спрашиваете? Чужие ханства захватывали, всех себе подчиняли. От этого и богатели. Храбрые воины головы наших врагов приносили нам в мешках, после чего делали из них пирамиды. О каких правах человека вы говорите? Тьфу! Что такое один человек? Кто хану мог возразить? Рабы с кетменем работали, а мой диван все контролировал. Не послушался — секир-башка... Кетменей у вас много, рабов сколько, воинов сколько?».

Мы ему объясняем:

— Цивилизация кетмень давно на помойку выбросила.

— А рабов?

Парламентеры, сплошь теперь в костюмах от Армани, не то что падишах в шмотье от придворного портного из ближайшего переуллка, замялись. Вроде по Конституции нет рабов, но стоит заглянуть на рынок, скольким тележечникам за труд не платят, да еще физиономию кривят, мол, за что платить, если ты плохо работал? Сами же депутаты немало лавочек на этом же рынке имеют.

— Нет рабов! — смело произнесли они, чтоб не позорить свою эпоху. Чтобы подретушировать светлый лик любимой демократии, заключающейся, правда, только в одном: что хочу, то и продаю. Что хочу, то и хватаю. Тут даже ветры над

Гулизиндоном могут в дело пойти.

— Ну... — сложил руки на животе падишах и грозно глянул на незваных гостей. — По мордам вижу, что врете. Совсем как и мои подданные. В чем тогда прогресс, бесстыжие? К чему меня беспокоите? — возмутился он и спросил ехидно: — У вас нет своих мудрецов? Поговорили бы с теми, кто хоть рядом с вашим веком жил. Найдите какого-нибудь бессеребреника. Такие всегда честные советы дают. За это мы их слегка укорачивали. Чтоб такими же толковыми советами не помогли бы и нашим врагам. Ах, у вас теперь таких нет, вокруг одни идиоты? Тогда где ваш чиновник с пером? Пусть напишет бумагу: «Памятники, вызванные какими-то нечистыми духами из наших гробниц, пусть на конях скачут назад в наше драгоценное прошлое. А глупцов, которые вызволили нас из нашей достославной эпохи, выгнать из вашего дивана вон, отнять земли и обезглавить!».

Испугались парламентареры, которые еще вчера с красными флагами ходили, а сегодня схватили в руки зеленые с полумесяцем, мол, к аллаху так ближе, вай, вай закричали, и вприпрыжку в двадцать первый век назад примчались. И так торопились от страха, что за пять минут десять веков миновали. По сей день отдышкой страдают, потому ничего толком в парламенте решить не могут.

— Выход какой, дедушка? — спросила я у удивительного сказочника.

А дед и не думал долго, выпалил сразу:

— Ленина читай! Кроме социализма, ничто наши проблемы не решит. Нет рыночной экономики. Есть только плановая. Или средневековая. Не подчинился наглому, значит, ему плевать на твоих детей и тебя. Так что конвергенцию со средневековьем, хоть и не пожелал нам этого Самани, Таджикистан прошел успешно. На пять с плюсом! И глобализма никакого нет. Нам показали новые игрушки — компьютер, сотовые, и пока мы ими наиграться не можем, то есть, отвлечено наше внимание, в доме у нас шарят и все, что им нравится, выносят. Компьютер — это глобализм? Это передача информации с большей скоростью, чем мы к этому привыкли. Интересы-то остались прежними: геополитические, военные, в общем, как и прежде, кто кого...

— Значит, как и прежде — вражда?

— Не от нас она идет. Как мы в Советском Союзе жили? Дружба народов — это божественный лозунг. Мы под этим лозунгом победили гитлеризм. А ваххабиты — это ислам в сионистском обличье. Они самосвалом закапывали своих жертв и по телевизору это показывали. Их бы на отдельный остров — подальше. Они же не люди. Моего друга, учителя, встретили в Рамитском ущелье, предложили уйти вместе с ними, вот тебе оружие, говорят. Раджаб отказался. Тогда они ему стреляли в спину. Он упал на зубья сеялки. И так три дня лежал. Ваххабиты бросили Раджаба и ушли. Видели, что он на зубьях лежит и ушли. Я разве так со своим врагом поступил бы? Мы во время войны даже гитлеровцев лечили. Вот это было по Богу. Потому мы и победили.

— А вы кто дедушка?

— Думаешь, ибн Хоттабыч? Нет. Ибрагим Касыров я. В молодости был главным зоотехником колхоза «Москва», потом его — председателем. Пенсия у меня теперь — 20 сомов. На ваши российские деньги что-то вроде 100 рублей. Почему у меня такая пенсия?

Он впился в меня глазом, посмеивался и ждал, что я сама обо всем догадаюсь.

— Мы очень богатыми были. Завидовали нам. Потому весь мир охотно ломал и раскулачивал Советский Союз. Все отняли, а потом, как в древние времена, секир-башка нашей стране сделали. Целой стране! Какие ж мы глупые... Подста-

вили шею. Это был настоящий захватчик — невидимый и неуловимый, как смерч. Потому мы по сей день его не и видим, хотя он каждый день что-то выхватывает из наших рук.

— Да, в 1941-ом страна отбилась. А нынче? Новую битву не распознали. И ресурсы были, и оружие... Да ума не хватило. Стратегического. И нравственного. Оно почему-то оказалось лишь у единиц. Но кто послушал этих умненьких? Совсем как в ханские времена. Вот и скажут теперь по нашим площадям на огромных каменных конях не только древние падишахи (своих героев-то мы изгадили) но и ветхие, средневековые, грабительские, давно ушедшие при социализме в прошлое, мерзкие параметры жизни.

— Умные звонят только в будущее, а мы обернулись и внимательно, долго-долго, с умным видом разглядываем самые ветхие эпохи, в которых человечество лишь нащупывало, лишь нарабатывало главные постулаты жизни, исключившие в дальнейшем из обращения все звериные нормы вчерашнего дня.

Михаил Бурлаков, автор статьи «Кто в России «внесистемный»?», рассказал о том, как «в лихие девяностые» везде, где только можно, в собственной стране убивали русских.

Я же в очерке «Как убивали «Красную гвоздику» рассказала о том, как такие ба-старды от политики, как Ельцин, Собчак, Старовойтова и прочая их команда, спровоцировали эпоху, в которой у простого человека отнимали все, что только можно было отнять. И убивали всех, кого только можно было убить во имя процветания такого идола многих веков, идола больших и малых князьков, как частная собственность.

После социализма капитализм в России почему-то не получается. Он просто существует, но не живет, не развивается и не ведет за собою народы. К тем сияющим вершинам, на которых хоть для быта чего-то и не хватает, однако все для каждого одолимо и гармонично.

От нынешней эпохи не веет теплом и добром. У нее нет ни одной Великой идеи. Она против природы человека, и больше похожа на сорвавшегося с цепи пса, который не успокоится, пока всех в округе не покусает, за что и получит в итоге душной по лбу вкупе с контрольным выстрелом.

Социализм — это другая цивилизация, другой принцип жизни, совершенно иной менталитет у народов. Перекрыть, переделать такой огромный конгломерат жизни на такой огромной территории, как Советский Союз, невозможно. Потому и выпустили на территорию нашей страны из загажников ЦРУ и британской разведки вначале бультерьеров от литературы, которые настойчиво внедряли в людское сознание идею, что надо отбросить от страны «подбрюшье» России, потом...

И Курилы не нужны. И Крым. И к чему России быть на Кавказе?.. И вообще, зачем мы — человечеству? Без нас же лучше.

Вскоре выплыли из преисподней бультерьеры от религии, которые стали уверять граждан, что право на хорошую жизнь имеют только мусульмане. Остальным — конкурс шахидок.

Иегова закрутилась, затаскивая к себе людей с квартирами, а выпуская их лишь в подстанниках. И без мозгов.

Сионизм спешно ковал в России кузницу кадров для Израиля, превратив синагоги в школы по изучению иврита, раздаче гуманитарной помощи только «своим», и по подготовке людского сознания к отъезду в Израиль или в любую другую страну мира, лишь бы предать свою Родину.

Христиане тоже отличились суетливостью. Вместо строительства детских са-

дов, школ, нужных гражданам предприятий, навязывают стране диктатуру необходимости только церковных подворий. Неужели предвидят конец света и миллионы гробов, которые отпевать надо бы в комфортной обстановке — под крышей? А не на морозце и в слякоти.

Храм — это добротное подворье для мертвых. В часы последнего пребывания на земле. Храм для живых — завод, школа, университет! Это кафедра! Не эзотерики. С другим, активным, мощным, деятельным пульсом жизни. А не с откинутой в слезах головкой на кресте.

Наконец ворвался в нашу жизнь самый боевой отряд — бульдоги от политики. Чужой, конечно, политики. Для которых дележка нашей страны на мелкие куски — будто кусок халвы для голодающих. Главное, быстрее зачистить территорию от той Родины, которая им больше не нужна. От народов, которые столько лет кормили их своим хлебом. И от всех тех, кто не умеет хапать и «глотать суверенитеты»... Большие ли, маленькие, главное, чтобы их было, как рекомендуют всему миру британские разведки, целых шестьсот. Эта воплощенная в жизнь наработка под руководством чужих и руками своих и растерзала нашу «Красную гвоздику».

— В Советское время наши города и кишлаки сияли по ночам вдоль берегов Вахша, так здорово мы обеспечили себя электричеством, — рассказывали мне с сожалением душанбинцы. — Теперь из страны все вывозится, продается, и в ночи сверкает огнями уже Афганистан. А мы, таджики, всю зиму живем нынче в холоде и во тьме.

Вот каково народу, на вершины которого взгромоздились жадные драконы.

— Думаете, это только у нас? Я приезжал в Москву уже после развала Советского Союза на один из Конгрессов народов СССР, — делится со мной своими воспоминаниями Суфи Алоев. — Еду в метро, устал, присел. В вагон зашла пожилая женщина. Я уступил ей место. Отошел в другой конец вагона. Так меня схватил за грудки какой-то огромный, лысо стриженный амбал, приподнял над полом и зашипел:

— Ты зачем, чурка, ей место уступил? Она должна стоять, эта старая с...ка! Она должна сдохнуть! Быстрее. У нас же из-за таких реформы не идут.

— Почему левые силы в Москве больше не собирают представителей наших народов на Конгрессы народов СССР? — Спросил меня Алоев и сам ответил на этот вопрос: — И в левых кругах высотки вокруг тоже заняли драконы...

Недавно появилось сообщение, что боевики, не признавшие мира, опять хотят вернуться к войне и в горах из пулеметов и гранатометов расстреляли колонну из 75 солдат таджикской армии, из которых погибли 40 человек, 10 — ранены, 25 пропали без вести.

Боевики эти, как утверждает местная печать, были из банды мулло Абдуллы, не того ли, которого в свое время критиковала убитая моджахедами Шарифамо Кишвардухт?

«В 2000 году правительственные силы Таджикистана провели операцию по нейтрализации банды Абдулло. Основная группа была разгромлена, однако Абдулло с ближайшими соратниками удалось тайно перебраться в Афганистан, где он воевал на стороне талибов, — сообщают нынешние издания. — Мулло Абдулло появился в Тавильдаринском районе, в своих родных местах в начале года, длительное время просто ездил по кишлакам, встречался с людьми. Теперь же приступил к активным боевым действиям, и довольно успешно».

Когда читаешь информацию о том, что прощенные боевики не сложили оружия... Поневоле вспоминаешь Сталина, который всех власовцев протасил сквозь

тюрьмы и лагеря. Чтоб из всех выпустить воздух ненависти, чтоб никому не захотелось потом после выхода на свободу бузить, мутить, кого-то расстреливать, с кем-то еще сводить счеты. Потому и жили мы спокойно после тяжелой войны целых полвека.

А вот что о судьбе беженцев пишет расстрелянный исламистами Чори Мирзоев в своей повести «Правду не сломить!»:

«15 ноября оппозиция угрозами сумела заставить народ переправиться на афганский берег. В этот момент активно действовали боевики Алимунтака в составе 60 человек. А какая трагедия разыгралась во время переправы! Боевики на глазах у людей расстреляли 20 человек, не желающих переходить через границу. Вообще же при переправе погибло более 4000 человек, в основном старики и дети.

Не поспей представители ООН, трудно сказать, насколько трагичной оказалась бы судьба этих несчастных людей...

«При переправе через реку некоторые беженцы потеряли своих малолетних детей, которые были унесены сильным течением».

«...Увидев, в каких условиях живут беженцы, я был до глубины души расстроен. Особенно плохо выглядели дети и старики. Встретил многих старых знакомых, в районе они ходили как удельные князья, а здесь просто жалко было смотреть на них, настолько исхудали и сгорблены были они.

...Большинство выступавших высказались за возвращение на родину. А 80-85 процентов престарелых готовы были немедленно возвратиться на свои исконные земли. Но были и другие, которые отговаривали людей. Это были те же сторонники оппозиции. Но люди говорили: не оставляйте нас здесь, не оставляйте...

...Обнако это не означает, что те, у кого руки обагрены кровью, кто повинен в смертях многих тысяч безвинных людей, будут прощены. Их нельзя прощать, как того требуют некоторые члены вооруженных группировок. Они перед судом должны сполна ответить за свои злодеяния. Это будет самая настоящая справедливость. Так было во все времена, во всем мире — виновные несли наказания.

У нашего народа широкая натура, может многое простить. Предки наши приучали нас к этому. Но всему, в том числе и прощению, есть предел. Преступления также имеют предел. Я не могу представить себе, как можно простить тех, кто без разбору убивал и старых, и малых, женщин, кто, развязав ради своих корыстных целей братоубийственную войну, принес своему народу столько горя, равного которому не знала история таджикской земли».

Если бы книга Чори Мирзоева «Правду не сломить!» была бы массовым тиражом опубликована в России, затем переведена на многие европейские языки, думаю, исламисты не посмели бы поднять головы выше валяющегося на грядке кукурузного початка, но этого не было сделано, несмотря на мои многочисленные обращения к некоторым политическим лидерам, то они попрежнему ощущают себя героями. Да еще какими!

«Все закончилось неожиданно, — пишет на сайте временно вернувшийся в Душанбе Искандер Аманжон. — Вскочив из-за стола, парень метнул чайник с заваркой в Саттора. Выставив ладонь, я изменил направление, и чайник пролетел мимо него. Другие гости схватили несдержанного парня за руки и вывели из квартиры, а тот, не останавливаясь, как заведенный, уже во дворе дома продолжал изрыгать хулу в адрес хозяина квартиры. Саттор сказал, что парень был ярым исламистом.

Позже похожего на него человека я встретил в Афганистане в госпитале города Шибегана. С горящими от ненависти глазами он иступленно твердил, что ни за что не вернется в Таджикистан, что если афганские власти его выдадут, он на-

ложит на себя руки. «Да простит меня Аллах за это, но с этими неверными собаками мне не по пути». (Искандер Аманжон, «Забытая гражданская война в Таджикистане»).

Как видим, простые люди для ваххабитов-исламистов просто «неверные собаки». Впрочем, как и для наших олигархов, не желающих платить рабочим заработанное, заботиться об их пенсиях, строительстве детских садов, школ, думать над проблемами армии и обороны. Разве у олигархов не тот же стиль, что и у ваххабитов? А у Валерии Новодворской, заявившей, что у России только два пути: если не на Запад, то в могилу? А поскольку на планете еще не было Нюрбергского процесса над разрушителями Советского Союза, над убийцами нашей коллективной «Красной гвоздики», кто под предлогом религии или нехватки демократии, угробил в том или ином виде миллионы людей, чтобы захватить заработанную гражданами СССР собственность, то бед на нашей земле будет еще немало. Что и подтверждают новые вылазки исламских бандформирований в Таджикистане, захваты предприятий в России, взрывы в московском метро, убийство милиционеров в Дагестане, выселение жильцов из квартир и общежитий, начинающий набирать крутые обороты отъем детей у бедных родителей, массовая стерилизация женщин в Узбекистане.

А жаль... Кому же хочется быть Касандрой? Но трудно ли в наше время ею быть?..

Ибо все, что было при социализме, высмеяно и отвергнуто. Однако без нашей коллективной «Красной гвоздики» живем все хуже и хуже

А СОВЕТСКИЕ УХОДИЛИ С ДОСТОИНСТВОМ!

Летом по ТВ продемонстрировали кадры о том, как некрасиво израильтяне уходили из Палестины, плакали, били все подряд, пытались даже выкинуть в окно самое дорогое — собственного сына, прятались в синагоге.

А земля-то чужая, и ссылка на Бога, ссылка на узаконенность мифов — в данной ситуации, когда грабили других, когда изгоняли палестинцев из домов и из их же Родины, выглядит очень подло. Во-первых, Бог — не юридическая инстанция, а миф. В первую очередь, об иудейской исключительности. Для иудейских ортодоксов очень выгодная выдумка, ловко, через религии, навязываемая на протяжении тысячелетий всему человечеству.

Люди всех пластов населения во всех уголках земного шара во все века не принимают эту одностороннюю установку, отбиваются, как могут от фальши, которую им навязчиво и нагло втюхивают через подсознание, через художественные религиозные образы даже в христианстве и мусульманстве. Много веков противники и сторонники иудейской исключительности бьются в невероятно сложной психологической драке, когда противник, будто вирус, вроде рядом, но невидим, и приходится иной раз безобразно молотить по воздуху руками. Когда же одна из сторон попадает в цель, противник тут же обнаруживается и начинает визжать: «Антисемитизм, расизм, несправедливость!..». Но в кодексе мировой культуры почему-то так и не зародилась статья об осуждении агрессивной навязчивости религиозной лжи.

Миллионы жертв среди иудеев, христиан и мусульман всех прожитых челове-

ством тысячелетий — вот трагический результат этой выдумки. А впереди жертв — не меньше, ибо «исключительный», капризно теперь надув губы, обвел рукой Палестину и заявил: «Все мое! А вскоре и от моря до моря — тоже мое!».

«Мое, — сказал Максим Горький, — слово звериное!».

И в XXI веке мы видим звериную драку за то, чтобы овладеть чужим. Отчего в данной ситуации «исключительный» так напорист и хитер, что уже все человечество его стараниями делится на мусульман и тех, кто против мусульман, а фактически на тех, кто хочет овладеть природными богатствами арабских стран. Но арабы тоже могут сказать, что нефть им Всевышний даровал, и этот подарок такой же священный, как и иудейский ковчег, к нему также никто не имеет права прикасаться.

Однако иудейско-христианский мир не собирается считаться со святостью чужих ценностей, тем более что обладание им сулит большую выгоду. Весь западно-иудейский мир обточил зубы, желая им овладеть, совсем так же, как участники крестовых походов грабили некогда и свои и мусульманские страны.

Запад не любит, чтобы то, на что он положил глаз, принадлежало другим. А нынешние израильтяне, объявившие палестинцам войну лишь за то, что те существуют на свете и мешают им, видите ли, процветать на земле, на которой их не было целых две тысячи лет, передовой отряд этого дикого хамского наступления на Восток под предлогом, что все вокруг — им нужнее, ибо дарственную на все это им когда-то выписал их бог Яхве. Но согласовал ли Яхве свое решение с богами других конфессий, знаем ли мы, что по этому поводу сказали боги Шумер, древнего Египта, что решила Высшая составляющая Вселенной — Солнце, которое, в свою очередь, равно греет или не греет всех?

Но ортодоксы категорически не принимают реальность. Их не устраивает иная установка Всевышнего: коль на планете живут и другие народы, значит Бог эту Землю, как справедливый отец, будто квартиру, предназначил и другим своим детям, а не только тому «единственному», который много наговорил о собственном превосходстве, который в журнале сам себе поставил пятерки?

Положим, Бог лишь одному народу что-то величественно презентовал. Тогда позвольте спросить, почему дал такую крошечную территорию, по величине — лишь в два-три подмосковных совхоза? Почему позволил народу уйти из родного дома на целых две тысячи лет? Почему возврат каждого сантиметра «жилплощади» под государство Израиль дается израильтянам жесточайшей ценой: морем обоюдных слез, океаном обоюдных трагедий?

Так может данная религиозная установка не имеет под собой никаких реальных оснований? Она же насквозь фальшива, и никак не отвечает цивилизационной основе человечества. Той незримой, никем не написанной Конституции, сложившейся по воле сонма полититических многовековых сил, статьи которой тоже, в свою очередь, незаметно, но упорно и жестко управляют всем человечеством, координируют все его поступки на протяжении тысячелетий, и рано или поздно все расставляют по своим местам, как бы этого ни хотелось той или иной воинственной группировке в руках.

И эта Конституция всех времен и народов явно диктует иной пункт: зачем в такой ситуации насилловать весь мир, зачем изо дня в день копать столько могил для своего и чужого народов, мол, ребята, живите дружно. Это же подтвердил и бывший президент Израиля Эхуд Барак, хотя на руках его тоже было немало чужой крови. Но ретивые националисты за признание ненужного им постулата мгновенно смели его с высокого политического поста.

Шарон, когда был на должности обычного простолюдина, тоже начал с терроризма. На совести Арика «Бульдозера» (кличка Шарона в Израиле) резня в палестинских лагерях Сабра и Шатила. Спустя много лет он же породил новый виток обоюдного экстремизма, когда в роли претендента на президентское кресло вошел на Храмовую гору и провозгласил от имени израильтян, что мол, все это только иудейское! Однако позднее и Шарон понял глубину мысли ставшего вдруг политическим голубем Эхуда Барака. Ибо жизнь, дав Бараку и Шарону в президентском кресле большой политологический и цивилизационный обзор, ткнула их обоих мордой в собственную, сотворенную ими же парашу, от которой они тут же в ужасе попятились.

К счастью, они поняли и признали глубину своей неправоты. Потому, когда выселяли израильтян из сектора Газа, Арик рыдал не только из-за страданий выдворяемых поселенцев, перед тем незаконно вторгшихся на чужую территорию, но оплакивал, хотя никогда в этом не признается, и собственную жизнь, ибо молодость Шарона была потрачена на то, что отвергла его собственная же старость. Не хотелось бы желать, еще кому-то повторить такую же судьбу. Впрочем, эта же участь ожидает и российских демократов. Всех поголовно. В первую же очередь тех, у кого осталась еще совесть, хоть щепотка ее.

«Я 35 лет прослужил в Армии обороны Израиля и знаю, что военного решения противостояния с палестинцами нет, — говорил в свое время Эхуд Барак. — Да, Израиль победит в любой войне. Да, у Израиля самая сильная армия от Севастополя до озера Виктория. Но после того, как Израиль похоронит в очередной войне тысячи сыновей, а враг — десятки тысяч своих, все равно придется вернуться за стол переговоров. Такова горькая правда.

Я готов сражаться за мир, как на поле боя. Я считаю войну катастрофой, которую нельзя допустить. Я хочу, чтобы израильские дети больше никогда не гибли в войнах. Я уверен, что этого же хотите и вы», («Новое русское слово», Нью-Йорк, 7.2.2001г.).

Эхуд Барак ошибся: «этого же» пожелали не все. Граждане Израиля в свое время не послушали прозревшего вдруг человека, который ценой проб и замешанных на чужой крови ошибок, познал Истину. Однако она, эта цивилизационная установка, истина всех времен и народов — не грабь другого, сама догнала «непомерно исключительных», попросив их удалиться с чужих территорий, и руками израильских же солдат начала выдавливать их из прежних строений, предоставив возможность занять другие дома и обживаться в них на здоровье, однако по другую сторону границы.

И мы увидели, как некрасиво уходят израильтяне из сектора Газа, вздымают в ярости кулаки, плачут, унижаются, заглядывают с гневом в телевизионные камеры, в полной уверенности в том, что их в этом несправедном сопротивлении поддержит весь мир.

Уж нет!...

Глядя на эти позорные для израильтян кадры, я вспоминаю, с каким достоинством, задавив в себе глубокую боль и не разбив ни единой электрической лампочкой, уходили в изгнание миллионы советских людей всех национальностей, большинство из коих были русские, в совершенно неизвестную для них будущую судьбу. Из тех краев и республик, где демократы, а на самом деле грабители, разрисовавшие свои физиономии под демократов, взорвали мир и дружбу между народами, заразили коренных местных людей бациллами национализма, бациллами такой же исключительности и жадности.

Миллионы советских беженцев, скромных, неприхотливых, на глазах всего человечества безмолвно, выплакав свои слезы только в подушку, уходили фактически в пустыню, где никто и никогда не выстроил для них ни одного дома. Помнится, моя бывшая соседка сказала как-то в сердцах: «Вот уеду и выкручу даже лампочки».

— Во-первых, ты их не достанешь, квартира у тебя с высокими потолками. Вторых, ни к чему, — ответила ей подруга. — Уедешь, а местные пенять будут, мол, вот вы какие, русские, одним словом, варвары...

Всхлипнув, женщина стала медленно готовиться к отъезду из квартиры, в которой прожила более 50-ти лет: спрятала в баул рукав от старого пальто, как замечательную память о своей молодости, потом спинку от голубого платья, которое носила в первые годы после войны, а главное, фотографии... Все до единой, вот из этого нажитого не оставила ни одной.

В итоге... ни одного взорванного дома в республиках, ни одного ненароком оброненного моста, ни одной разрушенной фабрики. Среднеазиатским, кавказским, прибалтийским народам осталось все, что совместно было нажито.

Русские ушли красиво. Даже одинокие женщины уходили по-мужски: оставив все, взяв с собою лишь необходимое.

Отъезд миллионов советских людей из республик был огромной для всех потерей, геополитической катастрофой тысячелетия (чего не хочет признавать Запад, рыльце-то в пушку), но зато в любую минуту они, покинувшие любимые края, и мы, их дети, можем посетить родные места. Злобы на бытовом уровне с нашей стороны там не оставлено. Только политики накачали ее вволю, отыгравшись на миллионах беззащитных людей как свора геббельсов. И для того они стравливали народы, чтобы под шумок погромов прихватить заводы и фабрики, которые местным простолюдинам так и не достались. Банда президентов, а скорее резидентов, за американские подачки, которые остались в их карманах, как свора собак загрызла до смерти свои же народы, пытаясь из каждого советского человека создать манкурта без совести, памяти, без каких-либо экономических и нравственных основ. И в первую очередь в России, откуда и пошло изначально это лютое зло. В Великую Отечественную отнимали у врага города, крепости, фабрики и заводы, чтобы отдать стране и народу, нынче же провели тщательную зачистку территорий от огромного количества собственных же граждан.

Теперь из простых, честных, неглупых жителей Прибалтики, Азии и Кавказа, которые поняли, как их использовали и крепко надули, никто не плюнет нам вслед, мало того, в тысячах домов всегда преподнесут хлеб, теплую лепешку, лаваш или цветы. А уж наших внуков, пожелай они приехать на малую родину своих отцов и дедов, будут носить на руках в память о добрых поступках семьи, а подобных было там неисчислимое множество. Главное же, в память о той жизни, когда все было с работой, спокойно рожали сколько угодно детей, не боялись за завтрашний день, не боялись остаться без медицины и образования.

Теперь я искренне не понимаю, отчего это бесились так называемые диссиденты? Которые за возможность болтать что ни попадя и где ни попадя, лишили миллионы людей их среды обитания, а сами тут же удрали в другие страны, вроде как умчались за оплатой за содеянное, успев, однако, поставить на крепкие экономические ноги всех грабителей и бандитов. Теперь и спросить не с кого, мерзавцы нашкодили и смылись.

Мы же, в отличие от коротичей, горбачевых, уродливых недоучек новодворских не выбросили в окно самое свое дорогое — Советскую Родину. Глядя на варвар-

ство уходящих из Палестины израильских поселенцев, которые оставляют после себя огромные костры человеческого и политического самосожжения, я радуюсь тому, что в нашей стране из миллионов советских людей, пострадавших от перестройки, будто от перемещения в концлагерь, никто не стал разрушителем и нерончиком.

Психологический Рим мы оставили в полном порядке, что и поможет нам в будущем собраться воедино.

Чечня... Ах, да... Бомбежки, взрывы, гибель десятков тысяч... И во всем, оказывается, виновата советская власть из-за депортации, во время которой, правда, переселенцы получали пайки, а затем колхозную и государственную помощь в виде беспроцентных банковских ссуд. Русским беженцам 1991-го такой же государственной помощи не оказывали.

Архивы и дальнейшие реалии, как видим, отвергают напористую ложь демократов. Это же сделал загодя и великий Пушкин. В 1820 году 24 сентября Александр Сергеевич писал своему брату Льву Сергеевичу из Кишинева: «Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться. В надежде большого выкупа — они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца»...

Как видим, традиция торговли людьми имеет на Кавказе глубокие корни. Их на время прервала советская власть. Но диктатура захвата заводов, фабрик, желания жить хорошо прямо сейчас любыми путями, вновь все расставила по «своим» местам. Кому ничего не досталось, начали хватать соседей, незнакомцев с рынка, учителей, подростков и даже малюток.

И эту страшную войну, войну бомбежек и работорговли, как и в Израиле, начали те, кто захотел разбогатеть за счет другого.

У Хакамады, положим, даже очки перегреваются от гнева, когда она вспоминает советскую власть и Чечню, но представьте... 1943-1944 гг.! Наступление советских войск в Крыму и на Кавказе. А в тылу по заданию абвера перешедшие на сторону фашистов чеченцы стреляют в спину советской армии, грабят эшелоны с продовольствием и вооружением, убивают сопровождавших поезд солдат и командиров, а потом днем — эти убийцы в поселках и аулах среди мирных жителей ходят по улицам как невинные козочки. Местное же население по исторически сложившимся традициям ни за что не сдаст своих преступников. Совсем так же, как и нынче в Чечне. Узнай теперь, кем была на самом деле та прелестная чеченская девушка Эльза Кунгаева, если соседи говорили, что она снайпер? Такие же юные пиротехники от Чечни не одну тысячу молодых неопытных солдат и простых жителей Москвы отправили на тот свет.

Зачистка территории в 1944 г. прошла бескровно, даже сами чеченцы теперь говорят: «Сталин нас не убивал, он просто переправил в края, которые даже по климату были схожи с Чечней, а вот буржуазная российская власть с той стороны и с другой устроила в республике громадную многолетнюю поножовщину».

Владимир Винников, газета «Завтра». «Складывается впечатление, что Иосиф Виссарионович каким-то мистическим образом присутствует не только в современной политике, но и в современной культуре, что он, говоря словами Владимира Маяковского в поэме о Ленине, «и теперь живет всех живых». Взять ли ситуацию в Чечне — сразу на память приходит сталинская депортация чеченцев в

1944 году силами двух дивизий НКВД. Нынешние власти вот уже девятый год поддерживают эту язву на теле России. Взять ли состояние дел в экономике — сразу вспоминаются сталинская индустриализация и послевоенное восстановление народного хозяйства. Тогда за пять лет, уже к 1950 году, страна добилась возврата к довоенным объемам производства, хотя американские специалисты отводили нам на это не менее 20 лет. Сегодня самый микроскопический рост, в пределах статистической погрешности, выдается за величайшее достижение «новой России», хотя при нынешних «темпах роста» мы выйдем на уровень 1989 года хорошо, если году так к 2025-му. То есть фактически полвека будет потрачено нашей страной впустую, а за это время другие страны уйдут далеко вперед. Взять ли бесконечные нынешние споры с Прибалтикой и странами СНГ — сразу возникает желание обратиться к опыту Советского Союза, 80-летие со дня образования которого, по сути, замолчали... Взять ли упорное продвижение НАТО на Восток, агрессию США в Ираке и Югославии — сразу возникает услышанная еще в детстве от родителей и поразившая меня сталинская фраза: «Победой в этой войне мы обеспечили мир Европе на ближайшие пятьдесят лет». Не меньше и не больше. Так всё и получилось. Что это — какое-то особенное устройство ума Сталина, присущий ему дар пророчества и предвидения, или нечто иное?»

Ричард КОСОЛАПОВ, газета «Завтра». «Я думаю, что Сталин не обладал особым провидческим даром, однако, он умел трезво, с учетом всей многофакторности мира анализировать ход событий, делать правильные выводы и предпринимать соответствующие шаги. Это был человек на своем месте.

К сожалению, беда состоит в том, что пришедшие на смену Сталину деятели стали судить о нем с позиции камердинеров, с позиции лакейской. У Гёте, кажется, было утверждение о том, что лакей никогда не думает высоко о своем господине. И все обличения Сталина: и прошлые и нынешние, — проникнуты каким-то низменным духом подделывания под себя большой величины, которая умела мыслить намного лучше и принимать в расчет гораздо большее число обстоятельств, чем это могут себе представить его критики.

Суть дела ведь заключается не в том, чего Сталин не сделал или что-то сделал не так, как хотелось бы вчерашним и сегодняшним его «ниспровергателям», а в том, как он справлялся со своими обязанностями руководителя страны, особенно в самые ответственные моменты, когда всё висело, можно сказать, на волоске. Очень показательно, что в самые трагические дни осени 1941 года Сталин накапливал резервы и никому их не отдавал. Положение было отчаянным, даже Жуков в этот момент проявил слабость, предлагая перенести штаб фронта в район Белорусского вокзала.

Сталин ответил: «Я поеду туда сам», — и вопрос был снят. Вот такое накопление резервов у него было обдуманно и отработано очень давно, еще с обороны Царицына.

Что бы ни говорили о Сталине, в своем времени он переиграл всех: Черчилля, Гитлера, Рузвельта, — не говоря уже о таких оппонентах, как Троцкий или Чан Кайши. Казалось бы, зачем было обескровленному тяжелейшей четырехлетней войной Советскому Союзу настолько активно участвовать в разгроме Японии? Никто на Западе, по большому счету, не ждал от Сталина подобного шага, памятуя о собственных попытках всячески оттянуть открытие Второго фронта. Американцы специально для подстраховки сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Тем не менее, наша страна, следуя своим союзническим обязательствам, ровно через три месяца после завершения войны с Германией начала операцию

в Маньчжурии. Даже Черчилль вначале не вполне уразумел, что происходит, зачем «дядюшке Джо» вмешательство на Дальнем Востоке. Ситуация проявилась позже, когда трофейным японским (а разгромленная практически за неделю Квантунская армия насчитывала более миллиона человек) да и советским оружием были оснащены китайские коммунисты под руководством Мао Цзэдуна, и к 1949 году прозападный Гоминдан на территории континентального Китая был полностью разгромлен.

Эта победа обеспечила полное доминирование «красного блока», сил социализма, сил национального освобождения фактически на всем евразийском континенте. Войны в Корее и Вьетнаме лишь подчеркнули это обстоятельство.

При полном, казалось бы, военно-техническом превосходстве Соединенные Штаты уже ничего не могли изменить в сложившемся стратегическом балансе.

В этом отношении, да и не только в этом, я считаю порочной политику, которую вел Хрущев и которая привела, в частности, к фактическому разрыву с красным Китаем. Известно, что Мао Цзэдун при встрече с Хрущевым предупредил его, что если критика Сталина в СССР будет продолжаться, то китайцы «уйдут в горы». Хрущев, которому эту фразу перевели дословно, просто ничего не понял» (г-та «Завтра», № 3-458, 2002 г.).

Когда-то царица Александра Федоровна написала своему мужу Николаю II: «Как бы я хотела отхлестать и выгнать министров. Раздави всех». (Зинаида Гиппиус, «Живые лица», Тбилиси, «Мерани», 1991 г., стр. 83). Не правда ли, очень похоже на сегодняшний день с реформами по отъему народного здоровья, нашего государственного имущества в пользу западных стран, по отъему наших квартир?

И вот когда среди нас вырастет лидер, который при малых оппозиционных возможностях сумеет переиграть «президентский» ресурс хитрости, наглости и подлости по отношению к своему народу, когда не будет плестись в хвосте буржуазных решений, законопослушно и религиозно-мистически выставляя «ой, так нельзя», когда он будет работать на опережение, на ловкость и маневренность предельно малых сил, как умел это делать Ленин, а не терять свои последние, а вначале весьма многочисленные отряды, тогда и дело защиты трудящегося человека сдвинется с места.

«Это война. Это необходимость. Люди текут, идут умирать... за родину? Пусть они думают, что за родину. Или пусть ничего не думают. Потому что вот эти, сейчас проходящие, сейчас поющие, пойдут в огонь — за Гришкину привольную и почетную жизнь» (Зинаида Гиппиус, «Живые лица», Тбилиси, Мерани, 1991 г., стр.81).

Речь в данной записи идет о Григории Распутине. То есть, русские солдаты в Первую мировую шли погибать за благо и счастье верхушки, в то же время — за лютую нехватку всего необходимого для своих детей...

И когда 180 народов великого СССР окончательно поймут порочность диктатуры частной собственности, не оставляющей места на земле скромному, честному, работающему, когда они вконец устыдятся огромного количества рабов на нынешних стройках, вдоль трасс, в подвалах, этих современных малых и страшных резервуаров, малых концлагерей под полом многих наших квартир и магазинов, тогда безоружные народы даже лбом прошибут этот современный рабовладельческий строй, натянувший на себя фальшивую морду демократии.

И тогда мы подружимся вновь, жители разных республик. Ведь глубоких корней ненависти даже в минуту трагического исхода в никуда у нашей распри не было. Не будь в 1991-м гнусных вредных политиков, думающих только о своем огромном, как бездна, кармане, не было бы и той страшной распри.

Я верю, не за горами тот день, когда в эту же бездну опрокинутся они сами.

ОБУЗДАЙ ЦУНАМИ!

Советским людям, после разрушения Советского Союз потерявшим не только Родину, но и небо, и землю... Жертвам буржуазного террора посвящается.

«Как много дел считались невозможными, пока они не были осуществлены».
Плиний Старший

Не погрузиться ж миллионам в бирюзовую глубь озер, коль вынудили их уйти от южных звезд, которым они вдруг стали чужими, коль вернулись они к российским созвездьям, не принявшим их? Что же делать отринутым на перепутье миров, когда оставили им лишь каменную глубину веков да сирень в палисаде безмятежную с гроздьями счастья прежнего, но уже невозвратного? Кем и чем теперь стать в этом сложном узле эпох? Повернуться ли безразличной к ветру скалой, истечь бы мелким ручьем, остаться ль цветком непорочным, погибающим под внезапной чужою тufлей?

Разве прежде виделась эта доля полынная? Бездомовная участь тревожила ль сон, и стучалась ль когда в их предсердье такая беда?

Как уйти с берегов, что годами тобою лелеялись, как уйти от травы и реки, гревших с детства ладони твои? Рок ли, столкновение ль веков огородили им для жизни теперь не простор — а лишь круг омутной, в котором столько потерь...

А в это время по жизни достойно плывет только Кошель, полный чванства и корысти, для которого чья-то жизнь — лишь тлен, чужая мечта — зола, с неприятием чести твоей, с отверженьем души твоей и других таких же бескорыстных, любивших когда-то в тиши создавать мысль, а как следствие ее — ракеты, поезда, корабли, чтобы смело лететь на них в мирозданье без алчности и гнилья.

Но был промах в жизни твоей: ты презирал расчет, не принимал Кошель за врага, думал, что это плюгавый, корявый предмет, так ничтожен он и слаб. А нет, зря... Этот коварный меняла вертел людской стихией веками.

Но как верить тем, кто когда-то поведывал миру о сущности упыря? Только свое... народившееся в собственной жизни, ощущается на уровне Космоса. К чему помнить о стихиях, ушедших в далекое небытие? От неги солнца, из-за прохлады ветвей, таинственных ночей и теплых всполохов дня как же думать о худом?

Но вдруг... из-за Галлеи — хвост давно забытого вурдалака... Поначалу все возрадовались, вскричали:

— Свет! Новое! Свет! Гляньте... вот от Космоса откровение!

И в одно мгновение на Земле — как в последний миг... Внезапно и страшно взорвались рискованные секторы жизни, мироустройство которых на данном витке жизни предстояло еще додумать, но как-то все было недосуг. Творец ведь спешил — за ракетой, вурдалак же мёл по земле. И хитрованностью благозвучной, религиозной утишительностью снес-таки в округе владычество ума и добра.

На улицах — час битвы. Но каково это... вместо довода разума вдруг охаживать дубиной другого? К чему, будто в древности, такие тайфуны? Может вначале договориться? И тогда... прочь бы тут же из яркого дня все затменья! Людской мир —

только для солнца, удач и рассветов...А палка... К ней же как-то неловко тянуться.

Итак, в первую минуту необходимость своих сражений не понята. Оттого униженными тушканчиками ошеломленно уже наблюдаем из травы, как по земле несутся другие цивилизации, иные нации, будто из неолита впрыгивает в жизнь нечто чумное и воинственное. И для всего этого чужеродного — твои мечты и дела — ерунда. Выиграл же в этот момент лишь тот, кто подластился, смиренно подполз, кто был малым, хоть и постыдно карманным, но кошельком. Как и тысячелетие назад, рабом...

«В людской извечной кутерьме всему потеряна цена, где, торжествуя, жизнь цвела — пустыня мертвая видна», — несколько веков назад опечалился и Махтумкули, также познавший вдруг, что жизнь сотворена не только из радостей, а небо не только из звезд, но и надолго без луны. И в прежние века выпадало ощутить, каково это, когда из души изгоняют твой мир, чтобы насильственно втянуть его в чужую злобную ауру...

Однако плохи ль твои дела, коль ты понял, что рабство не для тебя? Дитю, старику, женщине худо из-за твоего бездействия? Так смекни, что и сам ты едва живой...до тех пор, пока не вырастил в себе мысль и не взрастил в душе песнь про то, что не станет трава чужой, и ты по-прежнему ей родной, и не станет тебе река чужой — ты ж для нее родной. А не нужен ты лишь Коробам, захватившим все пространство вокруг, слоняющимся по берегам рек, тяжестью мешков своих поработивших тысячу рук, мгновенно согнувших тысячу спин. Не нужен ты и тюкам, не согнувшим тебя, будто осла.

И пока ты покорным тушканчиком испуганно глядишь из травы, тебе не светит звезда, не ведут за собою ветры, не чертят по небу твои корабли. Почему же ты не прочитал на небе цели своей? Уклонившись от боя, жизнь свою не только в чемадан, но и в грязь утоптал. И, едва приподнявшись, бежал. В черную дыру. На мелководье, во мглу, на боковушку. Безгосударную. Бездарную. Исторически... не твою.

Так не нравится везти на себе грязь и мразь? Не по тебе лохмотья веков, для которых великое откровение жизни... лишь лабаз? И чтоб выиграть судьбу, непременно бы кого-то обмануть, предать, убить? Когда на всех ярусах жизни... для слабого — только невольничество?

Тогда вышвырни вурдалака! В ту древность, откуда и вылезла эта мгла...

Обозначь же Цель и иди! Бери ее в руки и спеши! Цель во веки веков стреляет лучше автомата.

Тогда палисад с сиренью безмятежною с гроздьями счастья прежнего, мысли, поезда, серебристые лайнеры — непременно встретят тебя.

Однако... после удавки врага.

Так быть ли тебе Спартакom? Или навеки — рабом?

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. «Зачем же люди расстаются?».
2. Его фамилия... Максимов.
3. «Ташкент-I».
4. «Война переменяла фронт и формы».
5. Не гони волну, а то и самого укачает».
6. Как убивали «Красную гвоздику».
7. А Советские уходили с достоинством.
8. Обуздай цунами.

Формат 84x108/32. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 4, 5